

М.Н. Потемкина

**«Выковыренные»:
личностное восприятие
эвакуации в годы
Великой Отечественной
войны**

Магнитогорск 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

М.Н. Потемкина

**«ВЫКОВЫРЕННЫЕ»:
ЛИЧНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭВАКУАЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Монография

Магнитогорск
2016

УДК 94(470) «1941/1945»
ББК 63.3(2)622
П641

Рецензенты:

Доктор исторических наук,
директор Института социально-экономических и гуманитарных
исследований Южного научного центра РАН
Е.Ф. Кринко

Доктор исторических наук, профессор,
Заведующий сектором политической и социокультурной истории
Института истории и археологии Уральского отделения РАН
А.В. Сперанский

Потемкина, М.Н.

П641 «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны: монография / М.Н. Потемкина. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 151 с.

ISBN 978-5-9967-0792-8

Монография посвящена проблеме эвакуации населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Целью автора монографии было воссоздание человеческого измерения эвакуации.

Материалы и выводы монографии могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории Второй мировой войны, а также в воспитательной работе с молодёжью.

УДК 94(470) «1941/1945»
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9967-0792-8

© Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова, 2016
© Потемкина М.Н., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. «ТРЕБУЕТСЯ ЭВАКУАЦИЯ...».....	9
Глава 2. В ЧУЖОМ КРАЮ	54
Глава 3. ДОРОГА ДОМОЙ	96
Заключение	135
Список сокращений	139
Приложение	140

ВВЕДЕНИЕ

Беженцы... Меняется мир, но не прекращаются вооружённые конфликты и стихийные бедствия в различных точках земного шара. Потоки беженцев и эвакуированных за последние полвека не сократились, а даже возросли. В связи с этим вопросы оптимизации эвакуационных механизмов и преодоления трудностей адаптации беженцев к новым условиям проживания остаются одними из наиболее актуальных.

«Человеческое измерение» проблемы вынужденных миграций населения – новая страница исследований по социальной истории, которая может способствовать привлечению внимания властей разного уровня к обозначенной тематике и поможет повысить эффективность государственной политики и общественной помощи беженцам в современном мире.

Массовая эвакуация населения явилась одной из самых драматичных страниц истории Великой Отечественной войны. В этом ключе исторический опыт (как позитивный, так и негативный) периода Великой Отечественной войны по адаптации беженцев в городах и сёлах советского тыла представляется весьма интересным.

Научных исследований по истории Великой Отечественной войны в целом, по проблемам эвакуации и эвакуанаселения в частности, написано немало. Но, и сегодня можно смело подписаться под позицией И.В. Нарского, озвученной им 15 лет назад: «в современной России по-прежнему количественно лидирует политическая история войны – описание военных событий и государственных решений, военно-стратегических успехов и деятельности полководцев. Преобладающими в российской научной литературе остаются рассмотрение войны вне длительного временного контекста, патетический тон её описания, героизация, интерес к выдающимся личностям».¹ Отечественные историки, изучая эвакуацию периода Второй мировой войны, основное внимание сосредоточивают на анализе эвакуационного механизма, количественных и качественных результатах перевода в тыл промышленного оборудования и населения, материально-бытовых проблемах эвакуированных в тылу, анализе конкретного фактического материала отдельного региона.

В Израиле, Европе и США написан целый ряд работ, освещающих различные аспекты повседневной жизни советских людей в условиях социальных трансформаций советского периода (С. Шварц, Н. Верт,

---

¹Нарский И. Предисловие // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного интернет-семинара. Сост. Ю. Хмелевская. Предисл. И. Нарский. М.: АИРО, 2005. С.8.

С. Куртуа, С. Швейбиш, А. Люстигер, Р. Манли, Ю. Фюрст, Ш. Фитцпатрик), но их авторы, как правило, не выделяют эвакуированных в отдельную группу населения.

Уже имея ряд публикаций (включая монографии²) по проблемам эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны, я решила вновь вернуться к этой теме. Какая новая мысль подтолкнула меня написать ещё одну книгу про это массовое бегство? Показать эвакуацию в человеческом измерении, воссоздать её психологическое полотно. Ещё раз понять, что эта тема не имеет дна, она неисчерпаема. Именно поэтому какие-то сюжеты пока остались «за бортом» этой книги и ждут дальнейших научных изысканий.

Есть ещё одна затаённая цель написания этой книги: это попытка реабилитировать в глазах общественного мнения сотни тысяч беженцев Великой Отечественной войны. На всём протяжении эвакуационного периода своей жизни эти люди часто подвергались осуждению в общественном мнении. Оно было то явным, то скрытым. В ходе эвакуации их осуждали за бегство те, кто считал, что надо помогать защищать свой город или оставаться страдать вместе с ним (хотя мотивация к неэвакуации далеко не всегда была морально чистой). В тыловых районах эвакуированных воспринимали как чужаков, кто жалостливо, а кто и презрительно называя их «выковыренные», то есть люди без корней, перекати-поле. А когда эвакуированные возвращались на прежние места, на свою малую родину, их опять встречали настроенно и неприязненно, считая, что они «отсиделись в тылу». Кто вправе быть судьёй, и возможно ли уложить историческое переплетение людских судеб в «прокрустово ложе»?

По большому счёту, эти люди тоже «ковали победу», спасая жизни своих детей – будущего страны, работая на заводах и предприятиях, создавая произведения искусства и т.д. Поэтому и захотелось представить эвакуацию не как процесс, а как мозаичную картину, складывающуюся из отдельных людских судеб. Разглядеть за ними тенденции, закономерности... Как писала Нелли Семпер: «Задача автора – в потоке истории, в водовороте жизни запечатлеть неповторимые человеческие «я», дать «картину жизни обыкновенных и не совсем обыкновенных людей в этом абсурдном веке, совместившем небывалое расширение сознания – космического, научно-технического и личного с провалом в бессмысленное варварство двух мировых войн и десятка подлых и кровавых диктатур»³.

---

² Потемкина М.Н. Эвакопоселение в уральском тылу 1941–1948 гг.: моногр. Магнитогорск: МаГУ, 2006.

³ Семпер-Соколова Н. Е. Портреты и пейзажи: частные воспоминания о XX веке / сост. Э. Уткина. М.: Моск. учебники и картолитография, 2007.

Композиционно монография построена по хронологическому принципу и состоит из введения, трёх глав и заключения. В книге предпринята попытка представить читателю под новым углом зрения такие сюжеты как: психологическое восприятие эвакуации заключёнными ГУЛАГа, особенности эвакуации в различных регионах нашей страны, эвакуация представителей партийной, чиновничьей, военной и культурной «элиты» советского общества, стратегии выживания эвакуированных в тылу, взаимоотношения местных и эвакуированных, стереотипы взаимовосприятия и их преодоление, нелегальные способы реэвакуации, материальные и моральные проблемы реэвакуантов по возвращении домой и др.

Источниковую основу нашего исследования составили опубликованные и архивные документы, личные мемуары, собранные и опубликованные тексты интервью «детей войны», собранные и опубликованные в России, Германии, Израиле, документальный фильм «Эвакуация», основанный на воспоминаниях людей, переживших эвакуацию со всех краёв постсоветского пространства. Акценты в данной монографии преднамеренно смещены в сторону источников личного происхождения. Используя такой уходящий и уникальный исторический источник, как воспоминания о войне людей, переживших эвакуацию в СССР в годы Великой Отечественной войны, мы должны учитывать его особенности. «Памяти самой по себе, так же как и прошлого, не существует. Это всегда конструкция, результат непрерывной и неслышной активности, порой сознательного, а порой бессознательного взаимодействия многочисленных людей и разнонаправленных сил, которые снова и снова ткнут воздушное покрывало прошлого»⁴.

Для большинства респондентов военный период пришёлся на их детство. Детская память обладает такими характерными чертами как отрывочность, стирание временных и пространственных рамок, сенсорность. В первую очередь, человек запоминает то, что эмоционально окрашено, поэтому, как правило, детальные описания касаются событий дороги в эвакуацию, меньше – рассказов о жизни в тылу и реэвакуации.

В автобиографической истории конкретные исторические даты зачастую либо не играют никакой роли, либо оказываются сдвинутыми во времени. Учёные-психологи утверждают, что особенно развита сенсорная память, то есть ребёнок помнит запах, вкус, цвет лучше, чем само событие. Иногда проявляется феномен выдавания желаемого за действительно происходящее, то есть воспроизведение фактов, которые

---

⁴Феретти М. Непримирая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.135.

на самом деле человек не может помнить. Беря интервью у Э. Е. Заславец, я обратила внимание на то, что, пережив эвакуацию в возрасте полутора лет, она эмоционально рассказывала о том, как ехали, что с собой взяли, и даже называла фамилию машиниста поезда, который их вёз. Информант не могла этого помнить, но искренне была убеждена, что помнит. Дело в том, что в семейном архиве хранятся воспоминания старшей сестры о войне и эвакуации (сестра Анна была 1931 г. рождения), именно этот текст остался в памяти Эмили Ефимовны⁵.

Процесс «вспоминания» военного детства – это интерпретация, сформировавшаяся под влиянием военной действительности, официальной советской пропаганды, индивидуальных особенностей личности и преломленная через время. Поскольку память индивидуальна, единого унифицированного «детского образа» войны и эвакуации быть не может.

Анализируя воспоминания людей пожилого возраста о своём детстве, необходимо учитывать как особенности психики пожилого человека, так и специфику «детской памяти». Психологические особенности пожилых людей строго индивидуальны и зависят от наследственности и наступления старости в роду, наличия соматических заболеваний (в роду и у конкретного лица), психического стресса и длительного неудовлетворения значимых потребностей. В целом, для них характерно то, что более значимыми становятся повторяющиеся воспоминания прошлого, а не реальная действительность.

Детская память имеет свои социальные рамки, отличные от взрослых, во многом определяемые особенностями воображения. В отличие от архивных документов, воспоминания «детей войны» содержат множество житейских подробностей, они переполнены эмоциями. Всё это позволяет сделать историю эвакуации более полной и аутентичной. Интервьюер, записывая воспоминания Евгении Иосифовны Бельфер, отметила: «Слушая её взволнованную речь, я уже не удивляюсь, что всю страшную эпопею бегства от немцев она помнит гораздо отчётливее и лучше, чем свою последующую долгую жизнь»⁶.

Главная особенность воспоминаний и мемуаров – их субъективность. В описании фактов проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение и политические взгляды. При анализе этих документов необходимо учитывать социальную обусловленность мышления их создателей и различать три уровня отражения духовных процессов: общие представления, характерные для эпохи; идеи и

---

⁵Интервью с Заславец Э.Е. Магнитогорск.21.03.2008 г.

⁶Бельфер Е.И. Бабушка, мать бабушки // Журнал ЖЖ. 7.06.2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://jennyferd.livejournal.com/215643.html>

представления той социальной общности, к которой принадлежит автор; наконец, его собственное, индивидуальное отношение к действительности. Следует также учитывать особенности памяти, одно и то же воспоминание с течением времени теряет свою идентичность и трансформируется вслед за изменением окружающей действительности.

Методологически логика монографии опирается на теоретические положения истории повседневности, истории частной жизни, истории эмоций.

Хочется выразить сердечную благодарность работникам архивов за помощь в поиске материалов (особенно Кибиткиной Галине Николаевне, Терушкину Леониду Абрамовичу, Беленкину Борису Исаевичу), информантам за интересные воспоминания, коллегам-историкам за ценные замечания.

Глава 1. «ТРЕБУЕТСЯ ЭВАКУАЦИЯ...»

Нас,
несмышлёншей зелёных,
Понёс от фронта
на восток,
На тачках,
в душных эшелонах –
Эвакуации поток.
(О. Великов)

«Вся широкая улица вплотную загружена машинами, в них, согнувшись в три погибели, сидят на грудах вещей беженцы – пригородные обыватели, городские евреи, коммунисты, женщины с детьми. Втиснулись в поток автомобилей какие-то воинские части, пешеходы катят тележки с привязанными к ним чемоданами, толкают тачки и детские коляски... А там – куда глаза глядят ... под бомбежки, в другие города, в чистое поле, на тот свет...»⁷. Такой запомнилась эвакуация в октябре 1941 г. москвичке Наталье Евгеньевне Семпер (Соколовой). Слово «беженец» ассоциируется у нас с неопределённостью, бесприютностью, неустроенностью. Беженец – это тот, кто покинул место своего жительства, спасаясь от бедствия. Что пережили и как выжили сотни тысяч людей, пережившие эвакуацию в годы Великой отечественной войны в СССР?

В конце 1930-х гг. весь мир жил ожиданием войны. Многие понимали её неотвратимость, но, наверное, не представляли всего масштаба грядущей катастрофы. В выступлениях военных руководителей страны звучали слова о самом высоком в мире уровне вооружённости и боевой подготовки, а, следовательно, непобедимости Красной армии. В СССР господствовала военная доктрина, базировавшаяся на идее ответного сокрушительного удара с целью разгрома агрессора и перенесения боевых действий на его территорию уже в первые дни войны. В довоенном мобилизационном плане на случай войны массовые эвакуационные перевозки не предусматривались. Все иные взгляды расценивались как «пораженческие настроения».

Война началась в воскресный день 22 июня 1941 г. на рассвете. Стремительное продвижение фашистских войск вглубь территории СССР, политика фашистов на оккупированных территориях СССР, озвученная Гитлером в плане «Ост» и предполагавшая уничтожение

---

⁷Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о 20 м веке // Дружба народов. 1997. № 2. С. 107.

евреев и славян-«недочеловеков», затяжной и тотальный характер войны, означавший противоборство не армий, а экономических и людских потенциалов, – все эти факторы побуждали людей к бегству, а государство – к вывозу материальных и людских ресурсов СССР в глубокий тыл. Необходимость регулирования и регламентирования миграционных потоков стала ясна уже с первых дней войны. Из прифронтовой полосы двинулись как стихийный поток беженцев, так и организованные группы эвакуированных. Направление движения обоих потоков было одно – на восток, вглубь страны, подальше от стремительно накатывающейся линии фронта.

Узнав о том, что страна оказалась в состоянии войны, каждый житель СССР задался вопросом: что же делать в этой новой, явно неблагоприятной ситуации? Как выжить, спасти семью и детей? Большинство ждало рецептов спасения от государства. Уже в первые дни войны государство в лице высшего руководства обозначило свою позицию: «враг вероломно напал на нашу Родину», война носит характер Отечественной, спасение каждого советского гражданина зависит от спасения отечества, девизом существования каждого должен стать: «Всё для фронта, всё для Победы!». В связи с этим необходимо: мужчинам призывного возраста идти на фронт защищать Родину от агрессора, всем людям трудоспособного возраста отдать здоровье, силы и время, создавая продукцию оборонного характера, при приближении линии фронта эвакуироваться в тыл, в случае попадания на территорию, оккупированную противником, вести партизанскую и подпольную борьбу с врагом.

Начавшаяся война расколола единое пространство страны кровавой чертой – линией фронта. По одну сторону – «наш мир с нашими людьми» – тыл, по другую – «чужой мир» – территории, оккупированные врагом. Пространство страны осознавалось не просто как территория на политической или физической карте, а как ценность, ради которой советские граждане были готовы пожертвовать жизнью, независимо от того, угрожал противник местам их собственного проживания или нет ⁸.

Люди попали в другую реальность: разрушен привычный порядок и ритм жизни, изменилась ценность вещей. Характерными чертами существования в прифронтовой зоне были безвластие, неизвестность, паника, дезорганизованность. В этих новых условиях всё, что прежде казалось жизненно важным, потеряло смысл, все мысли и действия были подчинены только одному: спасению собственной жизни и жизни

---

⁸Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С.62.

близких дорогих людей. При этом спасение собственной жизни напрямую зависело от спасения Отечества.

Принять решение.

В этих сложных условиях жителям западных регионов СССР, не мобилизованным в армию, пришлось в считанные дни принимать решение об эвакуации. Психологическими причинами, оказывавшими влияние на принятие решения о миграции, были факторы выталкивания и притяжения. Фактор выталкивания связан с неудовлетворенностью условиями существования индивида на прежнем месте жительства. Фактор притяжения включает в себя совокупность привлекательных черт или условий для проживания в других местах⁹. На одной чаше весов была потенциальная возможность лишиться жизни каждую минуту, понимание того, что, чем дальше от линии фронта, тем безопаснее, на другой – чувство долга, жильё, имущество, нетранспортабельность пожилых или больных родственников и другие материальные блага или моральные обязанности. Парадокс войны как раз и заключается в трансформации отношения к человеческой жизни: гибель сотен тысяч людей снижает ценность жизни отдельного индивида, но все остальные ценности теряют смысл перед человеческой жизнью.

Принятие решения об эвакуации было индивидуально для каждого человека и зависело от множества объективных и субъективных моментов: места работы и должности, возраста и состава семьи, финансовых возможностей, наличия «нужных знакомств и связей», социальной, национальной и партийной принадлежности, информированности, запрещающего или позволяющего распоряжения властей, места проживания и наличия транспортных магистралей и т.д. И, не в последнюю очередь, влияние оказывала сила или слабость характера, степень внушаемости личности. Психология толпы также сыграла свою роль в принятии решения об эвакуации: «Прощай, Москва! – сказал я с грустью. На душе было тускло. Бегство из Москвы. Как это было ужасно и не походило на те героические подвиги во имя Родины, которые мы всегда воспитывали у себя и у других. Почему я бегу? Мне приказали. Мне сказали, что есть решение правительства, что лично Сталин приказал спасти интеллигенцию, и писателей в том числе. До меня бежали все... Я был последний из тех, кто покидал город. Мог ли я остаться в Москве? По-моему, мог. Почему же я кинулся на Горький? Дисциплина и стихийное чувство паники»¹⁰.

---

⁹ Фролов С.С. Социология: учебник. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://polbu.ru/frolov_sociology/ch52_all.html

¹⁰ Первенцев А. Дневники 1941-1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/arkadiy_pervencev/dnevniki_19411945/read/

Расставание с близким и привычным пространством происходило непросто. Многие советские граждане редко куда выезжали за пределы своего города или района. И уехать куда-то, почти в неизвестность, за сотни километров казалось выше человеческих сил. Людям тяжело было оторваться от привычных мест. Вот что вспоминает об эвакуации из Тулы бывший в то время начальник цеха Н. Д. Беляков: «Завод, работавший больше двух столетий, вдруг внезапно должен был прекратить свое существование. И не просто выключить моторы, закрыть ворота. Нет. Нужно срочно и быстро уехать. Куда? Урал, Сибирь, в том числе г. Медногорск, для коллектива рабочих были понятием абстрактным. Оружейный завод – это Тула...»¹¹. Сложно было решиться бросить дом и годами нажитое имущество. Ведь объём груза, который можно было взять с собой, был строго ограничен, если человек отправлялся организованным порядком. А если просто беженцем, то с собой в лучшем случае можно было взять только то, что умещалось в автомобиле или на телеге; а обычно – то, что можно было унести в руках. Брали в первую очередь деньги, драгоценности, семейные реликвии, тёплую одежду и обувь, продукты питания.

Зачастую принятие решения об отъезде в тыл не зависело от самого человека. Юридически право принудительного перемещения людей было оформлено рядом правительственных постановлений и распоряжений местного руководства. Они касались, в первую очередь, работников промышленных предприятий, а также известных представителей научной и творческой интеллигенции. Бывало, что повестки об эвакуации приходили на дом с названной датой отъезда. Противоречивость некоторых указов, принимаемых руководством страны, вызывала у людей ощущение страха и нерешительности. Ведь самостоятельный уход из прифронтовой полосы мог быть расценён как дезертирство и предательство¹².

Нередко эвакуация не разрешалась семьям рабочих и служащих, вывозившихся вместе с предприятиями и учреждениями. Так, в октябре 1941 г. из рядов партии был исключен Г. Э. Зухер за то, что, эвакуируясь с заводом, вывез в тыл свою семью¹³. Помощь в эвакуации своей семье считалась нарушением трудовой дисциплины. Например, приказом военного прокурора железнодорожного транспорта от 20 февраля 1942 г. арестом на 10 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50% от зарплаты за каждый день ареста был наказан военный юрист 3-го ранга Фих Петр Борисович. В чем же заключался его проступок? Обнаружилось, что в августе 1941 г., будучи помощником

---

¹¹ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М., 1988. С. 84.

¹² Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 134.

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 135. Л. 41.

военного прокурора юго-западной железной дороги г. Лубны, он взял отпуск и поехал сопровождать свою семью в эвакуацию в г. Троицк¹⁴. Кстати, заметим, что наказание, учитывая военную обстановку, было не очень серьезным, скорее показательным. Чтобы избежать наказания, люди иногда прибегали к различным хитростям. Например, при эвакуации из Москвы в Челябинск Промбанка СССР руководители банка, чтобы вывезти свои семьи, перед отъездом уволили ряд работников и на их места приняли своих жен. Те получили подъемные, бесплатный проезд, жилплощадь, а потом по приезде в эвакуацию в Челябинск были сокращены¹⁵.

Некоторые из тех, кто хотел эвакуироваться, не могли этого сделать. Вспоминая отъезд в эвакуацию, Р. Орлевская писала: «В надежде уехать пришла семья моего дяди, призванного в первые дни войны. Два брата 9 и 11 лет испуганно жались к матери. Но их не взяли»¹⁶. В Москве, например, было издано постановление Моссовета, запрещавшее эвакуацию всем работникам городского хозяйства в связи с необходимостью обслуживать остававшееся в городе население. Бывший в годы войны председателем Моссовета В. П. Пронин на основании вышеназванного документа отказал в просьбе об эвакуации брату работника ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославского Губельману, который работал начальником ЖЭКа¹⁷.

Имели место случаи, когда люди пытались эвакуироваться, но стремительное наступление фашистских войск обгоняло их. Приведем еще один пример из воспоминаний бойца Е. Мелетинского, который летом 1942 г. оказался во вражеском окружении: «К вечеру движение танков прекратилось, но возник шум русских голосов. Оказалось, что это обоз беженцев, который немцы вынудили повернуть назад»¹⁸.

Не все принимали решение бежать, даже если была такая возможность. Иногда люди недооценивали опасность возможного оккупационного режима. В западных областях СССР в представлении некоторых пожилых людей немцы были такими, какими они их знали по Первой мировой войне. Вот что, к примеру, вспоминает бывшая жительница г. Винницы Мани Трегер: «Может быть, мы бы еще уехали, но у нас была тетя Фейга. Она пришла к нам и говорит: «Не уезжайте, Идд, ты будешь жить, ты откроешь мастерскую; это же идет культурная нация, это неправда, они не убивают. Ты знаешь, когда немцы зашли на Украину, я открыла магазин, я торговала, и за счет этого я еще и теперь

---

¹⁴ ГАПК. Ф. Р 1198. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.

¹⁵ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 4. Д. 138. Л. 101.

¹⁶ Магнитогорский рабочий. 1988. 22 июня.

¹⁷ Пронин В. П., Ищенко С. Г. «Сталин не помышлял сдавать Москву» // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 40.

¹⁸ Мелетинский Е. Моя война // Знамя. 1992. № 10. С. 164–170.

живу». Это нас тоже сбило»¹⁹. М. М. Литичевский вспоминает долгие споры между отцом и дедом: «День и ночь через город шли беженцы. Дед каждый день приводил людей, кормил их и расспрашивал. Дед пережил оккупацию немцев в Первую мировую войну и говорил о них как о цивилизованной нации. Но беженцы рассказывали страшные вещи. Отец настаивал на эвакуации. Мы уехали с оборудованием завода предпоследним эшеленом».²⁰

Для жителей двух столиц – москвичей и ленинградцев – пространство своего города представлялось в первые недели войны абсолютно надёжным. Казалось, что само название «города Ленина» имело сакральный смысл и придавало ему и его жителям особую защищённость. Поэтому люди никак не хотели верить в вероятность прихода фашистов. «Ленинградцы, несмотря на разъяснение опасности положения, не допускали и мысли о возможности подхода врага к стенам их города и не стремились эвакуироваться из него»²¹. Вот как воспринял приказ эвакуировать завод его директор В. П. Курганов: «Это сообщение ошеломило нас. Ведь в предвоенные годы мы твердо усвоили: советские вооруженные силы не допустят вторжения врага на нашу землю. Кто бы на нас не напал, мы будем громить противника на его территории»²².

Серьёзным препятствием к отъезду для некоторых людей было психологическое восприятие «дома» как «родного крова», который объединял всех родных под одной крышей. Особое значение дома как ценности в своих воспоминаниях подчёркивали многие: «Для нашей семьи бездомность страшнее всяких налетов – решили остаться в родной Москве».²³ Наличие на иждивении больных родственников было еще одной причиной, заставлявшей отказаться от отъезда. Так, к примеру, А. Караваева вспоминала, что на попытки А. Фадеева убедить её мать эвакуироваться, та ответила, что «ей восемьдесят первый год, от её жизни остался один тонкий краешек... В грозное это время <...> для старого человека лучшее благо – умереть дома, в своей постели...»²⁴.

Татьяна Луговская писала своему другу драматургу Леониду Малюгину в Киров: «...спасибо за приглашение приехать в Киров, но тут

---

¹⁹ Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1995. № 2 (9). С. 49.

²⁰ Интервью с Литичевским Матвеем Моисеевичем от 25.06.2008 г. // Личный архив Потемкиной М.Н.

²¹ Ковалёв И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 85–87.

²² Курганов В.П. Так родился Уралхиммаш. Свердловск, 1973. С. 8.

²³ Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о 20-м веке // Дружба народов. 1997. № 2. С. 106–107.

²⁴ Караваева А. Борец и организатор // Фадеев: воспоминания современников. М., 1965. С. 268.

у меня очень много людей, которые погибли без меня, везти же их с собой нет никакой физической возможности и материальной. Да и бессмысленно, мать моя всё равно помрёт дорогой, а я её люблю»²⁵.

Иногда причиной отказа от эвакуации становилась гражданская позиция человека. Так, Р. П. Прут к началу войны работала медсестрой в городской больнице Ростова. Когда город заняли фашисты, она не ушла из больницы потому, что там оставались раненые красноармейцы, которым необходимо было помочь скрыться от немцев²⁶. Понимая свою обречённость, всё же женщина не смогла оставить раненых в беспомощном состоянии.

А большинство просто думали, что неприятеля остановят, что фронт не дойдёт до их населённого пункта. А когда становилось ясно, что оккупация неизбежна, эвакуироваться было уже поздно.

География эвакуации.

Москва. Географическое расположение пункта проживания также влияло на судьбу человека. Столица нашей Родины Москва находилась в особом положении. Как только начались налёты на Москву вражеской дальней бомбардировочной авиации, часть москвичей сочла самым безопасным выезд в окрестные деревни. Это были в основном те, кто имел дачи или знакомых с жильём в Подмосковье. Позднее стало очевидно, что такой способ самосохранения позволил только временно обезопасить себя от бомбёжек.

Эвакуация промышленных предприятий, правительственных учреждений, научных и культурных ценностей, населения из столицы была начата в конце июня. 12 октября было принято решение о срочной эвакуации 500 заводов Москвы и области, специалистов, высококвалифицированных рабочих, некоторых учреждений и учебных заведений. По городу поползли слухи о том, что принято секретное постановление Совнаркома о подготовке к взрыву всех предприятий оборонного значения столицы. Говорили, что город объявлен открытым, что предложено расчитать рабочих авиазаводов, выделить надёжный актив, подложить под заводы мины и ждать сигнала. В. П. Пронин, занимавший в военное время должность председателя Исполкома Моссовета, комментировал в своих мемуарах ход эвакуации из столицы: «К сожалению, мы не смогли провести соответствующую разъяснительную работу. И на некоторых заводах рабочие стали просто

---

²⁵ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 14.

²⁶ Македонская В. А. Восстановление народного хозяйства в освобожденных районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны (на материалах деятельности государственных и общественных организаций): дис... канд. ист. наук. М., 1992. С. 31.

препятствовать эвакуации, считая это предательством и дезертирством. Серьезное возмущение было на автозаводе, на артиллерийском заводе, на 2-м часовом заводе. На шоссе Энтузиастов рабочие по своей инициативе организовали заслон, не пропускали машины, идущие на восток»²⁷. В условиях дефицита правдивой и полной информации о происходящем на фронте, наблюдая бегство из города части директорского корпуса предприятий, руководящих партийных, государственных чиновников, возмущённые рабочие активно начали проявлять своё недовольство. Критическими днями стали 15 и 16 октября 1941 года. Атмосферу этих дней воспроизвела в своих мемуарах жительница Москвы Н. Семпер: «Стою на углу Садовой 16 октября 1941 года... Спрессованная масса течет по Садовому кольцу к трем вокзалам с утра до ночи непрерывно... Где-то стреляют, где-то грабят склады и магазины, где-то жгут партийные документы, над асфальтом вихрятся обгорелые клочки бумаги, падает черный снег. Где-то минируют улицы, чтобы взорвать столицу»²⁸. 15-16 октября у москвичей возникло ощущение, что столица брошена на произвол судьбы. «Сотни тысяч распущенных рабочих, нередко оставленных без копейки денег сбежавшими директорами своими, сотни тысяч жён рабочих и их детей, оборванных и нищих, были тем взрывным элементом, который мог уничтожить Москву раньше, чем первый танк противника прорвался бы к заставе»²⁹. Тяжёлой ситуацией воспользовались криминальные элементы. Преступники грабили магазины, склады предприятий. Милицейские патрули были не в силах навести порядок на улицах города.

15 октября 1941 г. ГКО принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москва». Массовая эвакуация населения из Москвы инициировалась властями ещё и с целью разгрузить город от женщин, стариков и детей в условиях дефицита продовольствия. Несмотря на то, что большинство москвичей сохраняли спокойствие и присутствие духа, были случаи паники и настоящего дезертирства. Так, после эвакуации аппарата ЦК ВКП(б), охрана 1-го отдела НКВД, осмотрев служебные помещения ЦК, обнаружила полнейший беспорядок. Факты, изложенные в рапорте, явно свидетельствовали о наличии панических настроений. «В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы.

---

²⁷ Пронин В.П., Ищенко С. Г. «Сталин не помышлял сдавать Москву» // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 40.

²⁸ Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о 20 м веке // Дружба народов. 1997. № 2. С. 107.

²⁹ Первенцев А. Дневники 1941-1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/arkadiy_pervencev/dnevnik_i_19411945/read/

Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен»³⁰.

Н. К. Вержбицкий 17 октября записал в дневнике: «Стенная литература, кроме газет, никакая не появляется. Вместо нее кругом кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что “капитаны первыми бежали с кораблей” да еще прихватили с собой ценности». Далее он отмечал: «Слышны разговоры, за которые 3 дня назад привлекли бы к трибуналу... Именно в таких условиях «начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверенность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славолюбия... Страшно слушать. Говорят кровью сердца»³¹.

Мнения москвичей по поводу эвакуации кардинально разошлись. Часть жителей столицы, по распоряжению правительства или по собственному решению, уехала в эвакуацию. Другая часть осталась. Оставшиеся москвичи, кто с презрением, кто с тоской, а кто с облегчением, смотрели вслед бежавшим из города. Некоторые пытались активно воспрепятствовать бегству людей из города, считая их предателями и дезертирами. Из дневника писателя Аркадия Первенцева от 27 июля 1941 г.: «Я вижу наших писателей (конечно, не всех), поражённых отчаянием и трусостью. Война определила их души. Вот теперь проверяются люди. Я знал подхалима и вряля Нилина, моментально бежавшего в Ташкент после первой серьёзной бомбардировки Москвы. Нилина, всегда кричавшего, что он был на фронте, и наплевательски относившегося к той крови людей, которая проливается на полях сражений. Но когда возле его дачи вспыхнул огонёк первого разрыва зенитного снаряда, он бежал постыдно и нагло. Я видел бежавших из Москвы жён писателей и писателей, кричавших об опасности, о падении Москвы. Они напомнили мне крыс, бегущих с погибающего корабля»³².

Писатель А. Первенцев описал в дневнике свою попытку выехать из Москвы в эвакуацию на автомобиле. Сначала машину пытались остановить люди, желающие выехать из Москвы, но не имевшие транспорта. Но все машины, проезжавшие мимо, были перегружены либо пассажирами, либо вещами. Люди не просто плакали и кричали, многие вели себя агрессивно. «И вдруг, когда мы попали в сферу толпы, несколько человек бросились на подножки, на крышу, застучали кулаками по стёклам. Так могли проситься только обезумевшие от страха люди... Я

---

³⁰ «В кабинетах ЦК царил полный хаос» // Источник. 1995. № 5. С. 152.

³¹ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 478.

³² Первенцев А. Дневники 1941-1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/arkadiy_pervencev/dnevniki_19411945/read/

слышал, как под ударами кулаков звёздчато треснуло стекло возле Верочки, как рассыпалось и вылетело стекло возле шофёра. Потом машину схватили десятки рук и сволокли на обочину, какой-то человек в пальто поднял капот и начал рвать электропроводку». Красноармейцы с оружием в руках пытались навести порядок, но стихия захлестнула все дороги из Москвы на восточном направлении. Машины отбирали, разбивали, ехавших людей грабили, избивали, не разбираясь в причинах передвижения. Первенцев поинтересовался причиной остановки машины. «Убегать! – заорали голоса. – Бросать Москву! Нас бросать. Небось деньги везёшь, а нас бросили голодными! Небось директор, сволочь. Ишь, какой воротник!.. И я понял. Они видели во мне барина, лучше их жившего во времена трагического напряжения сил при всех невзгодах пятилеток и сейчас позорно бросающего их на произвол судьбы. Мне стало страшно и стыдно». Разъяснив, что он писатель, Первенцев предъявил документы, удостоверяющие личность, военный билет с отметкой о снятии с военного учёта, эваколисток с распоряжением об эвакуации. Разбив стёкла в машине, ограбив писателя и его жену, толпа всё же позволила им проехать по направлению на Горький. «Нас усадили в машину, расчистили нам путь и с криками «Пропустить писателя, мы его знаем» выволокли нас на шоссе и сказали: «Езжайте, простите, что произошло».

По-моему, я слышал такой благородный голос. Я видел, как грабили очередной ЗИС-101. Из него летели носовые платки, десятки пар носков и чулок, десятки пачек папирос. ЗИС увозил жирного человека из каких-то государственных деятелей, его жену в каракулевом саке и с чёрно-бурой лисой на плечах. Он вывозил целый магазин. Из машины вылетел хлеб и упал на дорогу. Какой-то человек в пальто-деми прыгнул к этому хлебу, поднял его и начал уписывать за обе щёки. Так вот они, грабители больших дорог!»³³.

Ситуация с эвакуацией осложнялась тем, что по дорогам Подмосковья с запада двигался поток беженцев. О принятых советским командованием мерах вспоминает член Военного совета Московского военного округа, дивизионный комиссар К. Ф. Телегин: «Коменданту Москвы генерал-майору В. А. Ревякину было приказано в 40–50 км от столицы навстречу движущемуся потоку людей выдвинуть специальные отряды. Они отводили беженцев в сторону от шоссе и направляли их к востоку обходными путями, минуя столицу»³⁴. Постановлением ГКО с 19 октября 1941 г. в Москве и в прилегающих районах с 20 октября 1941 г. было введено осадное положение.

---

³³ Там же.

³⁴ Самсонов А.М. Москва в октябре 1941 года (по мемуарным источникам) // История СССР. 1981. № 5. С. 71.

В ожидании возможной эвакуации руководство городов действовало по-разному.

Ярославль. В первые месяцы войны фронт стремительно приближался к Ярославлю. Первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев вспоминает: «На местном уровне было решено население не эвакуировать. Но по городу поползли слухи: «Начальству что, они, наверное, своих уже отправили в тыл». Чтобы успокоить людей, в горкомы и райкомы даём указание: членам семей партийных и советских работников чаще бывать в общественных местах»³⁵. В данном случае позиция местного руководства позволила противостоять слухам и предотвратить массовую панику (хотя город подвергался жесточайшим налётам вражеской авиации, но фашистами захвачен не был). Но чаще было наоборот.

Иваново. В прифронтовом городе Иваново в октябре 1941 г. местные власти в обстановке секретности приняли решение о демонтаже оборудования предприятий и подготовке его к эвакуации. Эта информация «просочилась в народ» и стала распространяться в виде слухов. Рабочие боялись остаться без средств к существованию, если оборудование вывезут, а предприятия взорвут. Катализатором агрессивных настроений стало бегство из города руководителей фабрик и партийных чиновников, бросивших людей на произвол судьбы. Вот типичные высказывания рабочих: «Все главные сбежали из города, а мы остаёмся одни», «Наркомат текстильной промышленности, НКВД, обком вывезли свои семьи, а наши остались»³⁶. В данном конкретном случае классически соединились все элементы, способствующие развитию интереса к слухам и перерастания их в практические действия: значимость темы, ощущение нехватки информации, высокий уровень тревожности индивидов, вера в истинность слухов³⁷.

В процессе распространения агрессивных слухов произошло их заострение (например, в реальности работники наркомата текстильной промышленности вместе с семьями действительно эвакуировались, а семьи руководителей комбината и работников НКВД никуда не выезжали), что привело к стихийным массовым действиям толпы. На Меланжевом комбинате, на фабриках им. Дзержинского и им. Балашова и частично на некоторых других 19–20 октября 1941 г. произошли массовые беспорядки: рабочие разбивали упаковки с оборудованием, бросали работу, избивали начальство и т. д.³⁸. В итоге на всех

---

³⁵ Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 132–133.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 573. Л. 127.

³⁷ Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М., РОССПЭН, 1997. С. 96.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 573. Л. 127.

предприятиях были проведены собрания рабочих, эвакуация была остановлена, зачинщики беспорядков арестованы, также понесли наказание и местные руководители, допустившие массовые беспорядки в городе.

Ленинград. Свои особенности имел процесс эвакуации в Ленинграде.

Блокада Ленинграда принесла городу огромные человеческие жертвы. Хотя 11 июля 1941 г. было принято решение ГКО об эвакуации из Ленинграда и начался массовый вывоз промышленных предприятий и населения, всё же в городе на начало блокады оставалось 2554 тыс. гражданского населения, в том числе 400 тыс. детей³⁹. Многие отечественные исследователи признают, что при эвакуации из Ленинграда было допущено промедление. Одной из основных причин того, что предложения эвакуироваться вызывали негативную реакцию со стороны ленинградцев, была неправильно организованная эвакуация детей. План, составленный после «зимней финской кампании», предусматривал временный вывоз детей в связи с возможными налётами вражеской авиации⁴⁰. Вот как об этом вспоминает жительница Ленинграда О. М. Фрейденберг: «Началось бегство из города. Тогда-то, в условиях нарастающей опасности и тревоги, наши головотяпы из Ленсовета «организовали» эвакуацию детей. Десятки тысяч детей, эшелон за эшелонам, отправлялись со школами, с жактами (объединениями домов), с детскими домами и учреждениями <...>Расквартирование не было подготовлено. Детей поселяли в грязных крестьянских избах, в деревнях тех местностей, которыми немец шёл на Ленинград; уже в пути начались массовые детские заболевания»⁴¹.

Эшелоны попадали под бомбёжки, дети гибли. Вскоре оставшихся в живых ребят начали возвращать обратно в город. На 10 августа 1941 г. было эвакуировано 175,4 тыс. детей и сопровождавших их взрослых. Официальной информации о происшедшем не было, но слухи стремительно расползались по городу. Так, жительница Ленинграда А.А. Майорова сказала: «Эвакуацию придумали евреи. Сами они испугались и давно сбежали, а мы не боимся и никуда не поедem. Нас научила эвакуация на Валдай – многие матери потеряли своих детей. Нас повезут

---

³⁹ Ковальчук В. М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 17, 22.

⁴⁰ Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда в свете перестройки исторической науки // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны. Л., 1989. С. 64–72.

⁴¹ Фрейденберг О.М. Осада человека // Минувшее. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 3. С. 10.

на расстрел к фашистам»⁴². Работницы прекращали работу, уходили из цехов, штурмовали заводоуправления, требуя оформить им отпуска для поездки за детьми. Напряжение нарастало⁴³. Пытаясь исправить положение, руководство города направило по домам агитаторов для разъяснения обстановки. Г. А. Комардина (Донская) вспоминает: «По квартирам ходили женщины и агитировали наших матерей эвакуироваться. Но мама сказала, что она родилась в Ленинграде и умрет здесь, а детей не отдаст никуда, пока жива»⁴⁴. Бурное сопротивление вызвали у людей слухи о принудительной эвакуации. Перелом в настроениях наступил после того, как кольцо блокады замкнулось. К сожалению, было уже поздно: ошибка властей дорого обошлась ленинградцам.

Эвакуацию населения из Ленинграда исследователи условно делят на 3 этапа: первый – с 29 июня по 27 августа 1941 г., второй – из блокадного города, третий – после прорыва блокады (то есть весной и летом 1943 г.). На первом этапе были эвакуированы 636 203 человека⁴⁵. Отъезжавшие ленинградцы имели определенные льготы по сравнению с жителями других местностей. Так, разрешалось взять груз не более 50 кг на человека. Остающееся в квартире имущество сдавалось под охрану управляющему домом (на практике это далеко не всегда спасало имущество эвакуированных от мародёрства). Освобождаемая жилплощадь сохранялась за отъезжающими без взимания квартплаты (в 1942 г. выйдет новое постановление правительства, по которому право на жильё сохраняли только те, кто регулярно платил квартирную плату). Выезжавшим из Ленинграда разрешался свободный выбор мест эвакуации в пределах закрепленных территорий: Вологодская, Кировская, Ивановская, Молотовская (Пермская), Челябинская области, а также Башкирская, Чувашская, Удмуртская АССР. По областям назначались уполномоченные Ленгорисполкома, которые должны были разместить эвакуированных.

С 22 ноября 1941 г. была проложена ледовая трасса через Ладожское озеро, что позволило возобновить эвакуацию. Условия транспортировки были очень сложными: чтобы преодолеть «дорогу жизни» – расстояние в 32 км – требовалось 8 часов, а нередко и больше. Транспортировка осуществлялась под непрерывными бомбардировками

---

⁴² Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 18.

⁴³ Дзенискевич А.Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998. С. 49.

⁴⁴ Кармазин В.Д. Добро, спасающее мир. Киев, 1989. С. 74.

⁴⁵ Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 22.

противника. Поскольку состояние здоровья большинства людей было тяжелым (а вывозили, прежде всего, детей и больных), с 20 февраля 1942 г. на железной дороге было установлено особое наблюдение за эшелонами с ленинградцами. Эвакопункты тыловых станций превратились фактически в госпитали. Вот как описывал на республиканском совещании эвакуацию ленинградцев начальник Свердловского эвакопункта Зенькович: «Дата 22 февраля – памятная для всего Свердловска. Больницы города переполнены, скопилось 10 эшелонов, вынесли 114 полутрупов, положили на снег, – девать некуда, даже носилок не было. Были вызваны все, кого можно было вызвать – горздрав, райкомы, горком и т. д. Мы их (то есть ленинградцев) разместили вплоть до кабинета начальника железнодорожной станции<...> А вообще занято было все: 500 коек эвакопункта, 2500 коек эвакогоспиталя. Питали их всем, вплоть до вина, шоколада, мандаринов».

За 1942 г. через Свердловский эвакопункт прошел 901 эшелон, из них 359 – с ленинградцами. Через спецбольницу прошло 2 тыс. дистрофиков-ленинградцев, через детские санатории – 600 детей⁴⁶. Всего, за период с 21 января по 20 апреля 1942 г. на территорию РСФСР было эвакуировано 550 тыс. ленинградцев⁴⁷.

С 1 ноября 1942 г. эвакуация из Ленинграда была запрещена. После прорыва блокады весной – летом 1943 г. из полуразрушенного города вывозили детей⁴⁸.

Украина. Вторая волна массовой эвакуации происходила летом 1942 г. и была связана с ухудшением положения на фронтах. Обратимся к анализу процессов эвакуации с территории Украины. В условиях поражений Красной Армии в Харьковской наступательной операции летом 1942 г. эвакуация с территории Украины была неожиданной и поспешной. Отсутствие полной и правдивой информации, приводимой в сводках Совинформбюро, также способствовало росту чувства неуверенности и беспокойства у людей.

Ситуация менялась даже не каждый день, а каждый час, и люди не успевали адекватно реагировать на происходящее вокруг. Из воспоминаний М. А. Водолагина (в военное время он был секретарем Сталинского обкома КПСС): «Люди отсиживались в подвалах, землянках. Их нужно было отыскивать и многих из них уговаривать оставить город. Именно уговаривать. Людей пугала переправа под бомбежкой. Да и жизнь в эвакуации не манила. Но и остаться тоже было

---

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 367. Л. 94, 100, 125.

⁴⁷ Там же. Д. 50. Л. 1.

⁴⁸ Кармазин В.Д. Добро, спасающее мир. Киев, 1989. С. 94.

страшно. Многие колебались. Некоторые же, особенно обремененные детьми, стариками, решительно отказывались»⁴⁹.

Во многих населённых пунктах эвакуация людей началась в самый последний момент, когда уже было поздно бежать, что и послужило причиной паники. Психологическое состояние людей описал А. Фадеев в первоначальном черновом варианте романа «Молодая гвардия»: «по всем кварталам города, примыкавшим к шахте №1 бис, <...> как вихрь гуляла паника...», потоки людей сталкивались и мешались, «продираясь сквозь месиво людей и возов, ползли грузовики <...> люди пытались забраться на грузовики – их сталкивали», «всё было охвачено волнением бегства и прощания», «об убитых уже не заботился никто, их никто не убирал» и т. д.⁵⁰.

Северный Кавказ. Особым образом процессы перемещения людей в тыл протекали на территории Северного Кавказа. Летом и осенью 1942 г. эвакуационные мероприятия по вывозу населения из областей и республик Северного Кавказа были сорваны. Накопленный опыт эвакуации 1941 г. не был учтён властями. Тактические просчёты военного руководства страны привели летом 1942 г. к катастрофическим военным поражениям Красной армии. Для организации эвакуации населения не хватало ни времени, ни транспорта. Местные власти не информировали людей о возможности и необходимости ухода населения из угрожаемых оккупацией районов. В первую очередь были вывезены члены семей сотрудников НКВД, военкомата, военного училища, военно-политического состава, руководителей партийных и советских работников республики, воспитанники детских домов, учащиеся школ, студенты вузов. Из Ставропольского края эвакуировано 72% детских учреждений, из Краснодарского края – 44%. Многие дети шли пешком по несколько сотен километров, в летнюю жару и пыль, под пулями и бомбами немецких самолётов. Участь детских домов, оставленных под оккупацией, была трагичной⁵¹.

Сталинград. В начале войны невозможно было просчитать, насколько далеко вглубь страны отодвинется линия фронта. Поволжье казалось далёким и безопасным регионом. Поэтому уже с первых дней войны Сталинградская область стала принимающим регионом для беженцев из западных регионов страны. С 29 июня 1941 г. по март 1942 г. через Сталинградский эвакуационный пункт прошла 441 тыс. человек. Почти

---

⁴⁹ Кузница победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. С.133.

⁵⁰ Боборыкин В. Александр Фадеев: Писательская судьба. М., 1989. С. 213-214.

⁵¹ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942-октябрь 1943 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, РИА-КМВ, 2009. С.56-61.

половина была направлена в районы области. Среди них были и дети, вывезенные из блокированного Ленинграда. К началу обороны летом 1942 г. город был переполнен беженцами, ранеными и машинами с различными грузами, что впоследствии затруднило эвакуацию. Непосредственно из Сталинграда эвакуация к лету 1942 г., по существу, еще не начиналась, если не считать отдельных незначительных мер по разгрузке города⁵². Несмотря на участвовавшие воздушные налеты и выход противника на дальние подступы к Сталинграду, его жители не хотели покидать город, веря, что Сталинград не будет сдан противнику. Постановления местных властей о начале эвакуации гражданского населения из Сталинграда датированы июлем – августом 1942 г. В течение июля и 20 дней августа из города было эвакуировано до 100 тыс. человек, из них местных жителей не более 35-40 тыс. Основная масса жителей Сталинграда оставалась в городе. 24 августа Городской комитет обороны принял постановление об эвакуации женщин, детей и раненых на левый берег Волги. Эвакуация проходила в труднейших условиях: «Город и переправы все время подвергались вражеской бомбежке с воздуха. Огонь пожирал квартал за кварталом. Улицы центра города и Ворошиловского района, идущие к Волге, представляли собой огненные коридоры. Сплошь горел берег Волги. Все причалы и мостки были уничтожены. Население выводилось к берегу небольшими группами. В ожидании переправы оно укрывалось в 100-200 метрах от берега в щелях, блиндажах, водосточных трубах. Когда ослабевал налет вражеской авиации, а это бывало ночами, быстро производилась загрузка катеров. В первую очередь отправляли раненых и женщин с детьми»⁵³.

Переправа населения на левый берег производилась судами Сталинградского речного флота и Волжской военной флотилии. 23-24 августа, после того как все причалы были уничтожены вражеской авиацией, сталинградские речники организовали переправу катерами и баркасами. В многочисленных воспоминаниях жителей города рефреном звучат слова о попытках уехать из города летом 1942 г., закончившихся неудачей. Сначала недооценивали степень опасности, затем все сухопутные пути выхода из города были уже перерезаны войсками противника, а переправы через Волгу подвергались массированным бомбардировкам со стороны врага. Некоторые рассказывали, что на корабли и баркасы грузили только раненых. Из воспоминаний Овчинниковой Г. Н.: «...пришли к берегу эвакуироваться и увидели, как

---

⁵² Самсонов А.М. Сталинградская битва. Третье издание. М., Наука, 1983. 624 с. //Электронная библиотека: ModernLib.Ru. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/samsonov_a/stalingradskaya_bitva/read

⁵³ Там же.

разбомбило пароход, отошедший от берега с людьми. Мама сказала: «Лучше умрём на земле». Многие, не сумевшие эвакуироваться и оставшиеся в городе, считали, что им повезло, т. к. почти ни один транспорт не доходил целым и невредимым до противоположного берега Волги⁵⁴.

Параллельно с гражданским населением производилась эвакуация раненых бойцов. Многие суда на середине Волги подвергались нападению с воздуха и гибли вместе с людьми. Санитарный пароход "Бородино" с 700 ранеными был расстрелян прямой наводкой в районе с. Рынок и затонул, спаслось всего лишь около 300 человек. Такая же участь постигла и пароход "Иосиф Сталин" с эвакуированным гражданским населением, причем из 1200 человек спаслось вплавь всего около 150 человек⁵⁵.

По данным на 22 августа, в г. Сталинграде было 61114 человек призывного возраста. В конце августа по приказу Военного совета фронта начался отвод из города военнообязанных на левый берег Волги в район г. Ленинска. По состоянию на 9 сентября, из г. Сталинграда было выведено и передано военным частям 52 926 человек в возрасте до 50 лет⁵⁶.

В целом, эвакуация 1942 г. проходила в условиях спешки и паники, опыт первой волны эвакуации практически учтён не был.

Все равны, но некоторые равнее...

Руководство страны, признав уже в первые дни войны необходимость эвакуации населения, не признало равного права на эвакуацию всех жителей страны. Такая позиция диктовалась необходимостью сохранения промышленного потенциала воюющей державы и пониманием наличия лимитирующих факторов (дефицит времени из-за стремительного наступления врага, ограниченность пропускной способности транспортных магистралей). Для спасения страны и укрепления тыла было необходимо успеть вывезти из районов, которым угрожала вражеская оккупация, промышленное оборудование, сельскохозяйственное имущество, культурные ценности и людей, прежде всего – высококлассных специалистов.

---

⁵⁴ Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / Под ред. М.А. Рыбловой; Южный научный центр Российской академии наук. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 19-20, 30-31, 41, 45, 60, 98, 115, 136, 190-191, 504.

⁵⁵ Самсонов А.М. Сталинградская битва. Третье издание. М., Наука, 1983. 624 с. //Электронная библиотека: ModernLib.Ru. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/samsonov_a/stalingradskaya_bitva/read.

⁵⁶ Там же.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Основополагающим документом, определявшим очерёдность эвакуации, стало Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

Интересно, что до 1990-х годов в исторических исследованиях называли только это постановление, не анализируя его содержания, и ссылались, как правило, на шеститомную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза»⁵⁷. Сегодня текст первого Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» рассекречен и доступен исследователю. Более того, в фондах РГАСПИ нами обнаружен первоначальный проект этого постановления с редакционной правкой, сделанной рукой Л. М. Кагановича. Показательно сравнение этих двух документов. Пункт 2-б регламентировал порядок эвакуации населения. В первую очередь эвакуации подлежали: в проекте – «население, квалифицированные рабочие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, семьи начсостава Красной Армии, работников НКВД и ответственных советских и партийных работников, дети до 15 лет»; в исправленном варианте постановления – «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники»⁵⁸. Как мы видим, хотя теоретическая возможность эвакуации была предоставлена всему населению районов СССР, угрожаемых оккупацией противником, перечень категорий поставил во главу угла государственные интересы. Но, уже 5 июля 1941 г. были приняты три Постановления СНК Союза ССР под грифом «совершенно секретно». Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 5 июля 1941 г. №1821-814сс «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы»⁵⁹ создавало вышеназванной категории населения приоритетные условия: право выбора при эвакуации место своего жительства, обеспечение всем

---

⁵⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: В 6 т. М., 1960-1965. Т. 2. С. 143.

⁵⁸ Первые дни войны: эвакуация (по материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 28–29; РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 351. Л. 30–31.

⁵⁹ ГАРФ. Ф.259сч. Оп.40. Д.3022. Л.40.

необходимым в пути, право на расселение и первоочередное трудоустройство в местах эвакуации. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 5 июля 1941 г. №1821-815сс «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий»⁶⁰. Если для эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы специального разрешения не требовалось, то эвакуация рабочих и служащих эвакуированных предприятий и их семей должна была производиться по указанию Совета Народных Комиссаров Союза ССР и обеспечиваться народными комиссариатами и директоратами предприятий. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 5 июля 1941 г. №1821-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время»⁶¹ возлагало осуществление эвакуации населения на местные органы советской власти. В документе упоминалось о создании эвакуопунктов и организации отделов по эвакуации населения. Предполагалось, что решения об эвакуации должны принимать Совет по эвакуации или местное военное командование.

Дискуссионным является вопрос о существовании узаконенной иерархии последовательности эвакуации. Так, А. Вольфсон (кстати, сам переживший в военное время эвакуацию) считает, что действовала следующая очередность: раненые, рабочие и инженерно-технические работники, вывозимые с промышленными предприятиями, а только потом население. Причем, в соответствии с такой «табелью о рангах», в эвакуацию сначала отправлялись работники советского и партийного аппарата, органов внутренних дел, семьи комсостава Красной Армии. «Остальное гражданское население могло рассчитывать лишь на собственные силы и транспортные средства»⁶². На наш взгляд, следует говорить не об узаконенной последовательности эвакуации, а о степени свободы в принятии решения об отъезде в более безопасные районы и степени его обеспечения. Именно это и было регламентировано тремя постановлениями от 5 июля 1941 г.

Наличие средств связи и коммуникаций предоставило определённые преференции жителям крупных городов. Крупные железнодорожные узлы, где формировались эвакуоэшелоны, располагались в городах; городским жителям было легче добраться до транспорта. Например, Д. Романовский, изучая историю маленького городка Чашники (население немногим более 3 тыс.) в Витебской области Белоруссии, пишет о ситуации, сложившейся в начале войны:

---

⁶⁰ ГАРФ. Ф.259сч. Оп.40. Д.3022. Л.36.

⁶¹ ГАРФ. Ф.259сч. Оп.40. Д.3022. Л.34.

⁶² Вольфсон А. Катастрофа // Урал. 1995. № 4. С. 230.

«Заброшенность Чашников, их отдаленность от всех центров сослужили им дурную службу – отсюда мало кому удалось эвакуироваться. Сыграло свою роль не столько отсутствие хороших дорог, сколько какая-то общая неосведомленность... Никакой организованной эвакуации не было. Транспорта, лошадей почти ни у кого не было»⁶³.

Следует особо отметить отсутствие в документах, регламентирующих эвакуацию, привилегий представителям какой-либо национальности. В основе теоретической доктрины гитлеровского фашизма лежали идеи расизма и национализма. Основы нацистской политики на завоёванных территориях были изложены в генеральном плане «Ост», разработанным главным имперским управлением безопасности. План, в частности, предусматривал принудительное выселение 75% населения Белоруссии, 65% населения Западной Украины и т. д. Для поселения этих «нежелательных в расовом отношении» людей правители рейха намечали Западную Сибирь, Северный Кавказ и даже Южную Америку. К оставшимся должна быть применена политика онемечивания. Министерство Розенберга внесло дополнения к плану «Ост», например, по вопросу «обращения с русским населением»: «Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве <...> Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их». Для реализации этой чудовищной идеи предполагалось расчлнить территорию на обособленные районы, ввести немецкий язык в качестве официального языка общения, довести рождаемость русских до предельно низкого уровня путём пропаганды абортов, применения стерилизации, сокращением медицинской помощи и т. п.⁶⁴. Так, Борман в письме к Розенбергу от 23 июля 1942 г. в качестве принципов этнической политики на завоеванных территориях предписывал: заменить все национальные алфавиты латинский, развивать у местного населения чувство этнической неполноценности, русские и украинские города не строить и не благоустраивать⁶⁵. Знакомство с теоретическими высказываниями и реальной политикой Гитлера и его окружения показывает особо негативное отношение к евреям. Выступая в рейхстаге 30 января 1939 г., Гитлер сказал: «Коммунистическая идеология и исповедующий ее Советский Союз являются орудиями в руках евреев, добивающихся мирового господства. Уничтожение советских евреев

---

⁶³Романовский Д. Чашники. Очерк о массовых расстрелах евреев в Белоруссии (1942 г.) с приложением воспоминаний // Вестник еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 159.

⁶⁴ Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983. С. 180-189.

⁶⁵Мосоров А.М. Этническая программа гитлеризма в России // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 218.

позволило бы Германии добиться сразу двух целей: подорвать основу советской государственности и избавиться от самого заклятого врага – евреев. То и другое вместе спасет мир от заразы большевизма»⁶⁶.

Означает ли это, что во время организации эвакуации населения из прифронтовой зоны в 1941–1942 гг. советское руководство должно было предоставить привилегии представителям конкретной национальности? Этот сложный вопрос не имеет однозначного ответа. В той сложной социально-политической ситуации первостепенная эвакуация евреев могла вызвать негативную реакцию со стороны населения СССР. К тому же у нацистской пропаганды появился бы в руках еще один аргумент того, что советская власть – проеврейская, за которую и воевать другим народам СССР не стоит.

Тем не менее, необходимо было проинформировать людей о зверствах оккупантов по отношению к евреям, чего сделано не было. К началу войны в СССР проживало (без учёта беженцев из оккупированной нацистами части Польши и из Румынии) 4.855 тыс. евреев, в том числе 4.095 тыс. на территории, которая в ходе войны была оккупирована фашистами⁶⁷. Количество эвакуированных евреев разные авторы, используя различные критерии учёта, называют от 1.200 – 2.000 тыс. человек⁶⁸.

Часто в конкретных случаях советские люди проявляли заботу о спасении евреев. Так, один из крупных хозяйственных руководителей страны Вениамин Эммануилович Дымшиц, бывший в годы войны управляющим треста «Магнитострой», вспоминал: «Когда началась война, мои родители жили в Феодосии. Немцы отрезали Крым, дело шло к его захвату. Я послал телеграмму родителям: выезжайте в Магнитогорск. Но ехать железной дорогой было уже невозможно. И тогда многочисленные соседи – люди разных национальностей – пришли к матери: «Нельзя вам оставаться в Феодосии; не говоря уже о национальности, все знают, что четверо детей у вас коммунисты. Бегите». И устроили их на лодку-шаланду, которая шла на большую землю. Через три недели забитыми дорогами они добрались до Магнитогорска»⁶⁹.

---

⁶⁶Вольфсон А. Катастрофа // Урал. 1995. № 4. С. 228.

⁶⁷Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы. // Вестник Еврейского университета в Москве. М. – Иерусалим, 1995. № 2 (9). С. 36.

⁶⁸Швейбиш С. Указ.соч. С. 36; Дубсон В.Б. К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны. //История. Память. Люди. Материалы международной научно-практической конференции. 18 октября 2012г. Алматы, 2013. С. 26.

⁶⁹ Дымшиц В.Э. Магнитка в солдатской шинели. М., 1995. С. 162.

Эвакуационные потоки.

Условно, на наш взгляд, можно выделить такие основные эвакуопотоки:

- рабочие и служащие промышленных предприятий, а также их семьи;
- дети и обслуживающий персонал детских учреждений;
- заключённые и подследственные;
- мужчины призывного возраста, подлежащие мобилизации;
- учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО;
- представители партийной и государственной номенклатуры, военного руководства и их семьи;
- преподаватели, студенты, ученые, представители творческой интеллигенции с семьями;
- пенсионеры, инвалиды, больные (в первую очередь – ленинградцы);
- женщины с детьми (прежде всего – это семьи начсостава РККА и ВМФ, партийных и государственных номенклатурных работников; семьи партизан).

Первые пять категорий условно можно причислить к «организованной» эвакуации, представителей остальных потоков, в основном, к «неорганизованной».

Рабочие и инженерно-технические работники, вывозимые в тыл вместе с промышленными предприятиями, имели максимальные льготы, но и самую минимальную степень свободы. Юридическим документом, законодательно разрешавшим принудительные перемещения людей, стало постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г. «О предоставлении Совнаркомом республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу». Согласно этому постановлению, перевод являлся обязательным и не зависел от ведомственной принадлежности и территориального расположения предприятия или учреждения⁷⁰.

Показательна ситуация, сложившаяся во время перемещения на восток тульских заводов. Некоторая часть работников, подлежавших отправке, пытались остаться на прежнем месте. Мотивы были различными: от желания защитить город с оружием в руках до того, что в то время принято было называть «шкурничеством». Тогда для решения проблемы были применены административно-карательные меры. Постановление городского комитета обороны от 10 ноября 1941 г. вменяло руководству заводов и отделам милиции обеспечить отъезд

---

⁷⁰Тельпуховский В.Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 31.

рабочих в районы эвакуации. Цитируем: «Уклонившихся от эвакуации и выезда по месту работы считать дезертирами, вражескими пособниками, тормозящими развертывание и выпуск вооружения для Красной Армии. Злостных дезертиров арестовывать и предавать суду военного трибунала»⁷¹.

Вскоре порядок эвакуации рабочих и служащих промышленных предприятий был повсеместно регламентирован. Перевозка людей и грузов производилась за счет государства. Каждый работник предприятия при эвакуации имел право взять 100 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. На время эвакуации и до пуска производства на новом месте за рабочими полностью сохранялась заработная плата (из расчета – средний заработок за последние 3 месяца). По прибытии на место выплачивались «подъемные» в размере месячного оклада на главу семьи – работника предприятия, $\frac{1}{4}$ на его жену, по $\frac{1}{8}$ на каждого из остальных членов семьи. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР за № 143/с «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» в необходимых случаях по решению правительства они вместе с семьями подлежали обязательной эвакуации в организованном порядке. За уклонение от обязательной эвакуации отдавали под военный трибунал. Руководитель, не обеспечивший организованной и полной эвакуации, попадал под уголовную ответственность (наказание сроком от 5 до 10 лет)⁷².

Главной целью перемещения рабочих и служащих промышленных предприятий была государственная необходимость. Любой военный теоретик знает, что затяжная война – это уже не война армий, а война потенциалов. Для эффективного функционирования военной экономики требовалась высококвалифицированная рабочая сила. И поэтому рабочие кадры получали бронь от мобилизации в армию, поэтому они эвакуировались в тыл, поэтому за любой самовольный проступок следовало строгое наказание.

Дети. Организованно и в массовом количестве вывозились детские учреждения. И не только детские дома, дома ребенка и интернаты. По нашим подсчетам, произведенным на основе данных центральных архивов, доля детей до 14 лет среди эвакуанселения составляла более 35 %⁷³.

---

⁷¹ Данилов В.Н. Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996. С. 294.

⁷² ГАПК. Ф. 1198. Оп. 2. Д. 12. Л. 271, 276.

⁷³ Потемкина М.Н. Проблемы эвакуации и эвакуированного населения на Урале в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис... канд. ист. наук. Челябинск, 1994. С. 203.

Нападение фашистской Германии было совершено летом, и многие дети отдыхали в пионерских лагерях, санаториях и на детских дачах. Вывозили их, а также детские сады и ясли. Чаще всего родители не имели возможности принимать решение об эвакуации своих собственных детей. Такие решения принимались руководством прифронтовых городов и районов (иногда и представителями военного командования). Так, спасая от бомбежки детей г. Бобруйска 26 июня 1941 г., их вывезли с детскими садами за 30 км от города. На следующий день детей в город не вернули, а отправили в эвакуацию в Свердловск⁷⁴. Что мог чувствовать ребёнок, которого, ничего не объясняя, оторвали от родителей и везут неведомо куда?

Осенью 1941 г. была организована эвакуация из Москвы детей школьного возраста, вывозились они также без родителей. В межведомственной переписке отмечались случаи недовольства родителей высокой платой, взыскиваемой за содержание детей, а также тем, что детей увезли без теплой одежды и обуви. Кроме того, многие родители жаловались на то, что их детей школьного возраста вывозили в одно место, а детей дошкольного возраста – в другое, без учёта родственных связей⁷⁵. Конечно, то, что дети искусственно отрывались от родителей, было большой трагедией. Война разбросала родных и близких. При поспешной эвакуации одних яслей из Москвы каждому ребёнку написали на ручонке его имя химическим карандашом. Но по прибытии на место всех искупали, смыв, таким образом, имена⁷⁶. Ради справедливости следует упомянуть, что 23 января 1942 г. было принято постановление СНК СССР «Об оказании помощи родителям и родственникам по отысканию отставших от них детей»,⁷⁷ в Наркомпросе РСФСР при Управлении детскими домами в 1942 г. был создан специальный отдел по охране прав детей. В его рамках существовал на общественных началах отдел розыска детей, потерявших связь со своими родителями⁷⁸. Но запросов было так много, что учётно-справочные бюро не справлялись с работой, и количество положительных ответов было мало. В письмах слышен крик отчаяния и надежда... Вот письмо с фронта от старшего лейтенанта Н. Г. Зекина с просьбой разыскать сына,

---

⁷⁴ ГАСО. Ф. 540 р. Оп. 1. Д. 108. Л. 9.

⁷⁵ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 364–365.

⁷⁶ Инбер В.М. Почти три года (Ленинградский дневник) // Собр. соч. М., 1965. Т. 3. С. 132–133.

⁷⁷ Судоргина Т.В. Гриф «секретно» – снят // Великая Отечественная и Южный Урал. 1941–1945 гг. Оренбург, 1995. С. 9.

⁷⁸ Нечаева А.М. Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1. С. 126–127.

датированное декабрём 1941 г. В начале войны жена Николая Георгиевича была убита осколком бомбы, сам он ушёл на фронт, пятилетнего сына Диму оставил друзьям. Вскоре город Короп Черниговской области, где они жили, попал под оккупацию. В надежде, что ребёнка успели эвакуировать в тыл, Зекин писал: «Убедительно прошу ответить на все вопросы полностью, а не штампованно и формально <...> ведь дело касается жизни и смерти такого же гражданина, как и вы, но только с той разницей, что вы всегда и всюду себя можете защитить, а мой сын в этом нуждается»⁷⁹. На тот момент в Свердловском областном учётно-справочном бюро было всего три штатных работника и никаких технических вспомогательных средств, а писем поступало ежедневно в среднем 400 штук. Реально обрабатывалось в день 150–170 писем. И за каждым письмом стояла чья-то судьба⁸⁰. Кого-то из детей родители находили, а кто-то на всю жизнь оставался сиротой.

Перемещение детей из районов, освобожденных от немецкой оккупации, во всех документах классифицируется как эвакуация. Последствиями вражеской оккупации было разорение городов и сел, а также большое количество детей-сирот. Поскольку основывать детские дома в этих районах не было возможности, в апреле – мае 1943 г. были приняты решения об эвакуации детей-сирот из Смоленской, Курской, Калининской областей, а также из г. Ленинграда в восточные области страны. Эвакуация проходила организованно, помощь оказывали воинские части. К 1 августа 1943 г. это мероприятие завершилось, были эвакуированы 12 654 ребенка⁸¹. Подобным же видом переселения была эвакуация в апреле 1942 г. детей-сирот из Москвы. Дело в том, что в ходе осенней эвакуации 1941 г. в Москве сосредоточились беженцы из окрестных областей. Из беспризорных детей было организовано 2 детских дома. Всего в прифронтовой Москве разместились 10 детдомов и 11 домов младенца с общим количеством воспитанников – 2266. Вот они и были эвакуированы⁸².

Столичные деятели науки и культуры. Следует несколько слов сказать о том, как формировались списки писателей, художников, композиторов и т. п., подлежащих эвакуации. В качестве примера приведем отрывок из докладной записки секретаря Союза советских писателей СССР А. А. Фадеева, адресованной И. В. Сталину: «Я имел персональную директиву от ЦК (тов. Александров) и Комиссии по

---

⁷⁹ ГАСО. Ф. 540р. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Д. 105. Л. 4.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 401. Л. 9, 20–21, 104; Д. 398. Л. 19, 25.

⁸² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

эвакуации (тов. Шверник, тов. Микоян, тов. Косыгин) вывезти писателей, имеющих какую-нибудь литературную ценность, вывезти под личную ответственность. Список этих писателей был составлен тов. Еголиным (работник ЦК) совместно со мной и утверждён тов. Александровым. Он был достаточно широк – 120 человек, а вместе с членами семей некоторых из них – около 200 человек (учтите, что свыше 200 активных московских писателей находятся на фронтах, не менее 100 самостоятельно уехало в тыл за время войны и 700 с лишним членов писательских семей эвакуированы в начале войны)»⁸³. То есть деление писателей на тех, чья жизнь важна для страны, а чья – нет, зависело от субъективного мнения нескольких человек, наделённых бюрократическими полномочиями.

Процедуру отправки в эвакуацию и своё психологическое состояние описал в своём дневнике писатель А. Первенцев (запись от 13 октября 1941 г.): «членам Союза выдают с утра эваколистки. Говорили, что будет отправлено два эшелона – один из них в Ташкент с престарелыми и больными, а работающая группа отправится в Казань, где будет отделение Союза, вернее, центральное его правление. Наскоро позавтракав, я отправился в Союз. Там было полное столпотворение. Коридоры этого богоугодного заведения были переполнены жужжащими людьми. У всех были перекошенные лица и страшный испуг. Конечно, носились самые невыразимые слухи о разгроме нашей армии, о взятии Можайска и Серпухова, о речи Гитлера и т. п. Тогда я ещё раз понял ужас обоза. Как ужасно находиться в обозе войны!»⁸⁴. Союз требовал эвакуации, так якобы распорядился Сталин. Оставаться в Москве – нарушить указание высшего нашего руководства, которому мы обязаны были подчиниться. Если Родина не нашла нужным бросить на войну такие-то кадры писателей, очевидно, она надеется, что их мозг понадобится для другого.

Интересно, что деятелей культуры, приехавших в эвакуацию, проверяли поимённо на наличие документов, разрешавших выезд в тыл. Под такую проверку попал даже глава Союза писателей СССР А. Фадеев, в чьи обязанности входило составление списков писателей и поэтов, подлежащих эвакуации, а также организация их отправки. Потом Фадеев был заподозрен в том, что бежал вместе с «паникёрами». Действительно в октябре 1941 г. Фадеев со своей женой проживал около 3-х недель в

---

⁸³ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917-1953. М., 1999. С. 476.

⁸⁴ Первенцев А. Дневники 1941-1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/arkadiy_pervencev/dnevniki_19411945/read/

Чистополе. Свои объяснения и оправдания он вынужден был излагать в докладной записке в ЦК партии⁸⁵.

Партийная и государственная номенклатура. В ходе эвакуации представителям партийной и государственной номенклатуры, военного руководства и их семьям создавались привилегированные условия. Воспоминания непосредственных участников и очевидцев событий позволяют нам реконструировать атмосферу эвакуации, но в них-то как раз содержится больше всего противоречий. В личном дневнике Григорий Шур так описывал первый день войны в г. Вильно Литовской ССР: «На пятой линии стоял поезд, в составе свыше 50 вагонов еще без паровоза, а на первой линии – другой, малый поезд в составе только шести пассажирских вагонов, одного товарного и паровоза под паром. В большой поезд пускали всех желающих уехать, и он был битком набит, а в малый поезд могли попасть только начальствующие лица и туда впускали по специальным пропускам»⁸⁶. А вот занимавший в годы войны должность начальника управления Ленинской железной дороги Ф. В. Ростовцев рассказывал: «Аппетиты были большие. Приходили к нам и заявляли: давайте лишние вагоны для меня, для Сидора Ивановича, для моей жены! Перевозили пианино, диваны, столы и т. д. А мы с этим не могли считаться. Происходили у нас большие скандалы с ответственными работниками, но мы все же добивались, чтобы аппетиты были урезаны». И далее об эвакуации работников наркоматов: «Ни сутолоки, ни паники не было. И даже энкапеевские работники, которые, казалось, должны были бы иметь большое влияние на станционных работников, спокойно ждали очереди своего эшелона и все отправлялись по плану»⁸⁷.

Привилегированность положения номенклатуры, на наш взгляд, заключалась несколько в другом: имея в своем распоряжении личный и служебный автотранспорт, имея доступ к государственным материальным и финансовым ценностям, эти люди получали возможность скорейшей эвакуации себя и родственников, а также некоторого имущества. В качестве иллюстрации приведем пример из документов военной комендатуры Москвы: «По неполным данным из 438 предприятий, учреждений и организаций столицы сбежало 779 руководящих работников. В результате этого были похищены материальные ценности, разбазарено госимущество. С 16 по 18 октября бежавшими руководящими работниками угнано 100 легковых и грузовых

---

⁸⁵ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 19.

⁸⁶ Порудоминский В. Знакомство полвека спустя. Из записок Григория Шура // Вестник Еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1993. № 3. С. 151-152.

⁸⁷ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 376, 378.

автомашин, похищено наличными деньгами 1 484 000 рублей, разбазарено имущества на 1 051 000 рублей»⁸⁸.

Эвакуация заключённых. Специфическим видом эвакуации был вывоз заключенных ГУЛАГа с территорий, находившихся в непосредственной близости от зоны военных действий. К началу войны в местах лишения свободы содержалось около 2350 тыс. человек (с учётом находившихся в пути). В ведении тюремного управления НКВД СССР к началу 1941 г. находилось 712 тюрем с общим лимитом наполнения в 238 тыс. мест, в которых содержалось 470693 заключённых⁸⁹. Уже 23 июня 1941 г. по телефону ВЧ-связи (правительственная и военная связь в СССР) поступил приказ об эвакуации тюрем. При этом в разъяснении указывалось, что лица, впервые осуждённые за прогулы, мелкие хищения на предприятиях, незначительные должностные и бытовые преступления подлежали досрочному освобождению. Среди освобождённых лица призывного возраста должны были быть мобилизованы и отправлены на фронт. Досрочному освобождению также подлежали несовершеннолетние правонарушители. Что касается осуждённых к «высшей мере наказания», то от руководства тюрем требовалось обеспечить немедленное приведение приговоров в исполнение⁹⁰.

С первых дней войны руководством ГУЛАГа разрабатывались планы эвакуации заключенных, предусматривался вывоз людей, материальных ценностей и демонтируемого оборудования. Но фашистские войска стремительно наступали, линия фронта отодвигалась на восток, транспорт не справлялся с перевозками, становилось ясно, что вывезти всех заключённых из западных регионов страны в глубокий тыл не представляется возможным. Руководство страны опасалось, что «обиженные советской властью» люди могут выступить на стороне неприятеля. Особо политически неблагонадёжными считались осуждённые по 58-й статье уголовного кодекса СССР. «Выход» из сложившейся ситуации был предложен наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берия. 15 ноября 1941 г. он обратился к Сталину с предложением немедленно применить расстрел к 10645 осуждённых, содержащихся в тюрьмах НКВД. Речь шла о тюрьмах, расположенных как в прифронтовой полосе, так и в районах глубокого тыла. Сталин наложил положительную резолюцию на докладную записку Л. П. Берия о необходимости применения расстрела к особо опасным заключённым в связи с условиями военного времени. К этой категории были, прежде

---

⁸⁸ История Отечества в документах. 1917–1993 гг. Ч. 3. 1939–1945 гг.: Хрестоматия для учащихся старших классов средней школы. М., 1995. С. 81.

⁸⁹ Приказано приступить: эвакуация заключённых из Белоруссии в 1941 г.: сб. док. /сост. А.И. Кокурин [и др.]. Минск: НАРБ, 2005. С. 3-4.

⁹⁰ Там же. С. 5-6, 20.

всего, отнесены осуждённые по 58-й статье уголовного кодекса СССР. Осенью 1941 г. и летом 1942 г. сотни заключённых были расстреляны без утверждения приговора судебными инстанциями⁹¹. Узник Орловской тюрьмы, оставшийся в живых, вспоминал: «Заключённые не знали о начале войны. Перестали давать газеты, снизили хлебный паёк. Орел подвергся бомбардировке, но мы подумали, что это военные учения. 11 сентября начали из камер выводить некоторых заключённых без вещей<...> Когда вечером дежурный конвоир забрал их вещи, мы всё поняли. На следующий день нас эвакуировали»⁹².

Кроме этого, расстрелы заключённых происходили в прифронтовой зоне в тех случаях, когда не было возможности их эвакуировать. «Так было, в частности, на Западной Украине, где в конце июня 1941 г. НКВД уничтожило 10 000 заключённых во Львове, 1200 в тюрьмах Луцка, 1500 в Станиславе, 500 в Дубно и т. д. Появившиеся там немцы нашли в окрестностях Львова, Житомира и Винницы десятки мест, где были свалены горы трупов»⁹³.

Эвакуации за годы войны подверглось 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний с общим числом заключённых – 750 тыс. человек. Правда, в связи с затруднениями с транспортом, значительная масса заключённых эвакуировалась пешим порядком нередко на расстояния до 1000 км. Аппараты ГУЛАГа в тыловых районах были мобилизованы на обеспечение проходивших эшелонов и этапов заключённых медико-санитарным обслуживанием и питанием⁹⁴. Такое перемещение, на наш взгляд, можно считать разновидностью эвакуации, а вот статус эвакуированных имели только те граждане, кто, прибыв с эвакуированными лагерями или колониями, был освобожден после приезда.

Сохранившиеся воспоминания бывших заключённых позволяют реконструировать атмосферу эвакуации и понять её особенности. В июле 1941 г. вывозили заключённых из тюрем г. Москвы. Во как эти события описывал Н. М. Бер: «Ползком по шесть человек через живой коридор военного конвоя с автоматами и собаками нас подгоняли к «стольпинскому вагону» и впускали в него. Это был пассажирский вагон с четырёхместным купе. В каждом купе были постелены в два яруса доски, а вместо деревянных дверей была сплошная металлическая

---

⁹¹ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942-октябрь 1943 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, РИА-КМВ, 2009. С. 63.

⁹² Гурский К.П. По дорогам ГУЛАГа: воспоминания.// Архив Международного общества «Мемориал». Ф.2. Оп.3. Д.18.Л.120.

⁹³ Черная книга коммунизма / Куртуа С., Верт Н., Панне Ж. М., 1999. С. 228.

⁹⁴ ГУЛАГ в годы войны // Исторический архив. 1994. № 3. С. 64.

решётка, имевшая такую же решётчатую дверь. Находившийся в коридоре вагона конвой, ходивший взад и вперёд по вагону, видел всё, что происходило в купе»⁹⁵. В пути во время вражеских бомбардировок поезд останавливался, конвой разбегался, а заключённые оставались запёртыми в вагоне. Спустя много лет Н. М. Бер описал свои ощущения и реакции различных людей в вагоне: «ощущение жуткого страха от беспомощности и невозможности действовать. Страх не смерти, а бесполезной смерти. И вдруг несколько человек встали на колени и начали молиться. Молиться усердно, крестясь и отбивая поклоны. Непрерывно шептали какие-то одни и те же слова, в которых чаще других слышалось слово «господи» <...>. Кто-то на верхних нарах нашего купе начал истерически громко хохотать, другие начали руками и ногами стучать в стены купе <...> по вагону метались вопли, стоны, просьбы о помощи»⁹⁶.

В сложных условиях производилась эвакуация заключённых из лагерей Белоруссии. Этап длился больше месяца: на грузовых машинах («Борта у машин были наращены. В грузовик загружали по 60 человек, все стояли, обхватившись руками друг за друга по всему периметру»), пешком, по железной дороге. 24 июля 1941 г. состав с заключёнными стоял на ст. Вишняки в Подмоскowie. Во время налёта вражеской авиации от попадания бомбы совсем рядом вспыхнули цистерны с горючим, охрана разбежалась. Понимая, что гибель неминуема, заключённые попытались выломать решётку или доски в крыше вагона, чтобы выбраться и спастись, но ничего не получилось. В последний миг прибыли пожарные и потушили пожар⁹⁷.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что особенностью эвакуации заключённых был полный контроль над судьбами и жизнями людей со стороны государства. Невозможность не только принимать решения, но и действовать вообще приводила к тяжёлым психологическим травмам.

Беженцы. Это те, кто по собственной инициативе бежал от наступавших фашистов. Когда они добирались до ближайшей железнодорожной станции, то, обычно их формировали в группы, назначали старшего, составляли списки, осуществляли погрузку в вагоны, и далее они эвакуировались организованным порядком. Условия эвакуации этих людей были разнообразны. Эмоциями наполнено письмо гражданина Одессы И. Ковалева, адресованное лично И. В. Сталину:

---

⁹⁵БерНисанин Моисеевич. Воспоминания. Арест и следствие // Архив Международного общества «Мемориал». Ф.2. Оп.1. Д. 22. Л.13.

⁹⁶БерНисанин Моисеевич. Воспоминания. Арест и следствие.// Архив Международного общества «Мемориал». Ф.2. Оп.1. Д. 22. Л.16.

⁹⁷Панарин Тимофей Андреевич. Воспоминания // Архив Международного общества «Мемориал». Ф.2. Оп.1. Д. 96. Л.51.

«Наблюдались еще такие факты, что ряд жуликов, набивших карманы деньгами, забирали свои семьи и имущество свое грузили на машины и уезжали, даже собачек комнатных брали с собой и ехали под зонтиками, а тысячи 14-летних учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ шли пешим строем, заливаясь потом и слезами от жары»⁹⁸.

Люди, эвакуируясь из прифронтовой зоны, как правило, не могли взять с собой самого необходимого. Да многие и не предполагали, что их пребывание в местах эвакуации будет продолжительным. Ленинградец Ф. К. Ржаксинский был эвакуирован со школой. Когда мама собирала ему вещи, «соседка Мария Семёновна удивлялась: «Зачем вы берёте свитер и тёплую рубашку? А валенки зачем? Ведь война к зиме, наверное, кончится»⁹⁹.

Следует сказать особо о феномене двойной эвакуации. Значительный поток эвакуированных летом и осенью 1941 года был направлен в Сталинградскую, Орловскую, Калининскую, Ростовскую области. Но военные неудачи Красной Армии летом 1942 г. вызвали необходимость эвакуации уже из этих областей дальше на восток¹⁰⁰. Вот одна из людских судеб. Л. Г. Дворсон летом 1941 г. была эвакуирована с Украины на Северный Кавказ в село Тахту Дмитровского района Ставропольского (тогда Орджоникидзевского) края. Год жили в казачьей станице. Летом 1942 г., когда фронт подошел совсем близко, снова двинулись в путь. Сначала пешком, затем на барже через Каспийское море, а из Красноводска эвакуэшелоном до г. Березники Молотовской области¹⁰¹.

Эвакуация как психологический шок.

Значительное влияние на эвакуационный процесс оказала психологическая атмосфера, царившая вокруг. Накануне войны все средства пропаганды, описывая мощь и непобедимость Красной Армии, рекламировали модель близкой войны, все составные части которой укладывались в оптимистическую триаду «малой кровью, могучим ударом, на территории противника». Вот что говорил на 18 съезде ВКП(б) в марте 1939 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов: «Наша РККА является первоклассной, лучшей, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией. Наша армия

---

⁹⁸ Источник. 1995. № 2. С. 113–114.

⁹⁹ Листки блокадного календаря. – Л., 1988. – С. 72.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 71.

¹⁰¹ Дворсон Л.Г. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 145–146.

несокрушима»¹⁰². Большую популярность перед войной приобрела повесть Н. Шпанова «Первый удар», вышедшая в 1939 г. В ней «действиям люфтваффе в советском воздушном пространстве отводилось ровно полчаса. В следующие минуты война навсегда переносилась за пределы Советского Союза. Следом за «сталинскими соколами» в западном направлении устремлялись сухопутные войска»¹⁰³. Кроме того, люди надеялись на интернациональную солидарность: «Еще в 30-е годы <...> нам учительница вдалбливала, что «братья по классу», переодетые в солдатские шинели, <...> не будут воевать против страны рабочих и крестьян»¹⁰⁴.

Следует особо сказать об изменении направленности пропаганды в период с конца августа 1939 г. по весну 1941 г., то есть после заключения пакта Молотова – Риббентропа. Образ немца-врага размывался, в печати отсутствовала информация о положении в оккупированной Европе, в частности, ничего не писалось о гитлеровской антиеврейской политике. Даже когда началась Великая Отечественная война, Совинформбюро ограничивалось краткими сводками, в которых многое умалчивалось. Газеты, публиковавшие обзоры западной печати, акцентировали внимание преимущественно на негативных явлениях в германском тылу. Они выделяли, в первую очередь, такие моменты, как подавленное, упадническое настроение и утверждения о том, что «в победу над СССР никто не верит»¹⁰⁵.

Несовпадение представлений о будущей войне с реальными событиями привело, в частности, к психологическим сложностям эвакуации.

За «точку отсчёта» возьмём тот момент, когда перед человеком впервые возникла необходимость срочного переезда или он начинает обдумывать возможность эвакуироваться или остаться. Уже на этом этапе у человека возникает стресс. Термин «стресс» был предложен канадским физиологом Г. Селье, слово происходит от английского stress – давление, напряжение. Стресс возникает в том случае, если человек расценивает угрожающие обстоятельства как требующие гораздо больших ресурсов, чем те, что у него имеются¹⁰⁶.

---

¹⁰² 18 съезд ВКП(б), 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 204.

¹⁰³ Токарев В.А. Сталин: «Да, мы ошиблись... мы не так представляли войну» // Начало войны: мифы и реальность. Уфа, 2001. С. 84-90.

¹⁰⁴ Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988. С. 79.

¹⁰⁵ Козлов Н.Д. Десталинизация общественного мнения в годы войны: домыслы и действительность // В поисках исторической истины. Л.: Лениздат, 1990. С. 130.

¹⁰⁶ Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. Под. Ред. Солдатовой Г.И. М., 2002. С. 18-19.

Действительно, люди очень смутно представляли, что их ждет за тысячи километров в глубоком тылу. Никто не знал, надолго ли они едут, что брать с собой. Порой люди, испытывая страх, теряли свое «Я», забывая о чувстве ответственности за семью, и не знали, как себя вести. Нередко это происходило с людьми, которые казались сильными по духу. «Странно убеждаться в том, как переменялись роли в семье. Папа, чье слово всегда свято, чье мнение было законом, сейчас вроде бы отошел на второй план. Лидером семьи стала Мирра»¹⁰⁷/ Страх порождает неконтролируемую агрессию. Вспоминает Людмила Касаткина: «Страшно было и оттого, что какая-то женщина у нас в подвале (она была пьяница, совсем не заботилась о своих детях) как-то говорила, на что-то разозлившись на собственную мать: «Вот придут немцы, а я им скажу: «Вот они – семья коммуниста!». И вас первых повесят на дереве!». А у нас во дворе было дерево»¹⁰⁸.

Психологическое состояние страха приводило к паническим настроениям или даже действиям. О настроениях в писательской среде вспоминает писатель Первенцев: «Так у всех были перекошены лица и страшный испуг. Из Союза писателей выбежал Корней Чуковский. Он был бледен и растерян. Подбежал ко мне, сунул холодную и мягкую ладонь, что-то сказал и побегал в каменные воротца, ведущие к Клубу»¹⁰⁹. Некоторые люди переоценивали опасность, ударялись в панику и стремились эвакуироваться как можно быстрее, увезя с собой как можно больше. Вот, например, эпизод из докладной записки писателя А. Фадеева об эвакуации Лебедева-Кумача из Москвы: «он еще 14 октября привез на вокзал два пикапа вещей, не мог их погрузить в течение двух суток и психически помешался»¹¹⁰.

Закрытый характер советского общества и жесткий контроль государства над средствами массовой информации превращали слухи в основной неформальный коммуникативный канал. С самого начала войны количество слухов существенно возросло, став своеобразным ответом общества на экстремальную ситуацию. Особенно интенсивно они распространялись в прифронтовых районах. Несмотря на сводки Совинформбюро, сообщавшие о больших потерях фашистов, враг приближался.

Разрушение пространства, его дезорганизация – очень опасное явление. Привыкшие к порядку, педантичные немцы прекрасно это

---

¹⁰⁷ Ленинград блокадный // Нева. 1999. № 1. С.41.

¹⁰⁸ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDRip

¹⁰⁹ Первенцев А. Москва опаленная. Дневник войны // Москва. 2001. №6. С. 24.

¹¹⁰ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 476.

понимали и считали, что оставление своих домов и паническое бегство советских людей может стать дополнительным фактором для победы в советско-германской войне. В указании командования сухопутных войск вермахта о порядке захвата Москвы и обращении с её населением от 12 октября 1941 г. прямо говорилось: «Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными нами восточными районами и использовать их»¹¹¹. Советское руководство, в свою очередь, пыталось придать эвакуации организованный характер.

В любом военном пространстве – на фронте, на оккупированной территории, в тылу – люди находились в постоянном психологическом напряжении. Постоянное ощущение близости смерти, неизвестность, ожидание писем с фронта и боязнь получить похоронку, тревога за близких, надежда на избавление. Состояние людей ухудшалось из-за физического переутомления, скудного питания и бытовых трудностей.

Дополнительным стрессогенным фактором для нескольких миллионов советских людей стала эвакуация. С полным правом её можно отнести к числу экстремальных ситуаций, когда перед личностью ставится проблема совладания со сверхсложными жизненными обстоятельствами, равносильная проблеме выживания. Психологически ситуация эвакуации влияет на человека двояко: с одной стороны, она требует от индивида усилий, которые находятся на границе его адаптивных возможностей или даже превосходят имеющиеся у него резервы; с другой стороны, именно высокая интенсивность ощущения опасности для него и близких ему людей порождает выраженное желание преодолеть возникающие трудности.

Психологическое состояние во время вынужденной миграции (а эвакуация попадает в эту категорию) психологи называют «посттравматическим стрессовым расстройством» и выделяют такие его признаки: подавленность, раздражительность, мрачность, неспособность испытывать радость, любовь, постоянное беспокойство, неуверенность в себе, нарушение концентрации внимания, изоляция, отчуждённость, постоянное недоверие, повышенная конфликтность. Человек может впасть в глубокую депрессию, которая сопровождается апатией, нервным истощением и отворачиванием к жизни, ощущением её бессмысленности и бесполезности¹¹².

---

¹¹¹ Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война. 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 364–365.

¹¹² Психологическая помощь мигрантам: травмы, смена культуры, кризис идентичности. Под.ред. Солдатовой Г.И. М., 2002. С. 29-30.

Снятию стресса способствовали положительные эмоции, получаемые от общения с окружающими людьми, полученной от кого-то помощи не только материального, но и морального порядка. Так, бывший в годы войны подростком Виктор Мушинский вспоминал о дороге в эвакуацию: «У меня, странно, очень счастливые воспоминания о днях, проведённых в вагоне, потому что я мог общаться с Любой Ерёминой. Это моя первая любовь... Я вообще до этого до неё боялся подойти...»¹¹³.

Жизнь в вагоне.

Основная доля перевозок населения в эвакуацию приходилась на железнодорожный транспорт. Даже если беженцы шли пешком, то добравшись до железнодорожной станции, дальнейшее перемещение они осуществляли по железной дороге. Расстояния были слишком велики. Прежде всего, в вагон надо было попасть. Желаящих уехать было намного больше, чем мест в вагонах поездов. Поэтому посадка в вагоны производилась не всегда согласно проездным документам, но часто «по праву сильного». «Вокзал и круговерть чужого горя, / Отчаяньем отмеченные лица, / Удары чемоданов трёхпудовых. / Сумятица...И женщину выносят / Парализованную на носилках/»¹¹⁴, – писал В.Луговской в поэме «Первая свеча» о своих впечатлениях 14 октября 1941 г. на Казанском вокзале в Москве.

Погрузка людей часто производилась на неприспособленных для этого станциях. Поскольку ощущалась острая нехватка пассажирских вагонов, вывоз населения осуществлялся часто в специально оборудованных для этих целей товарных вагонах, а иногда даже и на платформах. Н. С. Патоличев вспоминает: «Случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Здесь же станки и материалы, кое-что из вещей эвакуированных. При более благоприятной обстановке 2–3 крытых вагона выделялись для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось 80–100»¹¹⁵. Иногда, чтобы освободить вагоны для перевозки людей, выгружали какой-нибудь груз. Такие примеры приводит в своем рассказе бывший в годы войны начальником грузовой службы Московско-Рязанской железной дороги А. С. Лычев: «состав крепежных материалов сожгли, состав с цементом выгрузили под откос, и вагоны отдали под эвакуированных»¹¹⁶.

---

¹¹³ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDRip

¹¹⁴ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 19.

¹¹⁵ Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 216.

¹¹⁶ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 372–373.

Иногда, в условиях бессилия и паралича власти, люди принимали и реализовывали самостоятельные решения, руководствуясь нормами человеческой морали. В воспоминаниях семьи Юзефович содержится описание такого случая. В январе 1942 г. из Сталинграда в эвакуацию были отправлены работники одного из предприятий. В условиях нехватки вагонов, люди ехали на открытых платформах (таких, на которых обычно перевозили песок и щебень). «И вот утром наш эшелон занял путь на станции Пенза. Рядом с нами стоял другой эшелон, но это были настоящие теплушки, из труб которых струилось благостное тепло. То был воинский эшелон с солдатами-сибиряками, шедший в сторону фронта. В полной тишине стояли эти два состава. Вдруг солдаты увидели, что сугробы на открытых платформах «живые», и что это женщины и дети». Солдаты потребовали от начальника станции заменить платформы на вагоны. Но власть была бессильна. И здесь вступила в силу альтернативная реальность с её нормами поведения: бойцы приняли решение поменяться с эвакуированными составами. «Нас перевели в теплушки, а они, с вещмешками и винтовками между ног, расселись на наших скамейках на платформах. Их поезд двинулся раньше нашего. Женщины плакали, ребята махали руками, а те... отправились навстречу своей судьбе – кто к славе, а кто – к смерти»¹¹⁷.

В условиях эвакуации пространство ещё жёстче выступало как маркер социальной дистанции. На железнодорожных станциях для представителей партийной и государственной номенклатуры зачастую подавали отдельные, более комфортные вагоны или даже поезда¹¹⁸.

Желающих уехать было гораздо больше, чем мест. Для обеспечения себе места в вагоне беженцы прибегали к неофициальным поведенческим стратегиям: начиная от применения силы и заканчивая подкупом железнодорожных служащих: «Потом в вагон начали взбираться новые люди (польские евреи), а проводница не хотела их впускать, а они, бедные, с отмёрзшими руками и отмёрзшими ногами. Но они дали проводнице денег, и она ихпустила»¹¹⁹.

Путь в эвакуацию был очень опасен. Железные дороги стали объектом массированных налетов немецкой авиации. За годы войны вражеская авиация совершила около 20 тыс. налетов на железные дороги, было сброшено свыше 243 тыс. фугасных, осколочных и более 120 тыс.

---

¹¹⁷ Юзефович А.Н. Команда молодости нашей. Записки строителя. – Пермь, 1997. С.14.

¹¹⁸ Порудоминский В. Знакомство полвека спустя. Из записок Григория Шура // Вестник Еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1993. № 3. С. 151–152.

¹¹⁹ Аксельрод Е. Казахстанская пурга // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. – Иерусалим, 2009. С.116.

зажигательных бомб¹²⁰. Это приводило к большим разрушениям и к необходимости продвижения эшелонов под огнем противника. Вспоминает К. Ф. Воронова: «Ранее вышедший эшелон из Днепропетровска был обстрелян фашистами. Наш эшелон подобрал оставшихся в живых, все вокруг горело, люди стонали от ран»¹²¹.

Серьезной проблемой была низкая скорость движения эвакуэшелонов. Установлена она была 500-600 км в сутки, но, по официальным данным, в ноябре 1941 г. средний ее показатель не превышал 180-200 км в сутки¹²². Железная дорога была перегружена как грузовыми, так и пассажирскими перевозками, причём интенсивное движение осуществлялось в обоих направлениях: с востока на запад – эшелоны воинские и с боеприпасами, с запада на восток – с ранеными и эвакуированными. А процент двухпутных линий составлял в среднем по стране 29,5% от эксплуатационной сети. Недостаточным было количество станционных и специальных путей. Часто поезда шли трамвайным порядком – в хвост друг другу. В нескольких метрах от локомотива поезда были видны огни последнего вагона впереди идущего состава¹²³.

Иногда эшелоны часами и сутками простаивали на станциях по причинам сортировки, переадресовки вагонов, недостаточной организованности и оперативности работников дороги. Вагон с 27 рабочими со станции Сортировка до станции Мурзинка (45 км) следовал 13 суток. Архивные документы повествуют о гибели людей от холода и голода из-за простоев, переадресовки и, в целом, медленного продвижения вагонов с эвакуированными. В декабре 1941 г. в Свердловск в эвакуацию прибыл Ново-Горнский дом инвалидов из Калининской области. Отправлено было 76 человек, по дороге умерли 22 пассажира. После чего сложности с приемом этих людей в Свердловске продолжались еще более месяца¹²⁴.

Пункты назначения эвакуации, как правило, определялись строго централизованно. Но известны случаи, когда в эвакуационном удостоверении в графе «направление» было написано: «вглубь страны». Воспользовавшись этой неопределённостью, начальники станций, захламляясь в потоке прибывающих людей, иногда не принимали прибывших и переадресовывали их в другие города. Это имело весьма серьезные отрицательные последствия. В августе 1941 г. два эшелона с

---

¹²⁰ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 268.

¹²¹ Цель жизни Магнитка. Воспоминания о Ф. Д. Воронове. М., 1999. С. 42.

¹²² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 44. Л. 77.

¹²³ Кузница Победы: подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. М., 1985. С. 449.

¹²⁴ ГАСО. Ф. 2508р. Оп. 1. Д. 23. Л. 34; Ф. 540р. Оп. 1. Д. 106. Л. 21.

ткачами Ярцевской фабрики, эвакуировавшиеся из Смоленской в течение 6 суток без горячей пищи и медицинской помощи курсировали между Уфой и Челябинском. Пока местное руководство разбиралось между собой – умерли 5 человек эвакуированных.

В условиях, когда власть начинает терять рычаги управления, выживали те люди, которые сумели мобилизовать себя и начать действовать. Как показывает практика эвакуации, формы активного самосохранения были самыми разнообразными, но результатом, как правило, было сохранение жизни. По воспоминаниям современников, журналист и писатель Николай Вирта был человеком потрясающей житейской «пройдошливости»: «напористость, находчивость, пронырливость доходят у него до гениальности». Когда эшелон с ехавшими в эвакуацию писателями надолго застрял на одной из железнодорожных станций, Вирта, надев чей-то орден, прошёл к начальнику вокзала и сказал, что сопровождает члена правительства, имя которого не имеет права назвать, и что он требует, чтобы его пропустили правительственным ходом¹²⁵. Вскоре писатели уже ехали дальше.

Кроме простого обмана, применялись такие способы как звонки высокопоставленным родственникам или знакомым, взятки, демонстрация наград, заслуг, служебных удостоверений, а если таковых не было, то уговоры и слёзы, скандалы и угрозы. Известные личности просто использовали свою узнаваемость и популярность. «Наш эшелон шёл 11 дней, но мне повезло, я попала в привилегированный эшелон – увозили из Москвы Академию наук... За одну улыбку Орловой и за песенку, спетую ею, начальник станции готов был сделать всё, что мог <...>, добывался откуда-то давно списанный старый, пыхтящий, дымящий паровоз, и нас с запасных путей, на которых мы бы простояли неведомо сколько, дотягивали до следующей станции... Так, благодаря Орловой, мы добрались до Ташкента»¹²⁶.

Поскольку путь в эвакуации занимал от нескольких суток до нескольких недель, то большое значение для выживания имело удовлетворение витальных потребностей людей. Чтобы получить в пути какое-то питание, необходимо было иметь эвакуационную справку. Эвакуационные справки должны были выдаваться каждому эвакуированному органами Советской власти из пункта отправления на время и по маршруту следования. По ним люди получали рейсовые карточки и продукты питания в дороге. При отправке положено было выдать по продуктовым карточкам хлеба, а также других продуктов на 10

---

¹²⁵ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 40.

¹²⁶ Там же. С. 27.

дней. В дороге горячее питание и отоваривание карточек производилось на эвакуопунктах. В реальности были известны случаи регулярного кормления и выдачи сухого пайка на протяжении всего пути, чаще нерегулярного отоваривания рейсовых карточек. «Кормление только раз в сутки и то не всегда и в самые разнообразные часы – 2, 3, 4 часа ночи, рано утром... Часто еда была прокисшей – отсюда огромная заболеваемость. Понос свирепствовал зверски, и на остановках шла обычная картина: из вагонов высыпал ряд женщин и мужчин, не считаясь ни с чем, садился, как попало, иногда с кровью, и как можно скорее взбирался обратно в вагон<...> Так двигался эшелон, роняя трупы, оставляя людей на дороге, отрывая мать от ребенка...»¹²⁷. Иногда не кормили совсем, и люди вынуждены были сами добывать себе пропитание. Вот как описывает эвакуацию из Ленинграда в Челябинск рабочий Кировского завода В. Гусев: «Наш эшелон двигался до Челябинска 29 суток. Мы больше стояли, чем ехали. Морозы все усиливались. Скоро продовольствие кончилось и, когда поезд стоял, мы разбредались в поисках еды порой за 5–7 километров от железной дороги»¹²⁸.

Одним из осложнений, с которыми столкнулись люди, ехавшие в эвакуацию, стала опасность инфекционных заболеваний. Социальная статистика многократно подтвердила, что подавляющая масса инфекционных поражений и гибели эвакуированных происходила именно во время движения населения, в местах его скопления на вокзалах, пристанях, в эшелонах. Весьма характерным примером является вспышка заболеваний сыпным тифом в январе 1942 г. на станции Чкалов в результате того, что численность пассажиров на вокзале в отдельные дни доходила до 3 тыс. человек¹²⁹.

Положение усугублялось тем, что зачастую для перевозки людей использовался непригодный транспорт, люди не имели достаточно теплой одежды и обуви. В холодном зимнем феврале 1942 г. подростки из ленинградского ремесленного училища ехали на Урал в эвакуацию в товарных вагонах, без оконных рам, без нар, без топлива. Состав с 194 учащимися прибыл на станцию Челябинск 19 февраля 1942 г. В пути умерли 42 человека и госпитализированы 65 человек больных. Из прибывших 20 человек нуждались в госпитализации (дизентерия и обморожение), но медпункт принять их отказался и только 22 февраля 1942 г. принял 4 человек. Состав стоял 3-е суток без топлива,

---

¹²⁷Кожурин В.С. Народ и власть. (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995. С. 53–56.

¹²⁸ Гусев В. Как кировцы делали танки в Челябинске // Знамя. 1974. № 8. С. 141–142.

¹²⁹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 240. Л. 8.

санобработку не провели. Учащихся два раза покормили горячим обедом, сухого пайка не дали. Все это время директор училища и заместитель начальника областного Управления трудовых резервов «обивали пороги». Только вечером 22 февраля 1942 г. вагоны снабдили углем и отремонтировали, а 23 февраля 1942 г. училище было отправлено к месту назначения в Каменск. За время нахождения вагонов на станции Челябинск умерли 7 человек¹³⁰.

Через неделю после начала войны, 30 июня 1941 г. Наркомздравом СССР совместно с НКПС было разработано «Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов». На 198 наиболее крупных узловых станциях были организованы пункты для осмотра и санобработки пассажиров. На вокзалах стремились воинский контингент отделять от гражданского населения, проводить паспортизацию эвакуэшелонов. Первостепенную важность приобрел контроль водоснабжения. Повсеместно были организованы кипячильники, кубогрейки, бани, прачечные, дезокамеры, санпропускники.

Ежедневно из всех городов и районов тыловой зоны эпидемиологи или санитарные инспектора должны были подавать в ГКО сводки о количестве инфекционных больных, снятых с поездов, и об уровне смертности¹³¹. По косвенным данным, эти сводки хранятся в Государственном архиве РФ в засекреченном фонде. Отрывочные данные о заболеваемости и смертности эвакуированных можно получить в местных архивах транзитных и принимающих областей¹³².

Серьезной не только санитарной, но и нравственной проблемой было захоронение людей, умерших по дороге в эвакуацию. Обычно при обходе эшелонов на станциях трупы снимали с поездов, и железнодорожная прокуратура составляла акты¹³³. Далее возникали споры между администрацией железной дороги и городскими организациями – кто и за чей счет будет хоронить этих умерших. В результате, к примеру, на станции Саратов, из 148 трупов, снятых с проходящих эшелонов за период с 1 октября 1941 г. по 10 декабря 1941 г., 79 не хоронили в течение месяца¹³⁴. Рассмотрев этот вопрос на своем заседании 26 ноября 1941 г., Челябинский горисполком принял решение: «Разрешить отделу вокзалов ЮУЖД, в виде исключения, захоронение трупов, скопившихся на вокзале, в братские могилы по 10-

---

¹³⁰ ОГАЧО. Ф. П 288. Оп. 6. Д. 117. Л. 810.

¹³¹ Здоровоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Сб. документов и материалов. М., 1977. С. 317–318.

¹³² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 367. Л. 100–101.

¹³³ ГАПО. Ф. 1198. Оп. 2. Д. 8. Л. 95.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 44. Л. 88.

15 трупов в одну могилу. Предложить заведующему городским коммунальным хозяйством т. Котину отвести на кладбище Кировского района места для братских могил»¹³⁵.

Нарушения графиков продвижения эшелонов порождали новые проблемы. Некоторые эшелоны теряли в пути более половины людей. Так, в эвакопоезде, прибывшем 24 июля 1941 г. на станцию Ощепково Свердловской области, вместо отправленных 1900 человек оказалось 240, остальные отстали или были сняты в дороге¹³⁶. В связи с этим возникала проблема отправки отставших от эшелонов. По официальным данным, из 36 326 человек, проследовавших через Челябинский эвакопункт за период с января по апрель 1942 года, – 15 % составляли люди, отставшие от эшелонов¹³⁷.

В условиях длящейся неделями дороги пространство сжималось до вагона «теплушки». Люди пытались всячески организовать и обустроить пространство, т.е. социально освоить. «С трудом, частью с руганью, частью с просьбами, но запихнул свою корзину и подушку на верхнюю полку, у двери поставил стоймя чемодан и кое-как на него уселся. Слава Богу, хоть кое-как, хоть от двери и дует, но все же – в поезде, а значит уеду. Так мы сидели в темноте до отправки, которая состоялась около часа ночи. 30 км до Ладожского озера ехали с частыми и длительными остановками. Сильно замерзли мои опухшие ноги. О сне для меня, конечно, не было и речи»¹³⁸. Люди конструировали себе подобие жилища из подручных средств, привыкая жить в полной неопределённости. Приоритетными были задачи выживания, а не удобства. Всё внимание было сосредоточено на удовлетворении первичных потребностей: «В вагоне было тесно и темно, днём душно, ночью холодно. Наши места были на втором уровне нар (кажется, их было три). Слезать мне было неудобно, особенно ночью, когда приходилось «идти на горшок», т. е. к стоящему у дверей ведру»¹³⁹.

Грязь, холод, плохая организация питания, отсутствие связи с районами и многие другие проблемы осложняли работу этих эвакопунктов. Главная причина такого положения крылась в недостаточности материального обеспечения. В общежитии Челябинского эвакопункта по плану на июль 1941 г. должно было быть

---

¹³⁵ ОГАЧО. Ф. Р 220. Оп. 13. Д. 1. Л. 286.

¹³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 157. Л. 60.

¹³⁷ ОГАЧО. Ф. Р 1142. Оп. 3. Д. 4. Л. 40.

¹³⁸ Кулябко В. Блокадный дневник // Нева. 2004. № 3. С. 263.

¹³⁹ Цфасман А.Б.: Последние свидетели Войны и Холокоста. / DieletztenZeugendesKriegesunddesHolocaust. In: Zeitgeschichte regional, Sonderheft 5. Rostock, 2012.С.63-67.

1800 коек, реально их было 400, из них постели имелись только на 30¹⁴⁰. Положение на эвакуопунктах ухудшилось в последнем квартале 1941 г. в связи с наступлением холодов и увеличением потока эвакуированных.

Обычно эвакуэшелон встречали представители комиссии горисполкома вместе с медсанперсоналом железной дороги и давали указание, по каким распределителям предстоит разгрузка. Горкомхоз или заводы предоставляли транспорт для перевозки эвакуированных и их вещей в пункт-распределитель. Далее механизм был такой же, как в эвакуопункте: регистрация, санобработка, прививки и расселение. Чтобы полнее представить картину, приведем документальное описание пункта-распределителя для завода №66 г. Златоуста по состоянию на 26 октября 1942 года: «Пункт расположен в здании клуба НКВД. Помещения – 3 комнаты, красный уголок, зрительный зал; температура нормальная – 13-15 °С. Санитарная характеристика – хорошая. Для отдыха имеется 15 раскладных кроватей (количество недостаточное). Для больных имеется изолятор на 4 места. Имеется 2 кипятильника на 10 ведер каждый. Для медицинского обслуживания имеется участковый фельдшер и круглосуточное дежурство медсестры. Питание организовано 2 раза в сутки из двух блюд»¹⁴¹.

Первоначально предполагалось, что люди не будут задерживаться на эвакуопунктах в течение продолжительного времени. Но вскоре стало ясно, что ежедневно на эвакуопунктах оседает значительное количество людей. Например, на Свердловском эвакуопункте на момент проверки на 12 часов ночи 29 декабря 1941 г. находились 526 человек. Из них 50 человек обитали в этом помещении более 50 суток, 79 – от 15 до 30 суток, 61 – от 10 до 15 суток, 72 – от 5 до 10 суток¹⁴². Как правило, это были следующие категории населения: больные, беременные, женщины, чьи дети находятся в больнице, престарелые, нуждающиеся в отдыхе в связи с длительной поездкой, эвакуированные, ждущие отправки (так как комплектование и отправка эшелона требовала формирования до 40–50 вагонов)¹⁴³. На эвакуопунктах также останавливались семьи, переезжающие к месту жительства своих родных, и отдельные граждане, разыскивающие свои семьи. Неделями и месяцами прятались в толпе людей на эвакуопунктах дезертиры и лица, уклоняющиеся от военной службы¹⁴⁴. В целях ограничения свободы передвижения граждан, обеспечения общественного порядка и режима безопасности 18 ноября

---

¹⁴⁰ОГАЧО. Ф. П 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 67.

¹⁴¹ЗФ ОГАЧО. Ф. Р 245. Оп. 1. Д. 45. Л. 13, 41.

¹⁴²ГАСО. Ф. 540р. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

¹⁴³Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Уфа, 1995. С. 281.

¹⁴⁴ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 44. Л. 97.

1941 г. был издан приказ НКВД СССР, предписывавший меры по усилению паспортного режима. Необходимо было «организовать проверку и задержание нарушителей паспортного режима и подозрительного элемента на вокзалах, в пивных, ресторанах, погрузочных и разгрузочных воинских пунктах и т.д.»¹⁴⁵. Нарушителей штрафовали и выселяли из пределов города.

Осенью 1941 г. увеличилось количество жалоб и писем в центральные органы власти и даже лично Сталину о тяжелом положении людей, перевозимых в эвакуацию. Простои эшелонов по 5–10 суток на отдельных станциях и разъездах, скорость продвижения 30–80 км в сутки, отсутствие медицинской помощи, регулярного снабжения питанием, топливом, кипятком приводили к случаям заболеваний и смертей. С наступлением холодов, так как вагоны часто были не оборудованными и не отапливаемыми, участились случаи обморожений. Иногда, в обстановке суматохи и неразберихи, про отдельные вагоны с людьми просто забывали.

Хотя основную тяжесть эвакуационных перевозок приняли «на себя» железные дороги, использовались и другие виды транспорта. О трудностях применения речного транспорта вспоминает бывший в годы войны Наркомом сообщения И. В. Ковалев: «Его суда и порты по своему техническому уровню оказались малоприспособленными к эвакуационным перевозкам. Речные баржи, предназначавшиеся, в основном, для перевозки навалочных грузов, требовалось срочно переоборудовать под крупногабаритные грузы и для перевозки людей <...> Самоходного флота не хватало, в портах и на пристанях недоставало причалов»¹⁴⁶.

Иногда, в особых случаях для эвакуации людей использовался воздушный транспорт. Актер Б. Тенин в воспоминаниях описывает полный опасностей путь в эвакуацию из Ленинграда: «Нам выделили три грузовых «Дугласа». <...> Мы уселись на двух длинных скамьях вдоль всего салона. Вещи лежали на полу в середине. В центре самолета была кабина со стеклянным верхом, там стоял пулемет<...> Летели не выше семидесяти метров над Ладогой. Так противнику труднее обнаружить летящий самолет. Но нас все же заметили. За нами погнался вражеский истребитель. Пулеметчик нажал гашетку... Все сжались. Из-за шума самолета выстрелов мы не слышали. Из кабины на нас летели отстрелянные гильзы пулемета»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁵ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. М., Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 171.

¹⁴⁶ Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 88.

¹⁴⁷ Тенин Б. Фургон комедианта: Из воспоминаний. М., 1987. С. 300.

В детской памяти дорога в эвакуацию чаще всего запечатлевалась как череда монотонных действий, не имевших какой-либо чёткой хронологии: «И снова, на телегах, запряженных лошадьми, под бомбами от пролетающих самолетов-бомбардировщиков мы двигались по направлению к г. Баку, а точнее, к морю. Днем шли, изнемогая от жары, а ночью спали, где придется. Месяц шли пешком; изредка, меняя друг друга, садились на телеги. В Баку нас посадили на грузовой танкер. Трое суток мы плыли по морю, попали в одну из ночей в шторм, пароход накренился сильно, прикасаясь к поверхности моря. Бедных пассажиров укачивало до обмороков, головокружений. Наконец, мы прибыли в г. Красноводск, где размещался эвакуопункт. Там сортировали беженцев. Нас с мамой посадили в товарный вагон эшелона, где все спали вповалку на полах, крытых соломой. Мы двинулись в путь<...> В ноябре 1942 г. мы прибыли в г. Березники Молотовской области»¹⁴⁸.

Дети, которые ехали в эвакуацию с родителями, вспоминают, что доминирующей эмоцией был страх потеряться. Двенадцатилетняя Лида, при эвакуации из блокадного Ленинграда, в вокзальной сутолоке потеряла маму. Чужие люди посадили её в эшелон, проехав не одну сотню километров, поезд остановился ночью на маленькой станции. Спрыгнув из вагона, чтобы набрать воды, девочка услышала мамин крик: «Лида!!!». Вспоминать этот эпизод и сейчас, спустя шесть десятков лет, Лидия Уткина без слёз не может¹⁴⁹.

Количество эвакуированных.

В исторической литературе приводятся противоречивые сведения о количестве эвакуированных, основанные на различных методиках подсчёта и различных трактовках термина «эвакуированные». Не будем останавливаться на этом вопросе подробно, поскольку позиция автора уже была изложена и обоснована в прежних публикациях. Напомним, что, на наш взгляд, общее количество бежавших или организованно выехавших в эвакуацию, включая рабочих и служащих промышленных предприятий с семьями; детей и обслуживающий персонал детских учреждений; учащихся вузов, ремесленных училищ и школ ФЗО; представителей партийной и государственной номенклатуры, военного руководства и их семей; представителей научной и творческой интеллигенции с семьями; пенсионеров, инвалидов, женщин с детьми; заключённых и подследственных; мужчины призывного возраста, подлежащих мобилизации, составляет более 12 000 000 человек.

---

¹⁴⁸ Дворсон Л. Г. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 146.

¹⁴⁹ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDRip.

Итоги. Главными задачами массового перемещения людей стали спасение человеческих жизней и обеспечение рабочей силой оборонных предприятий страны. Масштабы эвакуации были значительны и беспрецедентны: на восток переместилось более 12 000 тысяч людей¹⁵⁰. Трудность принятия решения об эвакуации диктовалась несколькими факторами. Это и стремительное наступление немецких войск в начале войны, и отсутствие заранее продуманных планов эвакуации, и острая нехватка транспортных средств, и надежда, что скоро враг будет остановлен, а оккупация продлится совсем недолго; и сомнения в том, что гитлеровский режим представляет смертельную угрозу для жизни советских людей.

Эвакуационный процесс носил частично организованный, частично стихийный характер. Характер «беженства» в различных регионах СССР имел свои особенности. Эвакуация носила неподготовленный характер, опыт лета – осени 1941 г. практически не был учтён при организации эвакуационных перевозок летом – осенью 1942 г.

Эвакуация со всей очевидностью продемонстрировала, что «государственная машина, приводящая в движение множество деталей огромного механизма, на большой скорости вдруг начала буксовать, останавливаться, тормозить и, наконец, остановилась совсем. Люди оказались предоставлены сами себе. Они должны были не только сами организовывать свою жизнь, искать кусок хлеба, но и сами ориентироваться в происходящем. Это давало им чувство страха, и острое чувство свободы»¹⁵¹. Формировалась другая социальная реальность, в которой результат определялся не буквой закона, должностной инструкцией или предписанным поведенческим кодом, а правом сильного и наглого – с одной стороны, понятиями человечности, справедливости и коллективизма – с другой. В каждом конкретном случае исход происходившего зависел от субъективного фактора, от реального соотношения сил «между добром и злом», от готовности человека занять активную позицию и бороться за свою жизнь.

Люди, пережившие эвакуацию, сохранили эмоциональные воспоминания об этом процессе вплоть до мельчайших деталей и считают дорогу в эвакуацию самым стрессогенным событием своей жизни.

---

¹⁵⁰ Потёмкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. С. 24.

¹⁵¹ Громова, Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 6.

Глава 2. В ЧУЖОМ КРАЮ

Эвакуированные... "Выковыренные"...

Так называли вас иногда.

С корнями выдернутые, невыговоренные...

А за спиною беда, беда...

А. Голота¹⁵²

Конечный пункт дороги в неизвестность.

Для людей, ехавших в эвакуацию, важным для выживания был выбор места конечного пункта эвакуации. Люди, следовавшие в эвакуацию с промышленным предприятием или учреждением, не имели возможности выбора места пребывания. За них этот вопрос решали центральные и местные власти. Самовольные высадки расценивались как дезертирство и карались по законам военного времени. Но, пережив мытарства дорожной жизни, люди начинали понимать, что их выживание в новых незнакомых местах, во многом будет зависеть от выбора города или посёлка. Поэтому часть беженцев предпринимала попытки выбора места высадки. Они пересаживались с поезда на поезд, демонстрируя чудеса изобретательности. Мотивы таких перемещений эвакуированных были различны: желание переехать к родственникам, стремление попасть в регионы с тёплым климатом (многие эвакуировались летом, не имея теплой одежды и обуви), попытки обустроиться в городах (более развита инфраструктура, выше уровень обеспечения, чем в сельской местности) и т. д.¹⁵³. У многих беженцев была иллюзия, что тепло, сытно, гостеприимно в советской Средней Азии. В итоге прибывших в Среднюю Азию в огромном количестве беженцев невозможно было обеспечить ни продовольствием, ни работой. Неустроенность быта и жаркий климат способствовали распространению дизентерии и других болезней. Всё это привело к массовому голоду, унесшему жизни многих, которым удалось убежать от нацистского уничтожения¹⁵⁴.

Прибытие беженцев на новые места жительства не означало конца мытарств. Для выживания необходимо было обеспечить удовлетворение (хотя бы на минимальном уровне) первичных витальных потребностей в

---

¹⁵² Голота А. 70-летию со дня освобождения Ленинграда // Стихи.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2014/01/26/6359>

¹⁵³ ОГАЧО. Ф. Р 1142. Оп. 1. Д. 145. Л. 42, 51.

¹⁵⁴ Швейбиш С. Эвакуация, реэвакуация, антисемитизм в СССР во время Шоа // Заметки по еврейской истории. 2012. – №10(157). [Электронный ресурс]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer10/Shvejbish1.php>

еде, жилье, тепле. Какие факторы влияли на уровень жизни эвакуированных? Какие стереотипы существовали в сознании людей, прибывших в незнакомую местность за тысячи километров от родного дома, и как они преодолевались? Какие адаптационные практики использовали сами эвакуированные?

Архивные документы и источники личного происхождения предоставляют нам возможность выявить комплекс материально-бытовых проблем, возникавших у эвакуированных с прибытием на новые места жительства, а также средства и способы их разрешения. Граждане, оказавшиеся в эвакуации, нуждались в жилье, медико-санитарном обслуживании; они должны были определиться на работу или учёбу, обеспечить себя продуктовыми и промышленными товарами.

От чего зависел уровень жизни? Несмотря на тот факт, что в условиях войны все жители тыла испытывали трудности материально-бытового характера, анализ документов позволяет выделить эвакуированных в особую социальную группу. Её объединяли отсутствие жилья и имущества по прибытии в эвакуацию, общие источники снабжения, особый социальный статус, определявший отношения с властными структурами, а также с местными жителями.

Конечно, следует помнить, что и сама социальная группа эвакуанселения не была однородной. Существованию материально-бытовых различий способствовали многие факторы. Прежде всего – это количество денег, вещей и других материальных ценностей, которые человек смог вывести с собой в процессе эвакуации. Значимым для выживания в местах эвакуации был объём получаемых привилегий, размер заработной платы и получаемых пособий.

Вне всякого сомнения, уровень жизни представителей партийно-государственной номенклатуры был выше, чем у остальной массы эвакуированных. Среди так называемого «неорганизованного» потока прибывавшего в тыл населения в худшем положении находились эвакуированные из блокадного Ленинграда, а также люди, пережившие двойную, а то и тройную эвакуацию.

В связи с особо тяжелой ситуацией, которая сложилась вокруг города Ленинграда, эвакуированные ленинградцы стали специфической группой населения. Дело в том, что эвакуация продолжала производиться и из блокадного города. Прибывавшие люди были настолько ослаблены от голода, что им необходима была дополнительная поддержка. О масштабах эвакуации из Ленинграда и уровне смертности говорят следующие цифры: за период с 21 февраля по 20 марта 1942 г. в Свердловск прибыло 36 эшелонов с 30 955 ленинградцами. По прибытии было снято 56 трупов, 655 человек были госпитализированы¹⁵⁵.

---

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 1. Л. 101–102.

Количество эвакуантов из Ленинграда и Ленинградской области, вывезенного в тыловые районы РСФСР, по данным на 1 декабря 1942 г., составило 861 000 человек. В тылу открывались госпитали и санатории специально для ленинградских детей¹⁵⁶. Уже в процессе эвакуации за эшелонами с ленинградцами был установлен специальный контроль, им выделялись специальные сопровождающие. В местах расселения ленинградцев брали на особый учет, правительственными распоряжениями им выделялись дополнительные пайки.

В гораздо лучшем положении находились эвакуированные семьи начсостава Красной Армии, семьи сотрудников центральных учреждений, организаций и творческих союзов, а также жители Москвы и некоторых других городов, вывозившиеся в тыл в менее тревожной обстановке. Например, 11 июля 1941 г. в г. Лысьва Пермской области прибыли 124 человека – семьи работников искусства из Москвы, для обустройства которых Музфонд перевёл 250 тыс. рублей 15 июля 1941 года¹⁵⁷.

Определённое значение для благополучия людей имели и время года, в которое проходила их эвакуация, и география их расселения. В более выгодном положении находились семьи, прибывшие весной и летом и успевшие к зиме собрать урожай с индивидуальных огородов, заработать трудодни в колхозах и т. д. Часто эвакуированным в сельскую местность, особенно в глухие, отдалённые от райцентров и дорог деревни, жилось сложнее, чем горожанам. Многие зависели от места трудоустройства, поскольку нормы снабжения дифференцировались по 4 группам населения: рабочие, служащие, иждивенцы, дети в возрасте до 12 лет.

Влияние на положение эвакуантов оказывали и сами природно-климатические, демографические, социальные характеристики областей и республик советского тыла. Так, ухудшение питания эвакуированных, наблюдавшееся в ряде тыловых областей зимой 1943 – весной 1944 гг., было связано с неурожайным 1943 г. В результате этого огороды дали мало овощей, заработанные трудодни почти не были оплачены, норма хлеба была снижена. Усугубило ситуацию прекращение в 1943 г. выделения централизованных спецфондов на промтовары для эвакуантов.

Конечно, уровень жизни эвакуантов менялся на протяжении всего периода их пребывания в местах временного проживания. В ходе войны происходила эволюция статуса эвакуированных, накапливался опыт оказания им социальной помощи, менялись акценты в социальной политике по отношению к этой категории населения. Необходимо отметить ещё одно обстоятельство: поскольку эвакуация продолжалась

---

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 63. Л. 132; ГАСО. Ф. 627р. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

¹⁵⁷ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 98. Л. 16.

до 1948 г. включительно, часть прибывших в эвакуацию людей оставались там и в первые послевоенные годы. Переход к мирной жизни (конверсия производства и переход предприятий на выпуск товаров народного потребления, отмена карточной системы, расширение торговой сети и т. д.) оказал положительное влияние на уровень жизни эвакуированных. Кроме того, по мере сокращения состоящего на учёте законаселения, увеличивался объём помощи ему.

Сложности адаптации были связаны и с взаимовосприятием прибывших и местных жителей. «Местное население относилось к приезжим настороженно и называло их упрощенно – презрительно «выковыренные»», – вспоминает Анатолий Брискер.¹⁵⁸ Удивительно, но этот термин стихийно возник одновременно в различных частях страны и быстро распространился повсеместно в советском тылу. Этимология его окончательно не ясна: или потому, что трудно было выговорить и запомнить длинное и не совсем понятное слово «эвакуированные», или оттого, что приехавшие воспринимались местными жителями как люди, лишившиеся «корней», сорванные с «насиженного места», как трава «перекати – поле».

Длительное проживание в неприспособленных материально-бытовых условиях отражалось не только на состоянии здоровья людей, но и на особенностях психического склада и поведения. Отсутствие самых необходимых вещей, конфликты с домовладельцами, непривычные климатические условия, неприспособленность многих эвакуированных горожан, попавших в сельскую местность, к специфическим условиям деревенской жизни – всё это увеличивало отрицательные эмоции и нередко приводило к психологическому состоянию безысходности. Кроме того, будущее их было неопределённым. Достаточно красноречиво выглядят строки из писем, вскрытых военной цензурой. Эвакуированные Зайцева и Шаповалова писали в октябре 1944 г. родным в Курскую область: «Мне, наверное, не придётся жить с вами. Урал возьмёт мою жизнь...»; «Надоел мне Урал. Здесь много людей с голоду умерло и сейчас много голодует и умирает...». Ещё более жёстко высказала своё отношение к жизни в эвакуации Болдырева (письмо датировано январём 1944 г.): «Это вторая ленинградская блокада»¹⁵⁹. Аналогичные письма писали женщины на фронт своим мужьям. Специфически характерным для эвакуированных настроением было ощущение связи с родной землёй, желание вернуться туда, где были оставлены близкие люди и дом.

---

¹⁵⁸ Брискер А. Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни). Изд. второе, уточн. и доп. Санкт-Петербург, 2009. С. 50.

¹⁵⁹ ЦДООСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 130. Л. 1–2; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 255. 92.

Адаптационные практики.

Длительность адаптационного периода зависела от множества случайных факторов. Характеризуя адаптационные практики, можно выделить наиболее типичные из них.

Первостепенной проблемой по прибытии была жилищная. Когда в Ташкенте расселяли приехавшие в эвакуацию писательские семьи, те, кто подальновиднее, занимали самые маленькие комнаты, чтобы в будущем к ним не могли подселить кого-нибудь. Но для большинства эвакуированных получение изолированного жилья оставалось недостижимой мечтой. Так, основную массу учёных, сотрудников академии наук, преподавателей, прибывших в эвакуацию, разместили в актовом зале университета: на площади в 300 кв. метров было поставлено 73 кровати. «Огромный зал перегородили простынями и одеялами. И в этих «шалашах» обитали». Аналогичная «участь» постигла читальный и физкультурный залы. Современники событий через много лет так описывали свои впечатления от увиденного: «Спортивный зал переоборудовали в общую большую спальню. Узкие железные кровати, накрытые одинаковыми серыми одеялами с жёлтыми полосами, аккуратно установили в несколько длинных рядов. Трудно было понять, что это – вокзал, больница или какое-то странное детище войны...»¹⁶⁰. В этих условиях спокойнее чувствовали себя те эвакуированные, которые в своём поведении учитывали особенности коммунального быта и предъявляли к жилищу минимум требований.

В то же время, воспринимая жилище в эвакуации как временное пристанище, люди старались его персонифицировать различными доступными способами. Т. Луговская относилась к новому дому как художник, создающий декорации и костюмы из всего, что лежит под ногами: «Я навела уют. Купила на барахолке два бильярдных кия и повесила занавески из простынь, выкрасив их акрихином. Ещё купила детскую пирамидку. У Поли был поклонник электромонтёр, он сделал мне лампу из пирамидки»¹⁶¹. Такой подход давал человеку ощущение психологической защищённости.

В обстановке всеобщего огосударствления и тотального контроля большая часть населения стремилась попасть в категорию «льготников», чтобы получить послабления по налогам или какие-либо пособия. Численность людей, имеющих право на государственные пособия, в годы войны возросла, прежде всего, за счёт семей фронтовиков, инвалидов, матерей-одиночек, эвакуированных. Получение официального статуса

---

¹⁶⁰Цит. по: Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941-1945 гг. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. С. 223.

¹⁶¹Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 46.

«эвакуированного» давало возможность получения продуктовых карточек (что было актуально в сельской местности) и материальной помощи.

Учётом эвакуированных, контролем за их обустройством, распределением материальной помощи занимались Отделы по хозяйству эвакуонаселения, созданные в составе аппаратов исполкомов советов депутатов трудящихся всех уровней в феврале 1942 г. вместо расформированного Управления по эвакуации населения¹⁶². В архивных материалах содержится множество цифровых данных об «отпущенных» спецфондах для эвакуонаселения в целом или отдельных его групп. К примеру, в первом квартале 1942 г. были выделены спецфонды для эвакуонаселения; во втором квартале – только для эвакуированных семей начсостава РККА¹⁶³. В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 марта 1942 г. были выделены спецфонды для ленинградцев-блокадников, прибывающих в эвакуацию¹⁶⁴.

На практике значительная часть помощи, предназначавшаяся эвакуированным, не доходила по назначению. Среди многочисленных воспоминаний о периоде эвакуации мы почти не встречаем упоминаний о материальной поддержке со стороны государства. Для эвакуированных, проживавших в Кизнерском районе Удмуртской АССР, выделили ткань, «а сшили себе костюмы и ходят в них работники райвоенкомата и других организаций»¹⁶⁵. Главные причины хищений понятны: жестко централизованная система снабжения и дефицит товаров, усиленный войной.

Интересна патерналистская схема получения товаров и услуг, придуманная и осуществлённая группой эвакуированных в Алма-Ату столичных писателей. «В Союз писателей привозили иногда <...> национальную реликвию – почти столетнего акына Джамбула, певца дружбы народов и советской власти. Его усаживали дремать в каком-нибудь укромном уголке во дворе, а в это время многочисленные секретари звонили по инстанциям, требуя от имени Джамбула разных насущных благ, к примеру: «Джамбулу требуются двадцать пар лакированных сапог». Хотя Джамбул даже не говорил по-русски, его именем кормились как местные, так и эвакуированные «секретари» и «переводчики».¹⁶⁶

---

¹⁶² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 7. Л. 12.

¹⁶³ ОГАЧО. Ф. Р 1142. Оп. 1. Д. 108. Л. 47.

¹⁶⁴ ОГАЧО. Ф. Р 1142. Оп. 1. Д. 146. Л. 29.

¹⁶⁵ ЦГА УР. Ф. Р 755. Оп. 1. Д. 7. Л. 269.

¹⁶⁶ Аксельрод Е. Казахстанская пурга // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С. 117.

Ещё одним способом адаптации эвакуированных к новой непривычной среде было написание жалоб. Рассмотрение жалоб было одним из обязательных направлений работы любого партийного или государственного учреждения, включая Отделы по хозустройству населения. Анализ жалоб и заявлений, поступивших в 1942 г. в отдел торговли и общепита Молотовского ОК ВКП(б), показал, что «абсолютное большинство жалоб поступает от эвакуанаселения»¹⁶⁷. Результаты работы с жалобами были различны. К примеру, в отделе по хозустройству Еткульского райисполкома Челябинской области жалоба эвакуированной Зубановой на тяжелое материальное положение пролежала без ответа в течение 3-х месяцев. За это время Зубанова умерла, и двое ее детей остались сиротами¹⁶⁸. В отдел по хозустройству эвакуанаселения Оренбургского облисполкома за 1942 г. поступило 564 жалобы: по 323 из них были приняты меры, остальные были направлены в соответствующие инстанции. По материалам жалоб исполком организовал 20 проверочных выездов на места¹⁶⁹.

Наибольший эффект давали жалобы мужьям в действующую армию или в Москву – руководителям партии и правительства. Вот что вспоминает жительница Курганской области Р. С. Чистякова: «В 1943 г. в село Сетовное прибыли дети, эвакуированные из Курской области. Меня назначили директором этого детского дома. Приняла я 150 детей, разутых, раздетых, голодных<...> А фондов на питание и одежду не было до 15 декабря... Все мои хождения по областным инстанциям кончались очередными обещаниями... И тогда я решилась – написала письмо Председателю ГКО И. В. Сталину. Ровно через две недели детдому дали все и даже больше, вплоть до американского шоколада»¹⁷⁰.

Воспоминания Михаила Ильина, как нельзя лучше, показывают весь спектр активного встраивания в незнакомый социальный ландшафт: ««Как старший мужчина в семье, я стал её «кормильцем» – пошёл работать – копать арыки для <...> полива полей. Маме пришлось продавать оставшиеся вещи и ценности, чтобы чем-то кормить детей. Старый казах приглашал меня на «охоту». На месте старого аула были высохшие колодцы. Туда, как в западню, попадали зайцы. Старик на верёвке опускал меня в колодец, я палкой убивал зайцев, а затем поднимал их наверх. Кругом кишели гадюки, было очень опасно. В 13 лет меня приняли на военный завод учеником токаря. Эвакуированный из Мелитополя комбайновый завод, который производил артиллерийские

---

¹⁶⁷ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 118. Л. 5.

¹⁶⁸ ОГАЧО. Ф. Р 1142. Оп. 1. Д. 108. Л. 28.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 38. Л. 15.

¹⁷⁰ Священная война. Великая Отечественная в памяти фронтовиков и труженников тыла. Курган, 2000. С. 300–303.

снаряды. Работали по 12 часов без выходных. При этом были и дневные и ночные смены <...> теперь мне полагалась рабочая продовольственная карточка. Помимо получения хлеба. Я имел возможность питаться в рабочей столовой. Мне полагалось ещё пол-литра спирта в месяц. Мама меняла его на хлеб: за одну бутылку можно было получить две буханки хлеба...»¹⁷¹. Анализируя вышеизложенный текст воспоминаний, можно выделить следующие типы адаптационных практик: устройство на работу; продажа на рынке или обмен на продовольствие вещей и ценностей, привезённых в эвакуацию; добыча пищи, используя окружающую природу; дополнительные продовольственные поощрения за труд на предприятии оборонного значения. Все эти практики принадлежат к активным способам выживания.

В условиях всеобщего дефицита эвакуированные вспоминали старинные ремёсла и придумывали оригинальные поделки на продажу. Виктор Ваксман вспоминал: «Я плёл корзины и лапти, которые мы носили в соседнее татарское село Тавель и обменивали на салму (что-то вроде клёцок из жмыха)»¹⁷². Татьяна Луговская делала шляпки и продавала их обеспеченным дамам из актёрских и писательских семей эвакуированных¹⁷³.

Элла Рабинович вспоминает, как в эвакуации в Казахстане тяжело больной отец спасал семью от голода: «Но папа у меня был удивительно одарённый человек. Он начал делать календари. Он рисовал календарь на каких-то фанерках, писал числа, и красными чернилами – праздники, зарисовывал, делал виньетки. Эти календари продавались, так он зарабатывал»¹⁷⁴.

Выживание в военном социуме требовало от эвакуированных также моральных усилий по преодолению культурного шока. Содержательной характеристикой культурного шока является хаотичное, спонтанное, тяготеющее к упрощению изменение моделей поведения сообществ и отдельных индивидов, сопровождающееся ростом насилия и

---

¹⁷¹ Цфасман А. Б. Последние свидетели Войны и Холокоста. / DieletzttenZeugendesKriegesunddesHolocaust. In: Zeitgeschichte regional, Sonderheft 5. Rostock, 2012. С. 63-67.

¹⁷² Ваксман В. Воспоминания братьев Ваксманов //Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С. 129.

¹⁷³ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 89.

¹⁷⁴ Рабинович Э. На маленькой, Богом забытой станции Лепсы. //Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С.124.

ослаблением институализированных прежним укладом социальных порядков¹⁷⁵.

Обстановка тотального дефицита и общего снижения уровня жизни населения, вызванная военными обстоятельствами, ставила человека в пограничную ситуацию между должным и приемлемым поведением. Часть эвакуированных вспоминали о девиантных практиках адаптации. Девиантные (иногда переходящие в криминальные) поведенческие практики были связаны с уклонением от выполнения или прямым нарушением существовавших правовых норм. Сразу оговоримся, что провести чёткую границу между законопослушным и противоправным поведением практически невозможно. Главным мотивом девиантного поведения было «выжить любой ценой», диапазон моделей такого выживания был достаточно широк и разнообразен. Часть населения превратила криминальные модели поведения в практики наживы и обогащения. Но в условиях войны границы девиантности расширили, и некоторые деяния граждан, наказуемые с точки зрения закона, не считались преступными в общественном мнении.

В воспоминаниях эвакуированных содержатся примеры таких поведенческих практик, как сбор колосков или картофеля на колхозных полях, воровство торфа или угля с добывающих предприятий для отопления своего жилища, приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене и т. д. Григорий Канович, мальчишкой в 1941 г. приехал в эвакуацию вместе с мамой из Литвы в Среднюю Азию. Узнав, что соседские мальчишки собирают на колхозных полях оставшиеся после уборки урожая колоски, стал объяснять этот, по его мнению, «грандиозный план» своей маме. «А это можно? – глухо спросила мама, и в её вопросе уже заключался не подлежащий обжалованию приговор. – Вам за это не влетит? Ведь тут всё шиворот-навыворот, ничего не разберёшь – нельзя того, что можно и можно то, чего где-нибудь в другом месте, скажем, в Литве, нельзя». История со сбором колосков осталась в памяти Григория Кановича в мельчайших подробностях. В своих воспоминаниях он описывает «бездыханные колоски, которые валялись под ногами», «чувство преодоления какой-то невидимой и запретной черты», страх «я весь уже состоял из страха» перед заставшим мальчишек за сбором колосков объездчиком Кайербеком, сплетённую из кожи и проволоки плётку, острую и нестерпимую боль и уходящее сознание. Но, поскольку Григорию уже было 13 лет, самосуд, хотя и жестокий, спас мальчика от реального тюремного срока¹⁷⁶.

---

¹⁷⁵ Лейбович О. Антисемитские настроения в советском тылу. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/7144154/>

¹⁷⁶ Канович Г. Отрывок из повести «Лики во тьме» // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С. 107-110.

Невысокий уровень грамотности населения, низкая юридическая грамотность приводили к тому, что люди плохо представляли границу между законопослушными и уголовно-наказуемыми действиями. Ещё хуже ситуация со знанием советского законодательства обстояла с эвакуированными жителями вновь присоединённых западных территорий. Зачастую они не знали не только законов, но даже русского языка, не успели получить советские паспорта.

Вспоминая о проявлениях своего девиантного поведения в эвакуации, большинство людей объясняет их безысходностью: «Из-за холодов «буржуйку» надо было топить круглосуточно, и часто угля не хватало. Нам приходилось идти на территорию ближайшего завода и оттуда таскать уголь в мешках и вёдрах. Для нас, детей (мне было в первый год войны 5 лет, братику – три), это было тяжёлым испытанием: мороз доходил до 35 градусов Цельсия, дули сильные степные ветры. А снег был выше нашего роста. Но делали мы это потому, что было необходимо. Я понимал, что охрана завода видит наше «воровство», но делала вид, что не видит»¹⁷⁷. Не всегда окружающие и обладавшие властными полномочиями люди проявляли понимание: «Мама продолжала работать в колхозе. Следили там за каждым работником. Если бригадир из местных замечал, что кто-то из эвакуированных взял с собой морковку или ещё что-то, отдавал под суд»¹⁷⁸.

Ответной реакцией значительной части населения тыловых районов на введение нормированного снабжения, всеобщий дефицит и рост цен на колхозных рынках стала «спекуляция». Советское руководство огульно называло «спекуляцией» любое приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене и рассматривало подобные действия как преступление. Среди спекулянтов можно было встретить и преуспевающих дельцов преступного мира, ведущих роскошную жизнь, и задавленных бедностью старух, перепродающих с небольшой наценкой товар, купленный в магазине¹⁷⁹.

Типичной адаптационной практикой для эвакуированных стал обмен на продукты питания вещей или ценных предметов, привезённых с собой. Такие примеры в своей книге воспоминаний привел Анатолий Брискер: «На рынках продукты в основном не продавали, а меняли на вещи – этаким натуральным обмен; так мама отдала свою ярко-

---

¹⁷⁷Цфасман А.Б. Последние свидетели Войны и Холокоста. / DieletztenZeugendesKriegesunddesHolocaust. In: Zeitgeschichte regional, Sonderheft 5. Rostock, 2012. С. 63-67.

¹⁷⁸Кантор Л. Я «эвакуировала» свою семью // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опалено огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С. 71.

¹⁷⁹Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е гг.: город. М., 2008, С. 75.

малиновую шелковую шаль, которую она, правда, никогда не носила в прошлом и, видимо, не собиралась носить в будущем, и дореволюционный золотой медальон, который мне жаль до сих пор...»¹⁸⁰.

Следует отметить, что такие поведенческие трансформации оказывали воздействие на общественное сознание людей, меняя представления о таких нравственных понятиях, как «стыд», «совесть», «корысть», «честность». Анатолий Брискер, школьником приехавший с матерью в эвакуацию в Пензу, и много лет спустя вспоминает о тех эмоциональных переживаниях, которые их семья испытывала, приобретая «первые навыки маркетинга»: «У нас дома, не помню как, скопилось много старых газет и, учитывая общую нехватку бумаги, в частности упаковочной, я пошел продавать их на базар – операция прошла успешно, но к вечеру мама расплакалась, что ее ребенку приходится торговать на базаре, продавая старые газеты. Истории американских миллиардеров, начинавших с подобного, ее, видимо, не соблазняли. В то время в среде советской интеллигенции существовали другие, чем сейчас, взгляды на торговлю. Это считалось низменным и непорядочным занятием, а все торговые работники, соответственно, считались «нечистыми на руку»¹⁸¹.

Воспоминания Брони Вайнер демонстрируют пример вынужденной детской девиантности, обусловленной подсознательным инстинктом выживания, когда мозг не дифференцирует поступки на «правильные» и «неправильные»: «Мама тяжело заболела, слегла, работать никто не мог, и мы остались без средств к существованию. Младшие дети, и я в их числе, ходили на улицу просить милостыню, там же и спали... И мы научились воровать – настоящие воры-малолетки, а иначе бы не выжили. Помню, ходили мы на станцию, таскали там свёклу из товарных вагонов»¹⁸².

Попробуем реконструировать особенности пребывания представителей типичных социальных групп эвакуированных «в чужом краю».

Работники промышленных предприятий.

Начавшаяся война обусловила, с одной стороны, необходимость массовой мобилизации в действующую армию, с другой, – быстрое наращивание военного производства. Ситуация усугублялась вражеской

---

¹⁸⁰ Брискер А. Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни). Издание второе, уточненное и дополненное. Санкт-Петербург, 2009. С. 51.

¹⁸¹ Там же, С. 54.

¹⁸² Вайнер (Бейлина) Б. // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С.130.

оккупацией огромной территории, приведшей к потере значительной части промышленного потенциала в тылу. Всё это предопределило дефицит рабочей силы в советском тылу. В этих условиях эвакуация промышленных предприятий и их работников стала одной из главных спасительных мер для тыловой экономики.

Большинство отечественных исследователей считает, что с эвакуированными промышленными предприятиями было вывезено 30-40% рабочих и служащих¹⁸³. В зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что значительная часть рабочих осталась на оккупированной территории¹⁸⁴. Например, на промышленных предприятиях Урала работало 24,7% всех эвакуированных¹⁸⁵. Большая часть этих людей прибыла в тыл вместе с эвакуированными промышленными предприятиями. Остальных работников добирали на новом месте из числа местного и эвакуированного населения.

На некоторых предприятиях эвакуированные составляли основную долю работников. Так, в 1942 г. среди производственного персонала Магнитогорского металлургического комбината было 19,2% эвакуированных, на Кировском заводе – 30,8%, на Уралмашзаводе – около 36%¹⁸⁶. Прибывшие в эвакуацию составляли в ноябре 1942 г. половину рабочих Новолялинского бумкомбината Свердловской области¹⁸⁷.

Положение эвакуированных, приезжавших вместе с промышленными предприятиями, во многом зависело от инициативности и человечности конкретных носителей власти, в данном случае – директорского корпуса. Работавший с 1939 по 1946 г. управляющим треста «Магнитострой» В. Э. Дымшиц вспоминал: «не могу не сказать, что к устройству эвакуанселения я относился не только как к своему служебному и гуманному гражданскому долгу. Мне было понятно, что означает для семей, оставшихся без мужей, сыновей, братьев, попасть на новое место, где нет ни друзей, ни родных, ни поначалу крыши над головой»¹⁸⁸. Показателен также пример И. М. Зальцмана, бывшего в годы войны директором Кировского завода, эвакуированного из Ленинграда в

---

¹⁸³ Сперанский А.В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941-1945 гг. Екатеринбург, Изд-во «Сократ», 2015. С. 24.

¹⁸⁴ Penter T. Collaboration on Trail: New Source Material on Soviet Postwar Trails against Collaborators // Slavic Review 64, no. 4 (Winter 2005). P. 782-783.

¹⁸⁵ Данные на 1 янв. 1943 г. Подсчитано автором на основе документов ГАРФ.

¹⁸⁶ Якунцов И.А. Кадры индустрии Урала в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: уроки и проблемы: Науч.-практ. конф., посвящённая 50-летию Победы. – Пермь, 1995. – С. 30.

¹⁸⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 103. Л. 133.

¹⁸⁸ Дымшиц В.Э. Магнитка в солдатской шинели. М., 1995. С. 85.

Челябинск. Ветераны вспоминают, что И. М. Зальцман со своим помощником по быту стоял утром у заводской проходной и изучал, во что одеты и обуты рабочие. Он распорядился организовать мастерскую по производству валенок и обул в них треть работавших на заводе, прежде всего – эвакуированных¹⁸⁹.

Расселение вынужденных переселенцев было произведено неравномерно: перенаселенными оказались города и райцентры, а также районы, близлежащие к железным дорогам. Анализ документальных источников позволяет автору назвать несколько причин сложившейся ситуации: во-первых, эвакуированных прибыло гораздо больше, чем предполагалось; во-вторых, сыграла свою роль неразвитость местных коммуникаций; в-третьих, большинство прибывавших являлись горожанами и стремились всеми способами остаться в городах. Кроме того, в городах были вынуждены оставлять рабочих и служащих, эвакуированных вместе с промышленными предприятиями. Например, в Свердловске и Нижнем Тагиле на 1 марта 1942 г. было расселено 73% организованного эвакуонаселения, что составило 46% от всех прибывших по эвакуации в Свердловскую область¹⁹⁰.

В связи с возникшими проблемами по поводу прав эвакуированных на жилье появилась необходимость регламентации порядка предоставления жилплощади эвакуонаселению. Местными органами власти были приняты распоряжения, устанавливавшие максимальные размеры квартплаты и порядок получения ордеров на вселение, но контролировать их соблюдение было технически сложным делом. Отношения эвакуированных с квартирными хозяевами не всегда складывались благополучно. Проверка, проведенная в Воткинске зимой 1941–1942 гг., показала, что около 60% семей эвакуированных, размещенных в частных домах, находились в недружелюбных отношениях с хозяевами¹⁹¹. Сохранилось много источников, донёсших до нас многочисленные факты незаконного выселения из квартир и взимания непомерно высокой квартплаты с эвакуированных¹⁹².

Комфортность условий проживания, как правило, была низкой. Вот как выглядели бараки, в которых проживали эвакуированные рабочие-туляки в г. Златоусте Челябинской области: «Бараки строились зимой. Очень грязные, полные клопов, крыши протекают, стены сырые, к зиме совершенно не приспособлены. Часты перерывы в подаче воды на Десятьские бараки. Из-за отсутствия топлива кипятка не хватает.

---

¹⁸⁹ Ерусалимчик Г. И. Разные судьбы общая судьба (из истории евреев Челябинска). Челябинск, 1999. С. 135.

¹⁹⁰ ГАСО. Ф. 2508р. Оп. 1. Д. 21. Л. 111.

¹⁹¹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 7. Л. 197.

¹⁹² ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 262. Л. 11.

Площадка у барачков сильно замусорена, в дождь превращается в непроходимое болото. Уборные не очищаются месяцами»¹⁹³. Восприятие жилья как временного, коммунальность быта, высокая интенсивность труда на производстве, дефицит всего и вся обусловили общую неустроенность проживания рабочих. Вот, к примеру, как описывал в своем личном дневнике жилье эвакуированных рабочих журналист А. Магид: «23.12.1941 г. – Сегодня был в одном из барачков. Во всю длину огромной комнаты тянутся трехъярусные нары, напоминающие полки железнодорожного вагона. На нарах спят, сидят, свесив ноги. Лежат, привалившись к багажу, люди. Одни закусывают, другие перебирают вещи, тут же курят. Стоит неумолчный шум. Посреди барака в узком длинном проходе дымится еще не обмытая плита с множеством чайников, кастрюль, консервных банок»¹⁹⁴.

Дополнительным стрессом для эвакуированных стал выход постановления СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток» (16 февраля 1942 г.). Изъятое жилье поступало в распоряжение местных советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано оставшимся в городе родственникам, знакомым; или поступало в продажу в комиссионные магазины; или доставлено хозяевам по месту нового жительства. Постановление не распространялось на частный жилой сектор. Некоторые исключения были сделаны также для жителей столичных городов Москвы и Ленинграда¹⁹⁵.

Таким способом власти хотели закрепить людей на новых местах работы и создать возможность использовать пустовавшие квартиры. Ведь в результате связанных с войной разрушений в освобожденных и прифронтовых районах резко сократился жилой фонд. Естественно, никакой компенсации за потерю жилья люди не получили. По сути, тысячи эвакуированных лишились возможности в будущем вернуться на прежнее место жительства. Реализация постановления вызвала бурную реакцию среди эвакуированного населения. Люди писали письма родственникам по месту прежнего жительства, пытались навести справки о состоянии своего личного имущества. Недовольство иногда проявлялось и в более резких формах, таких, к примеру, как попытки самовольной рэвакуации и даже отказы от выхода на работу.

---

¹⁹³ Челябинская область, 1917–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1999. С. 207.

¹⁹⁴ Магид А. Солдаты в рабочих ватниках. Страницы дневника. М., 1969. С. 13.

¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

В условиях нехватки продовольствия, вызванной войной, в СССР вновь было введено нормированное снабжение. Переход к выдаче продуктов по карточкам во всех городах тыла был завершен в основном к октябрю 1941 г. В основу дифференциации норм был заложен принцип общественной полезности. При таком подходе в условиях тотальной мировой войны работники промышленных предприятий, особенно оборонного значения, позиционировались как привилегированная группа населения в системе государственного обеспечения. Нормы снабжения подразделялись по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц, служащих, иждивенцев и детей. Суточные нормы хлеба были установлены – 800, 600, и по 400 г в последних двух группах соответственно. Нормы для рабочих, в свою очередь, предусматривали две категории. По первой обеспечивались работники оборонной, угольной, нефтяной, химической, резиновой, металлургической, машиностроительной, цементной промышленности, станкостроения, транспорта, оборонного строительства и ряда других предприятий, выполнявших военные заказы. По второй категории – все остальное городское население, нормы для которого были ниже. В месячный паек рабочих входили: мясо и рыба – 1,8 кг, жиры – 0,4 кг, крупа и макаронные изделия – 1,2 кг¹⁹⁶. В 1942 г. были введены карточки для получения дополнительного питания рабочим горячих и вредных цехов и занятым на подземных работах, а также беременным женщинам, кормящим матерям, донорам и больным.

Для поощрения передовиков производства руководителям промышленных предприятий предоставлялось право на выдачу дополнительного горячего питания и сверхнормативный отпуск овощей из подсобных хозяйств. Проблему питания населения, в том числе и эвакуированного, пытались решить за счет развития сети общепита. В качестве примера качества питания в общепите приведем впечатления эвакуированных рабочих: «в столовых еще очень часто бывают «голубая ночь» (невероятное блюдо из ботвы), «осень» (баланда с горохом), «карие глазки» (суп с воблой). Так рабочие с горькой шуткой называли эти блюда»¹⁹⁷. Эвакуированная из Тулы в город Медногорск Оренбургской области А. И. Подъемщикова вспоминает: «В первую зиму, да и по весне в столовой давали одно блюдо – затируху, или болтушку, как его называли рабочие. Это была заваренная в воде мука»¹⁹⁸.

---

¹⁹⁶ История социалистической экономики СССР. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. М., 1978. Т. 5. С. 465.

¹⁹⁷ Магид А. Солдаты в рабочих ватниках. Страницы дневника. М., 1969. С. 66.

¹⁹⁸ Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М., 1988. С. 94.

Особое место на промышленных предприятиях занимали Отделы рабочего снабжения. Отделы рабочего снабжения были воссозданы в феврале 1942 г. с целью обеспечения снабжения работников промышленных предприятий продуктами питания. Но, с первых дней функционирования ОРСов обнаружилось несоответствие их своему названию. В большинстве случаев они, во-первых, являлись объектами, где совершались хищения и растраты; во-вторых, стали инструментом перераспределения товаров в пользу руководящего состава и обслуживающего персонала. Даже размеры заработной платы работников ОРСов иногда оказывался выше, чем размер заработной платы рабочих и служащих заводов чёрной металлургии. В архивных документах с грифом «Не подлежит оглашению» имеется документ с цифрами плана по заработной плате сотрудников Отделов рабочего снабжения (ОРСов) на 3-й квартал 1942 г. (среднемесячная зарплата в руб.).¹⁹⁹

	Наркомат текстильной промышленности	Наркомат чёрной металлургии
торгово-розничная сеть	810	750
общественное питание	650	650
транспорт	815	803
сельское хозяйство	706	710
административно-управленческий персонал	1768	1751

Изнурительный труд и низкокалорийное питание привели к росту количества людей в дистрофическом и преддистрофическом состоянии. Местное руководство тыловых регионов пыталось не допустить массовой смертности работников промышленных предприятий. Решали данную проблему комплексом следующих мер: организация специальных столовых, открытие домов отдыха для рабочих со слабым здоровьем, усиление контроля над правильным расходованием дополнительных фондов, обеспечение производства хвойного напитка, витаминов и дрожжей и т. д.²⁰⁰. Типичным является пример из записок Бориса Морозова, который в военные годы работал собкором газеты «Уральский рабочий»: «Вспоминаю такую картину: у входа в цех стоит многоведерная деревянная кадка с хвойным настоем – пить обязательно, иначе не избежать дистрофии»²⁰¹.

¹⁹⁹РГАЭ. Ф4372. Д.302. Л.164, 169.

²⁰⁰ Челябинская область, 1917–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1999. С. 233–235.

²⁰¹ Морозов Б. В глубоком тылу, на Седом Урале // Летописцы Победы. М., 1990. С. 178.

Убегая от войны, эвакуированные не могли взять с собой много вещей. В то же время, в результате сокращения и переориентации на военные цели экономического потенциала СССР, поступления в торговую сеть одежды, обуви, мебели, посуды, мыла и других товаров почти полностью прекратились. На протяжении всего военного времени покупка предметов повседневного спроса была практически невозможна. Вот информация секретаря Челябинского ОК ВКП(б) Баранова о положении дел на заводе №707, размещенном в г. Кургане: «во многих цехах этого завода можно было наблюдать большое количество хороших, честных, преданных Родине людей, работающих босыми даже в горячих цехах, работающих в изорванном платье. Я подошел к одной девушке, посмотрел, как она работает. Она даже во время разговора не отвлекалась от работы... Она 7 месяцев без обуви, от простуды на ногах нарывы. Молодая девушка 16-ти лет, перенесшая в таком уже возрасте большую тяжесть, связанную с эвакуацией из Ленинграда; она работает, отдает все силы, выполняет и перевыполняет производственную программу, ее даже парторг называет лучшей работницей в цехе, а 7 месяцев работает без обуви»²⁰². После этой проверки и разговора Баранова с директором завода Генкиным выяснилось, что на складе имеются 200 пар обуви.

По официальным данным Госплана средняя зарплата по РСФСР за 1945 г. составляла: у рабочего – 527 руб. 65 коп., у служащего – 512 руб. 57 коп.; у ИТР – 951 руб. 87 коп. А вот как по официальным данным распределялись рабочие и служащие по величине зарплаты (данные на октябрь 1943 г.): месячную зарплату до 100 руб. получали – 7,8% учтённых работников, 100-300 руб. – 29,8%, 300-500 руб. – 30,2%, 500-700 руб. – 19,9%, 700-1000 руб. – 9,4%, 1000-1500 руб. – 2,4%, свыше 1500 руб. – 0,5%²⁰³.

Следует учесть, что после войны зарплата рабочих заводов снизилась из-за прекращения сверхурочных работ и сокращения трудовой недели. К примеру, на предприятиях г. Москвы в мае 1945 г. средняя зарплата рабочих составила 680 руб., а несколькими месяцами позднее – 480 руб. в месяц. Что касается инженерно-технического персонала и руководства предприятий, то, например, оклад инженера Магнитогорского металлургического комбината летом 1942 г. составлял 800 руб., начальника производства – 1800 руб., заместителя директора – 2000 тыс. руб.²⁰⁴.

Выборочная проверка ряда челябинских предприятий, проведённая Челябинским ОК ВКП(б) в начале 1945 г., показала, что

---

²⁰² Женское лицо Победы: 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Челябинск, 2001. – С. 148–149.

²⁰³ РГАСПИ. Ф.82. Оп. 2. Д.774. Л.47.

²⁰⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 302. 119-120.

месячные расходы на питание в столовой, хлеб, оплату общежития, починку одежды и обуви, стирку, баню, парикмахерскую, возможное приобретение одежды и обуви, покупку табака, посещение кино, театра, членские взносы общественным организациям составляют в среднем у рабочего-одиночки 400 руб. в месяц. Выборочная проверка заработков показала, что такую сумму получают на руки только от 22 до 62% рабочего контингента²⁰⁵.

С конца 1941 г. правительство рядом законодательных актов осуществило мобилизацию гражданского населения. Прежде всего, следует назвать Указы ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке мобилизации насельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» от 13 апреля 1942 года. Нарушившие трудовой режим приговаривались к лишению свободы или к принудительным работам на своем рабочем месте. Данные преступления попадали под юрисдикцию как гражданских, так и военных судов. В Постановлении СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» отмечалось: «...виновные в отказе или уклонении от трудовой повинности <...> подлежат ответственности по законам военного времени»²⁰⁶.

Прибытие в тыловые районы эвакуированных повысило средний уровень квалификации рабочих и инженерно-технических работников на предприятиях. Характер взаимоотношений между прибывшими в эвакуацию и коренными жителями восточных регионов страны определялся многими факторами: объективными материально-бытовыми трудностями и снижением уровня жизни населения в условиях войны; социальными и национальными различиями; социальной и идеологической политикой властей; личностными характеристиками конкретных людей и т. д. Одним из таких факторов, по нашему мнению, был архетип «наши – чужие».

При разработке нормативных документов, регламентирующих эвакуацию населения, работники эвакуированных предприятий были

---

²⁰⁵ На защите экономической безопасности государства 1937-2007 /авт.-составитель Д.В. Смирнов, Л.Б. Коган. – Челябинск: Книга, 2007. С. 77, 85.

²⁰⁶ Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. N 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26508>

выделены в отдельную категорию²⁰⁷. По условиям эвакуации на время эвакуации и до пуска производства на новом месте за рабочими полностью сохранялась заработная плата (из расчёта – средний заработок за последние 3 месяца). По прибытии на место выплачивались «подъёмные» в размере месячного оклада на главу семьи – работника предприятия, $\frac{1}{4}$ на его жену, по $\frac{1}{8}$ на каждого из остальных членов семьи. Если предприятие эвакуировалось 2-3 раза, то подъёмные выплачивались только единожды. При повторном переезде выплачивались лишь суточные за время в пути в размере 3% от месячного оклада, но не более 26 руб. Оплачивалась фактическая стоимость проезда и провоза багажа (его вес ограничивался 160 кг на работника и не более 80 кг на каждого члена семьи). За эвакуированными сохранялся непрерывный стаж работы, а время переезда в эвакуацию не засчитывалось и не прерывало рабочего стажа. Дополнительные льготы предусматривались для столичных жителей: работникам Москвы, Кунцевского и Мытищенского районов, эвакуированным после 18.00 15.10.1941 г. дополнительно выдавалось пособие в размере месячного оклада²⁰⁸.

В результате на ряде промышленных предприятий работники, имеющие одну и ту же квалификацию, выполняющие одну и ту же работу, получали разную заработную плату. Это, естественно, вызывало недовольство местных рабочих и приводило к конфликтам и расколу трудовых коллективов на «коренных» и «эвакуированных».

Работники, прибывшие в эвакуацию на завод им. Колущенко в г. Челябинске были зачислены на новые рабочие места с сохранением прежних размеров окладов. Поскольку челябинские инженеры также остались на прежних окладах, то к декабрю 1941 г. сложилась следующая ситуация с размером заработной платы: начальник ОТК завода – 750 руб.; его заместитель – 850 руб.; начальник технического отдела – 700 руб.; руководитель технической группы – 1300 руб.²⁰⁹.

Наркомат угольной промышленности обратился в январе 1942 г. с ходатайством в Госплан об упорядочении заработной платы рабочих, занятых на действующих предприятиях Урало-кузнецкого угольного бассейна, с эвакуированными рабочими Донбасса, где в соответствии с приказом Наркомугля от 1940 г. были установлены более высокие условия оплаты труда. В данном конкретном случае просьба была удовлетворена²¹⁰.

О серьёзных конфликтах между эвакуированными и местными рабочими упоминается даже в воспоминаниях, изданных в подцензурные советские времена. В годы Великой Отечественной войны на

---

²⁰⁷ ГАРФ. Ф.259сч. Оп. 40. Д. 3022. Л. 36.

²⁰⁸ РГАЭ. Ф4372. Д. 302. Л. 1-4.

²⁰⁹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 19. Л. 312.

²¹⁰ РГАЭ. Ф4372. Д.302. Л.107-129, 131.

Челябинский тракторный завод было эвакуировано оборудование целого ряда предприятий. Вместе с ним прибыли трудовые коллективы ленинградского Кировского завода и Харьковского моторостроительного. «Летопись Челябинского тракторного (1929-1945)», вышедшая в печати в 1972 году, сохранила для потомков такие факты: «Харьковские моторостроители, формально перестав быть самостоятельным заводом, полностью сохранили структуру и технологическую взаимосвязь своих цехов, свои <...> кадры <...> и даже *свои нормы и расценки*»²¹¹ (курсив наш).

Антагонизм между местными рабочими и эвакуированными ленинградцами на Кировском заводе в Челябинске достиг такой степени накала, что потребовалось вмешательство центральной власти в лице В. М. Молотова. В докладной записке на его имя от главного прокурора от 25.03.1942 г. прямо указывалось на то, что на заводе часть квалифицированных кадров снята с должностей и необоснованно заменена ленинградцами²¹². Выравнивание тарифных ставок приводило к тому, что некоторые кадровые рабочие ведущих столичных предприятий воспринимали эвакуацию как понижение в должности и лишение их законного права на справедливую зарплату²¹³.

В условиях, когда основная часть рабочих ушла на фронт и состав работников пополнился за счет подростков, женщин-домохозяек, зачастую именно эвакуированные рабочие и служащие образовывали на предприятиях ядро, вокруг которого складывались коллективы. Вот что сказал в марте 1945 г. в своей речи на Пленуме первый секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров: «Наша задача – воспитывать на Урале такой рабочий класс, который по своему уровню развития равнялся бы с передовым отрядом рабочего класса – с рабочими Ленинграда. Надо, чтобы наши рабочие кадры были такими же политически стойкими и закаленными, как ленинградцы, чтобы они были такими же квалифицированными и культурными, как ленинградцы, чтобы они были способны взять на себя и выполнить творческую задачу в деле восстановления и развития народного хозяйства, как это делали всегда ленинградцы»²¹⁴.

---

²¹¹ Летопись Челябинского тракторного (1929-1945). М., Профиздат, 1972. С. 231.

²¹²РГАСПИ. Ф.82.Оп. 2. Д. 885. Л. 48.

²¹³ Подробнее см. Потемкина М.Н. Зарплата и социальная справедливость в условиях мобилизационной модели (1941-1945гг.) // [Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века](#): Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. 2012. С. 498-505.

²¹⁴ Победители – потомкам. Прикамье в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 2000. С. 291.

**Номенклатурные работники (чиновники и их семьи),
семьи партийных работников, государственных чиновников,
военного генералитета.**

Привилегированным социальным слоем в советскую эпоху была партийная и государственная номенклатура. И военный период в жизни СССР не стал исключением.

Вообще искусственное поддержание социальной иерархии, когда принадлежность к одним группам населения давала определенные льготы и привилегии, а к другим – ущемляла в правах, было характерной чертой административно-командной системы.

Сразу по прибытии в эвакуацию номенклатурные работники попадали в отдельно составленные в райкомах либо горкомах тыловых областей списки и, как правило, трудоустраивались на работу в аппараты партийных и государственных органов. Так, по данным на 1 ноября 1942 г., из эвакуированных коммунистов, прибывших в Молотовскую область, 93 человека числились как кадры номенклатуры ЦК ВКП(б). В информации, хранившейся в документах орготдела Молотовского обкома ВКП(б), указывались должность до прибытия в эвакуацию и место работы после прибытия. Как правило, должности были аналогичными. Например, Л. Б. Биргер был директором бумажной фабрики в г. Днепровске Днепропетровской области, стал директором картонной фабрики «Северный коммунар» ст. Бородулино Сивинского района Молотовской области²¹⁵.

Еще до приезда в эвакуацию семей крупных партийных и государственных работников областное и республиканское руководство тыловых областей получало указания о том, как встретить, где расселить и чем помочь этим людям. Так, в январе 1942 г. в исполнение указаний вышестоящих инстанций Отдел по хозяйству СНК Башкирской АССР по договоренности с наркомом торговли БАССР принял решение прикрепить к столовой совнаркома и к правительственному магазину прибывшие в эвакуацию семьи руководящих работников Крымской АССР²¹⁶.

Интересно, что эвакуированные семьи номенклатурных работников тоже воспринимали местную партийно-государственную элиту как «своих». Характерен такой эпизод. В конце марта 1943 г. в Артинский район Свердловской области от Краевого управления НКВД для проживавших здесь в эвакуации 170 семей сотрудников НКВД прибыли четыре вагона продуктов. После раздачи продуктов по назначению эвакуированные семьи сотрудников НКВД предложили

---

²¹⁵ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 263. Л. 98–101.

²¹⁶ ЦГИАРБ. Ф. Р 933. Оп. 1. Д. 3635. Л. 56.

оставшиеся продукты руководителям района. Секретари райкома, начальник милиции, председатель райисполкома и его заместители эти продукты взяли. Узнав об этом, эвакуированная из Белоруссии жена командира Красной Армии Шевелева написала жалобу в обком партии, собрав под ней подписи других эвакуированных в Артинский район людей. Зав. оргинструкторским отделом Свердловского ОК ВКП(б) Бармасов после рассмотрения жалобы принял следующее решение: «Руководителям района (т.т. Папковский, Корягин, Борматов) на их неправильные поступки указано. Считаю ставить этот вопрос на обсуждение бюро обкома ВКП(б) не следует»²¹⁷.

Порядок предоставления более высоких норм снабжения номенклатурным работникам был закреплен законодательно в Постановлении СНК СССР от 12 июля 1943 г. «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профессиональных организаций» (в исполнение этого постановления 17 июля был издан приказ Наркомата торговли за № 3205/2064); в приказе Наркомата торговли СССР от 6 марта 1943 г. за № 119 «Об улучшении снабжения продовольствием директоров, заместителей, главных инженеров и начальников производств»²¹⁸. Для улучшенного снабжения эти люди и их семьи прикреплялись к закрытым столовым обкомов, облисполкомов и спецмагазинам, им оказывалась дополнительная материальная помощь²¹⁹.

Все магазины были превращены в распределители. Население и беженцы были разбиты на категории – одним полагался совнаркомовский паёк, другим – литер А, литер Б, кто же был безлитерный – тот имел простую хлебную карточку. Например, в Свердловске, специальный литерный паёк, выдававшийся представителям партократии, включал ветчину, сыр, осетрину, кетовую икру, сливочное масло, сахар и фрукты²²⁰.

Иногда улучшенным питанием обеспечивались отдельные группы эвакуированных, имевшие какие-либо трудовые заслуги перед страной. Сюда относились лучшие рабочие-стахановцы, ученые и т. п. К примеру, в мае 1942 г. нижестоящие органы получили секретное распоряжение

---

²¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 88. Л. 46–50.

²¹⁸ Баяндин В. И. Карточная система в годы войны // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: Матер. науч. конф. Новосибирск, 1995. С. 350–351.

²¹⁹ ЦИАРБ. Ф. Р 933. Оп. 1. Д. 3337. Л. 33; Д. 3635. Л. 56; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 163. Л. 6.

²²⁰ Сперанский А.В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941-1945гг. Екатеринбург, Изд-во «Сократ», 2015. С.77.

Молотовского ОК ВКП(б)²²¹ о положении эвакуированного научно-исследовательского института № 13 Наркомата вооружения СССР. В числе сотрудников института – 35 человек удостоены правительственных наград, а питание идет на общих основаниях с научно-исследовательскими и учебными заведениями. Предписывалось обеспечить сотрудникам прикрепление к закрытому магазину, обеды в закрытой столовой по специально выдаваемым талонам, организовать дополнительное снабжение орденоносцев и сталинских лауреатов.

Среди семей военнослужащих была категория, находившаяся в более привилегированном положении, – это члены семей начсостава, то есть генералов и старших офицеров Красной Армии. В течение всех военных лет они находились под особым контролем и на особом учете.

15 июля 1942 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) об устройстве и обеспечении эвакуированных семей начсостава РККА. Во исполнение этого постановления обкомы партии тыловых областей и республик произвели проверку условий жизни семей генералов и старших офицеров Красной армии. Дополнительная помощь оказывалась им, как правило, через областные и районные военкоматы, через Военсовет Уральского военного округа, а также по линии гособеспечения по ходатайствам райвоенкоматов и женсоветов. Обычно эти семьи включались в списки для снабжения закрытой системой столовых и магазинов военторга. Но, реально, многие из декларированных мер не осуществлялись на практике. Это, очевидно, привело к появлению постановления СНК СССР от 16 марта 1944 г. «Об особом порядке снабжения семей высшего командного и политического состава Красной Армии, Военно-морского флота, войск НКВД и НКГБ, находящихся в действующей армии»²²².

Аверс и реверс «золотого фонда» страны.

Руководство страны понимало важность эвакуации т. н. «золотого фонда» страны – научной и творческой интеллигенции. Осенью 1941 г. на Восток были вывезены киностудии Москвы и Ленинграда. Оборудование вывозили партиями, работники выезжали небольшими группами в Алма-Ату (Мосфильм, Ленфильм), Свердловск (Ленфильм), Новосибирск (Мостехфильм), Самарканд (Союзмультфильм), Душанбе (Союздетфильм)²²³. В Алма-Ате студии «Мосфильм», «Ленфильм» и Алма-Атинская киностудия временно объединились в единую

---

²²¹ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 123. Л. 78.

²²² Баяндин В.И. Карточная система в годы войны // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: Матер.науч. конф. Новосибирск, 1995. С. 351.

²²³ Максакова Л.В. Как были спасены культурные ценности // Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 84-85.

Центральную объединённую киностудию художественных фильмов. Технически и организационно работать было сложно: не хватало павильонных помещений, оборудования, реквизита, костюмов и т. д. Виктор Шкловский, около года проживший в Алма-Ате, вспоминал: «Фанеры, из которой строят декорации, конечно, здесь не было. Декорации строили из казахских матов, сплетённых из степной травы – кажется, её называют чили, – на ней хорошо держится штукатурка»²²⁴.

В Алма-Ате разместились С. Эйзенштейн, Трауберг, Александров, Любовь Орлова, Пырьев, Б. Чирков, Эрмлер и др. Московские и ленинградские кинематографисты – лауреаты Сталинской премии в основном разместились в Доме Искусств, который так все и стали называть: «лауреатник». Они получали пайки высшего сорта и имели столовую с особыми продуктами.

Непривычные климатические условия сказывались на здоровье изнеженной столичной интеллигенции. Жена композитора С. Прокофьева в одном из писем писала после переезда из Алма-Аты в Молотов (ныне г. Пермь): «чувствуем себя лучше, так как несмотря на красоту природы, не смогли привыкнуть к алма-атинскому климату, где у меня бывали резкие простуды, возились с желудком, у Серёжи иногда понижалась работоспособность...»²²⁵.

При решении материально-бытовых вопросов большую роль играл статус представителя художественной интеллигенции. Так, для театральных коллективов из Москвы, Ленинграда предоставляли площадки для работы в крупных городах региона. Причем местные театры закрывались в связи с приездом столичных театров или направлялись в другие города. Для остальных выделяли сценические площадки в клубах, дворцах культуры, которые они могли использовать определенное количество дней в месяц. Это явление получило название «культурной оккупации».

Расселение представителей творческой интеллигенции происходило также по принципу именитости человека. Заслуженных, народных артистов, представителей Союзов художников, писателей, композиторов, имевших государственные награды, грамоты, заселяли в гостиничные номера, отдельные квартиры. Рядовых представителей творческой интеллигенции размещали по остаточному принципу: как правило, это было подселение или размещение в подсобных помещениях с минимумом или отсутствием бытовых удобств²²⁶. Такой же принцип

---

²²⁴ Громова Н. Русский Голливуд на границе Китая // Киноведческие записки. №62. С. 268.

²²⁵ Там же, С. 269-270.

²²⁶ Гейль В.В. Деятельность эвакуированной творческой интеллигенции на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук, Челябинск, 2010. С. 20.

лежал и при решении вопроса с продуктами питания и при предоставлении места работы, обеспечения творческими заказами. В личных дневниках встречаем описание типичной картины получения одежды эвакуированными писателями через распределители. Всё проходит под лозунгом «остроножающимся эвакуированным писателям». В столовой на столах накинаны груды товаров: одежда, обувь, ткани и прочее. Слева и справа 2 двери. За ними толпа. Слева «нечистые», справа «чистые». Первых пропускают начальников, знакомых, родных... Остальных пропускают через другую дверь и выдают им, как говорить, «что осталось»²²⁷.

Эвакуированные по возможности подвергались проверке на предмет их поведения в момент эвакуации. Паническое бегство без официального разрешения на эвакуацию не приветствовалось властями и осуждалось общественным мнением. К примеру, 15 июля 1941 г. проходило очередное собрание Свердловской партийной организации Союза советских писателей. В повестке дня, в частности, стоял вопрос: «О помощи эвакуанселению». В своем выступлении Куштурм высказал мнение, что «Союзу писателей не нужно устраивать тех московских писателей, которые бегут из Москвы без разрешения властей и путевок Центрального правления Союза советских писателей». П. П. Бажов признал ошибочной свою помощь в получении прописки некоторым московским писателям, эвакуированным без разрешения властей²²⁸. Днепропетровский обком партии разослал в обкомы тыловых областей письмо со списком лиц, заочно исключенных из рядов ВКП(б) за трусость и дезертирство, проявленные в экстремальных условиях военного времени. В архиве автор обнаружил данные о том, что почти через год, в сентябре 1942 г., в городе Алапаевске Свердловской области отыскали некоего Коваленко, считавшегося эвакуированным, и объявили ему решение об исключении из партии²²⁹.

Вопросы о времени, способе и причинах эвакуации влияли на взаимоотношения между писателями. Так, к примеру, Тарасенков в письме к Марии Белкиной в Ташкент от 30.11.1941 г. писал: «...Только псевдодрузьям – беглецам типа Вирты-Луговского-Соболева приветов не передавай. После войны выгоним их из ССП»²³⁰.

А. Фадеев рассылал из Москвы письма с просьбой откликнуться на военную тему. Многие считали себя не вправе писать о фронте, не нюхая

---

²²⁷ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С.88-89.

²²⁸ ЦДОСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 102–105.

²²⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 135. Л. 71.

²³⁰ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С.31.

пороху. Пробовали писать о том, что пережили сами, то есть об эвакуации. Со страниц немногочисленных произведений на эту тему, эвакуация представлялась совсем не такой, как в реальной жизни.

Вот, к примеру, роман украинского писателя Натана Рыбака «Оружие с нами» (1943 г.). В романе описана эвакуация и работа в тылу крупного завода. Главными героями, наряду с директором завода Високосом, были И. В. Сталин и Н. С. Хрущев. Эвакуация выглядела как продуманный, слаженный и подготовленный процесс: «Огромный эшелон мчал на восток, с каждой минутой набирая большую скорость. Семафоры открывали ему дальние пути. Летели незримые депешимолнии. Строгие и расчетливые диспетчеры на пунктире своих сложных и только им понятных схем отмечали далекий и нелегкий путь эшелона, называя его обычно, словно речь о нем была такой издавна – завод на колесках»²³¹.

А в повести «Записки начальника цеха» Б. Рябинина «великое переселение» в эвакуацию выглядело чуть-чуть сложнее, чем путешествие в отпуск: «Через 15 минут добрались до какого-то домика. Вокруг – подводы, внутри – битком набито беженцами. Тут и русские, и евреи, и украинцы. Узнали, что находимся на территории крупного совхоза... Приняли нас замечательно. Дали молока, яиц, огурцов. Уложили спать на сене. Наутро из соседнего колхоза принесли целого барана, цыплят. Наш кассир Котляр оказался превосходным кулинаром, он зажарил цыплят в сухариках»²³². Эмоциональность и некоторая приукрашенность действительности отличала очерки, помещаемые в газете «Комсомольская правда». Успокоительно должно было действовать на читателя и описание восточных районов страны: «Хороша на Урале осень<...> какой красивый, богатый и привольный край раскинулся перед нами». Перед глазами читателя предстала идиллическая картина: «Наконец мы прибыли на место. Здесь нашли приготовленные для нас отличные здания цехов – таких мы и дома не имели»²³³.

В очерке Б. Рябинина приехавший в эвакуацию из Ленинграда в Нижний Тагил Дмитрий Босый без труда «вдвоем с товарищем снял комнатку на берегу пруда»²³⁴. И во всех публикациях звучала идея единства цели для всего народа, независимо от того, местные это жители или эвакуированные: «Криворожцы тягаются в труде с бакальцами. Рука

---

²³¹ Рыбак Н. Оружие с нами. Уфа, 1943. С. 11.

²³² Рябинин Б. Записки начальника цеха. М., 1943. С. 13.

²³³ Война и Победа. «Комсомольская правда» в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 233–235, 247.

²³⁴ Рябинин Б. Месьте Дмитрия Босого. Свердловск, 1942. С. 5.

об руку идем мы общим путем, у всех теперь одна мысль – бить, бить немцев, завоевывать победу»²³⁵. Или еще: «Сотни людей работали в одном ритме, силы их, как ручьи в реку, стекались воедино»²³⁶.

Итак, в общественном мнении формировался определенный образ: эвакуация – это не страшно, это необходимо. В тылу уже все подготовлено, приезжие и местные живут как «одна семья», у них одно «общее дело». Истинное положение дел намеренно искажалось, проблемы затушевывались.

Те же, кто пытался описать свои страдания в эвакуации, неминуемо подвергались критике за произведения, «проникнутые мотивами страдания, смерти, обречённости». Идеологизированный характер режима и условия военного времени обусловили существование жесткого цензурного контроля. Так, например, в ноябре 1943 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) была запрещена к опубликованию книга стихов Н. Асеева «Годы грома». В книгу были включены стихотворения, написанные поэтом за время Великой Отечественной войны. Причиной запрета стали несколько стихотворений, названных политически ошибочными. Например, в стихотворении «Москва – Кама» Н. Асеев описал путь в эвакуацию на пароходе осенью 1941 г. следующим образом: «...Люди отталкивают друг друга. / Густо теснясь, выпускают дух. / В детский плач и женскую ругань / грузно вливает зеленый сундук. / Чьи это фикусы? На-кася, выкуси! / Кто-то с диваном, кто-то со шкафом. / Не пропадать же добру прахом! / ...О заслугах мужей тараторя, / отбивают места в коридоре. / – Мой на работе! Наши на фронте! / Только попробуйте, только затроньте!». В стихотворении «Городок на Каме» поэт делится впечатлениями о типичном городке в советском тылу: «Видишь: / харкая и матерясь, / по тротуарам мечется / плохо одетое, / скверно обутое / мужественное человечество / ...Остатки каких-то племен / обветшалых, / кочующие на пристанях и вокзалах, / Какое ошметье, / какое отребье, / уж не разговор, / а ворчанье утробы»²³⁷.

В интерпретации Н. Асеева мы видим совершенно другую картину эвакуации и жизни в тылу. Какой разительный контраст! Вне всякого сомнения, запрет на публикацию являлся нарушением свободы творчества, да и доля истины в изображении есть. С другой стороны, ясно, что такие стихи не могли способствовать подъему патриотизма у

---

²³⁵ Война и Победа. «Комсомольская правда» в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 246.

²³⁶ Рыбак Н. Оружие с нами. Уфа, 1943. С. 66.

²³⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 503–505.

людей. Кроме того, во взгляде автора явно проглядывает столичный снобизм.

Зачастую обычные, рядовые деятели культуры должны были сами искать себе работу, решать проблемы с жильём. Так, обосновавшиеся в эвакуации в Молотове живописцы и графики Ю. А. Васнецов, Б. В. Иогансон, В. М. Орешников, Я. Д. Ромас, М. М. Черемных вместе с местными художниками создали мастерскую агитокон. Об условиях их жизни в эвакуации читаем в воспоминаниях: «Работали в трудных условиях. Особенно тяжело приходилось печатникам. Их мастерская располагалась в переоборудованной для этих целей колокольне бывшего кафедрального собора на берегу Камы... Зимой стоял страшный холод: печь-голландка нещадно дымила и мало обогревала помещение, сквозняки гуляли по мастерской. Печатники работали в шубах, шапках, валенках, пальцы их, испачканные краской, на морозе растрескивались и болели. Художники сами возили топливо с Камы, пилили бревна, кололи. Весной, летом и осенью трудились на полях подсобного хозяйства в шести километрах от станции Левшино, на строительстве железнодорожной ветки...»²³⁸.

«Новые сельские жители»

Больше половины прибывших в эвакуацию людей были расселены в сельской местности. Такая цифра получена из наших расчетов по архивным данным на начало 1943 г. в уральском регионе. Считаем возможным экстраполировать её с некоторыми оговорками на всю территорию советского тыла. Естественно, что расселение по различным областям и республикам региона происходило неравномерно. Интересно заметить, что абсолютное большинство попавших в сельскую «глубинку» беженцев были городскими жителями. Например, только 0,9 % трудоспособного эвакуанселения, учтённого Челябинским областным управлением трудовых резервов на 28 ноября 1941г. были работниками сельскохозяйственной сферы²³⁹.

Около четверти трудоустроенного эвакуанселения работало в сельском хозяйстве. Летом и осенью большинство из них трудилось в поле, а в зимнее время их старались использовать либо на работах, не требовавших специальной подготовки (очистка зерна, переборка овощей, уход за скотом и т. д.), либо на канцелярской, счетной работе и в учреждениях культуры. Кроме того, некоторые из эвакуированных,

---

²³⁸Отрывок из воспоминания опубликован: Колбас В. С. Рассказывают документы // Вечерняя Пермь. 1984. 29 авг.

²³⁹Подсчитано автором по архивным данным: ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 87. Л. 9–10.

обучившись на краткосрочных курсах, приобретали сельскохозяйственные специальности.

Определённую долю среди эвакуированных, размещённых в сельской местности, составляли семьи начсостава Красной Армии. Некоторые из них не желали работать, получая достаточные денежные суммы по аттестатам от мужей. К тому же, будучи горожанами, эта категория эвакуированных не владела навыками сельскохозяйственного труда. Возможно, некоторые эвакуированные опасались, что, вступив в колхоз, они по окончании войны не смогут из него выйти и реэвакуироваться.

В сельских местностях карточки, как правило, не вводились, хлеб и другие продукты питания отпускались по талонам и спискам. Эвакуированное население в сельской местности выделялось в отдельную категорию и обеспечивалось хлебом централизованно. Нормированное снабжение продовольствием при крайне ограниченных ресурсах позволило в целом устойчиво обеспечивать население необходимым минимумом основных продуктов питания.

Но иногда происходили перебои со снабжением, неполное отоваривание фондов, произвольное снижение хлебных норм со стороны местных властей в зависимости от выделяемых им фондов муки. Реально, в разное время в разных районах тыла имели место разные нормы отпуска хлеба, что официально было констатировано наркомом торговли СССР А. В. Любимовым в докладной записке от 11 августа 1942 г. на имя заместителя председателя СНК СССР А. И. Микояна. Среди недостатков также отмечались колебания в распределении фондов муки по районам в пределах одной области²⁴⁰. К полуголодному существованию приводили и такие меры, как снятие со снабжения хлебом трудоспособных, но не работавших эвакуированных, применяемые некоторыми местными руководителями без учета конкретных обстоятельств²⁴¹.

Эвакуированные, расселённые в сельской местности и трудившиеся на сельскохозяйственных работах, получали продукты в счет заработанных трудодней. Но в силу ряда причин это не было большим подспорьем к столу прибывших на новое местожительство людей. В связи с тяжелым положением в сельском хозяйстве в годы войны норма выдачи хлеба на трудодни резко снизилась²⁴². При нехватке продуктов колхозы производили расчет за трудодни сначала со своими колхозниками, а эвакуированные либо получали меньше, либо не получали вообще.

---

²⁴⁰ Хрестоматия по Отечественной истории (1914–1945 гг.). М., 1996. С. 573–574.

²⁴¹ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 6. Д. 268. Л. 3.

²⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 249. Л. 1, 3; Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. С. 235–237.

В условиях войны цены на колхозных рынках тыловых регионов резко возросли, прибытие сюда тысяч эвакуированных усилило эту тенденцию. Так, в Кургане на конец ноября 1941 г. рост цен составил 1005%²⁴³. Например, цены на рынках Молотова в сентябре – октябре 1942 г. были таковы: молоко – от 50 до 100 рублей за литр, мясо – от 160 до 250 рублей за килограмм, сливочное масло – от 1000 до 1200 рублей за килограмм, картофель – от 25 до 40 рублей за килограмм²⁴⁴. В некоторых областях местные власти попытались установить максимум цен, но в результате люди просто перестали вывозить продукты на рынок.

Основой рациона питания для большинства людей в тылу были картофель и хлеб. Вот что вспоминает о своем детстве в эвакуации Н. Гарельникова: «Но как только появились первые прогалинки земли на картофельных колхозных полях, вся деревенская ребятня устремилась на поиски прошлогоднего картофеля<...> Самой удачной находкой был картофель с неповрежденной кожурой. Его мякоть полностью сохранялась и, если перемерзшую картошку натереть на терке, то лепешки получались классные»²⁴⁵.

Чем-то экзотическим и давно забытым казались фрукты. О жизни в эвакуации в Нижнем Тагиле вспоминает Е. О. Патон: «Иногда прямо со смены молодежь отправлялась в заводской клуб на киносеансы в 12 часов или в 2 часа ночи, но через 15-20 минут многие тут же засыпали. Долгое время показывали фильм, где события происходят в средней Азии, и на экране появлялись сочные, манящие фрукты. Эта картина пользовалась особой популярностью, и в ходу была шутка: «Пойдем в кино покушать фруктов»²⁴⁶.

Даже полагавшийся минимум продуктов было сложно получить, поскольку за всем были очереди. Всемирно известная балерина М. Плисецкая, описывая свою жизнь в эвакуации в Свердловске, образно назвала ее «годом стояния в очередях». Воспоминания М. Плисецкой передают тяжелую атмосферу военного времени: «Я долгими часами стояла в очередях, наслушалась печальных и трогательных военных повестей, замысловатых судеб <...> Люди стояли, стояли, стояли, отпрашивались уйти ненадолго, возвращались, вновь стояли, судачили, жалобились, тревожились на перекличках <...> писали номера на руках, слюнявя огрызок химического карандаша. Отмыть цифру не удавалось неделями. Цифры разных очередей путались на ладони – какая вчерашняя, какая теперешняя...»²⁴⁷.

---

²⁴³ ГАКО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 286. Л. 90.

²⁴⁴ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 174. Л. 74.

²⁴⁵ Мы приближали победу. Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 402.

²⁴⁶ Патон Е. О. Воспоминания. Киев, 1955. С. 238.

²⁴⁷ Плисецкая М. Я. Майя Плисецкая. М., 1994. С. 75.

Уровень питания значительной части местного населения (а эвакуированных в ещё большей степени) оставался низким. В воспоминаниях эвакуированных содержатся примеры таких поведенческих практик, как сбор колосков или картофеля на колхозных полях, воровство торфа или угля с добывающих предприятий для отопления своего жилища, приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене, самовольная реэвакуация и т.д.

Собирать что-либо на колхозных полях было достаточно опасным занятием. С одной стороны, можно было угодить под уголовное преследование по закону о краже государственного имущества. С другой стороны, можно было смертельно заболеть. В военные годы участились случаи заболевания септической ангиной. Весной ослабевшие люди собирали на полях перезимовавшее зерно, употребление в пищу которого вызывало заболевание септической ангиной, сопровождавшееся высокой смертностью²⁴⁸. Заболевание проявлялось обычно в течение 2-6 недель после употребления ядовитого зерна в пищу. Первоначальные симптомы напоминали ангину: высокая температура, опухание горла; затем на миндалинах появлялись некротические налеты, на 5-6-й день шла кровь носом и горлом и наступала смерть²⁴⁹. Ученые медики долго бились над тем, как найти противоядие от этой болезни. И только много лет спустя удалось выявить, что под септической ангиной скрывалась лейкопения – заболевание, связанное с отравлением кровеносной системы, а проще говоря, белокровие²⁵⁰.

Весной 1943 г. от септической ангины умерло более 1500 человек в РСФСР и восточных областях Казахстана. В 1944 г. это заболевание охватило более 30 областей, краев и республик СССР. Количество заболевших поднялось с 12 000 человек в 1943 г. до 173 000 человек в 1944 г. Уровень смертности составлял 18%²⁵¹.

Для спасения людей власти пытались перепахивать поля после таяния снега, организовывали пункты обмена населению ядовитого зерна на полноценное, вели разъяснительную работу среди населения, заболевшим оказывалась медицинская помощь. Но остановить голодных

---

²⁴⁸ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 57. Л. 13–14; ГБУ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 240. Л. 3, 4, 165; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 213. Л. 96.

²⁴⁹ ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 16. Л. 45.

²⁵⁰ Зима В. Ф. О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941–1945 гг.) // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. 162–163.

²⁵¹ Зима В. Ф. Потери населения советского тыла от голода и болезней в 1941–1945 гг. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 41–42.

людей было невозможно, болезнь продолжала свирепствовать²⁵². Именно эвакуированные составляли большую часть заболевших.

В отдалённых сельских районах Поволжья, Урала и Сибири весной 1943 г. и весной 1944 г. наблюдались случаи трупоедства, людоедства, опухания от голода. «На почве систематического недоедания в 14 районах Башкирской АССР продолжают иметь место факты опухания людей, и увеличивается смертность от голода среди семей фронтовиков, детей, эвакуированных и колхозников <...> Население в указанных колхозах питается, в основном, корой липы, ильма, желудями и т. д. <...> использовали в пищу павших животных»²⁵³.

Целевым назначением для эвакуанаселения из центра регулярно направлялись денежные и материальные средства, однако не всегда полученные фонды доходили по своему прямому назначению. Расхищение и разбазаривание денежных и материальных средств, поступавших в тыловые города и районы и предназначенных для оказания помощи эвакуанаселению, были довольно частым явлением. Так, к примеру, в Миасский район Челябинской области в июле 1942 г. было «отпущено» 800 штук овчин. Из них было переработано 198 штук, а вот полшубков сшили всего 41. Остальное было расхищено²⁵⁴.

«Уже нечего терять, уже всё страшное случилось».

Война и эвакуация оказала влияние на смену ценностей жизни. Уже не идёт речь о качестве жизни, главной ценностью становится сама жизнь. Многие люди, пережившие войну, вспоминают об ощущении внутренней свободы, объясняя его следующим образом: «уже нечего терять, уже всё страшное случилось, уже всё, что имело ценность, обесценено и потеряно. Уже знаешь, что можешь жить босой, голодной и холодной»²⁵⁵.

Что же помогало людям преодолеть стрессовое состояние? На наш взгляд, положительную роль сыграли следующие факторы: во-первых, война была общим горем, необходимость спасения Отечества объединяла людей. Во-вторых, огромные физические и умственные нагрузки не оставляли времени задуматься над своим психическим состоянием. Вот как описывает свои ощущения в эвакуации знаменитая балерина А. Я. Ваганова: «Работа была верным помощником. Миллионы советских людей, проведших годы войны в эвакуации, помнят это. Она была не

---

²⁵² ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 517. Л. 9–14, 23–24, 64, 81.

²⁵³ Башкирия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. Уфа, 1995. С. 169–171.

²⁵⁴ ОГАЧО. Ф. Р 1142. Оп. 1. Д. 110. Л. 51.

²⁵⁵ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 129.

только ответственна, необходима как проявление гражданского долга, она помогала торопить время. Без работы в удесятерённом темпе люди не вынесли бы дней и ночей, тянущихся от письма до письма»²⁵⁶. В-третьих, особенностью менталитета россиян всегда были общинность и коллективизм, а в годы советской власти они культивировались на уровне официальной идеологии. «Чувство локтя» помогало людям преодолевать невзгоды.

Активной поведенческой стратегией, обеспечившей лучшие условия выживания людей, были помощь родственников или знакомых, проживавших в восточных регионах страны, а также общение и взаимопомощь эвакуированных между собой. В условиях военного лихолетья усилилось ощущение национальной и профессиональной идентичности. Эвакуированные писатели и художники вспоминали, что часто от голода и холода их в эвакуации спасали «собратья по перу и кисти». Эвакуированные евреи получали помощь от представителей местной еврейской диаспоры. Из воспоминаний евреев об эвакуации в Грузию: «Нам очень помогло то, что рядом с Самтреди находились сёла, в которых жили грузинские евреи. Они всё время нас выручали, приезжали, привозили еду, брали к себе подкормить наших детей. Помогали лечить больных, хоронили на еврейском кладбище умерших»²⁵⁷.

Казалось бы, дети в экстремальных условиях войны были дополнительной обузой для семьи, но иногда именно они помогали выжить в чужих краях. Четырёхлетняя Раиса Соколовская с братом, мамой и бабушкой в эвакуацию были привезены в глухой узбекский кишлак: «Долгое время мы жили в атмосфере какого-то вакуума: ни мы к кому, ни к нам кто». Ситуация усугублялась незнанием языка и неприязнью местного населения к «чужакам». Девочка привезла с собой куклу. «Когда я показала куклу, узбекские дети были ошеломлены. Они никогда не видели такого, играли совсем в другие игры. И боролись за право её потрогать». И дети начали общаться, быстро схватывая незнакомые слова. А вслед за этим «лёд растаял» и в отношениях взрослых. «И когда мы уезжали, то нас уже провожал весь кишлак»²⁵⁸.

Шедшие вразрез с официальной информацией рассказы эвакуированных власть расценивала как «антисоветские слухи». Так, гражданка Гросс, эвакуированная из Цехановиц в Татарстан,

---

²⁵⁶Кремшевская Г. Д. Агриппина Яковлевна Ваганова. Л., 1981. С. 118.

²⁵⁷Кишнер Х. Мы назывались «гонщиками» // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнём катастрофы. СССР. 1941-1945. Иерусалим, 2009. С. 80.

²⁵⁸ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVD Rip

рассказывала, что население западных областей СССР «было настроено против Советской власти», а «германские самолёты сбрасывали <...> шоколад и конфеты»²⁵⁹.

В Директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. содержалось требование вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами и распространителями слухов²⁶⁰. Эта установка была повторена в выступлении Сталина от 3 июля 1941 года: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов. Враг коварен, хитёр, опытен в обмане и распространении ложных слухов»²⁶¹.

Вскоре все эти положения были законодательно подкреплены Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г. В соответствии с этим документом «виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет»²⁶². Было возможно и более строгое наказание, если власть считала, что содержание слухов включает в себя «высказывания контрреволюционного характера», в этих случаях виновные привлекались к ответственности по статьям УК о контрреволюционных преступлениях.

Эвакуированные чаще других, в силу большей информированности, попадали под пресс репрессий. Василенко Маркирьян Сидорович, 1901 г. рождения, в 1941 г. согласно приказу Наркомчермета СССР эвакуирован из г. Кривой Рог в г. Нижний Тагил Свердловской области, работал начальником шахты. В апреле 1943 г. решением особого совещания при НКВД СССР приговорён к 8 годам исправительно-трудовых работ. Вот какие высказывания вменялись ему в вину: «Немецкая армия вооружена значительно лучше, чем наша. Военная техника у немецкой армии значительно лучше, дисциплина выше, нашей армии никогда не победить немцев <...> Я не верю в советскую прессу и передачи по радио, что немецкая армия издевается над русским народом и военнопленными <...> Немцы занимают

---

²⁵⁹ Цит по: Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941-1945 гг. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. С. 353.

²⁶⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971. Т. 6. С. 221–223.

²⁶¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского союза. 5-е изд. М., 1950., С. 26.

²⁶² ГКО постановляет... // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 17.

советские города, немцы скоро отрежут Кавказ, и тогда конец советской власти, а нас приежух сами уральцы порежут»²⁶³.

Дети, вынужденные ехать в эвакуацию, прибыв на новое местожительство, сталкивались не только с бытовыми трудностями, но и с проблемами психологической адаптации. Наплыв эвакуированных в тыловые города имел своим следствием ухудшение санитарно-эпидемической обстановки, жилищный кризис, рост цен на колхозных рынках и т. д. Массовое сознание коренных жителей зачастую связывало все эти трудности с приездом «чужаков» («понаприехали тут...») и обрушивало на них волну негодования. Поскольку значительную долю эвакуированных составляли евреи или жители двух столиц (Москвы и Ленинграда), то они, как правило, и становились «козлами отпущения». Неприязнь была особенно заметна в сельской местности. Дети войны вспоминают: «москвич было бранным словом, москвич сраный...», «они нас очень не любили... чёрт вас принёс...», «главное, что я запомнил, что меня страшно били каждый день по дороге из школы», «председатель колхоза посмотрел на нас с мамой и сказал: а на что они нам, они же пахать не могут...».²⁶⁴ Жестокость по отношению к эвакуированным проявлялась не только у взрослых, но и у детей к их сверстникам. Да, им было тяжело понять, что эвакуированные дети – это такие же дети, как и они сами. Они быстро впитывали в себя все разговоры своих родителей об эвакуированных и особо жестоко воплощали все слова в реальность.

По мере ухудшения положения на фронте, негативные настроения местного населения по отношению к эвакуированным усиливались. «По Ташкенту ползли разговоры, что необходимо учить английский язык<...> В случае поражения, что будет в Узбекистане? Все говорят, что «начнётся резня». Резать будут узбеки, резать будут русских и евреев <...> Разговоры о еврейских погромах звучали постоянно»²⁶⁵.

В памяти эвакуированных сохранилось и огромное количество примеров доброты и помощи со стороны местных жителей. Воспоминания Людмилы Анисимовой – подтверждение тому: «Потеря карточки в то время для семьи была настоящей катастрофой. Как раз это и приключилось со мной. Однажды я в магазине вместе с рублем отдала и карточку продавщице. Пришла домой, расстроилась, а потом вспомнила через несколько дней, что я, наверное, отдала ее вместе с рублем. Понеслась в магазин. Прибежала, а продавец увидела меня и

---

²⁶³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38546. Л. 3, 4, 13, 63.

²⁶⁴ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDRip

²⁶⁵ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 162-163.

говорит: «Ой, миленькая, идем, я эту карточку тебе отдам! Я тебя уже сколько дней высматриваю». Так я до сих пор эту женщину вспоминаю. На вид она была такой болезненной, ее, наверное, уже давно нет. Да, и в то время были хорошие люди!»²⁶⁶. Раиса Чистякова, работавшая в годы войны директором школы в селе Ново-Кочердык (ныне Целинное) Курганской области, вспоминает об атмосфере того времени: «Жили дружно, как одна семья. Вместе читали письма с фронта от мужей и бывших учеников, вместе переживали потери близких, тяжелые ранения, радовались добрым весточкам»²⁶⁷.

«Свои» и «чужие»: преодоление стереотипов.

Люди, приезжавшие в эвакуацию, обладали определёнными превентивными представлениями о территории и населении своего нового места жительства. В свою очередь, жители Урала, Сибири, Закавказья, Казахстана и Средней Азии, ожидая беженцев из западных регионов СССР и увидев приехавших на железнодорожных станциях, тоже мысленно наделяли их какими-то качествами. Эти первичные представления друг о друге называются стереотипами.

Понятие "стереотип" в общественно-политический западный дискурс вошло с лёгкой руки Уолтера Липпмана, которое он применил в описании своей оригинальной концепции общественного мнения в 1922 году. Согласно Липпману, под «стереотипом» понимают принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте²⁶⁸.

Помимо экономии усилий, стереотипы, могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе. Они представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. Сталкиваясь с чем-то новым и незнакомым, человек испытывает стресс, и такие априорные суждения как стереотипы позволяют человеку сократить время реагирования на изменяющиеся условия окружающего мира и дают ему ощущение защищённости. Стереотип – относительно устойчивый и упрощённый образ социальной группы, человека, события или явления.

Каковы же были типичные стереотипы восприятия, например, Урала и уральцев в глазах жителя западных регионов?

---

²⁶⁶ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDRip

²⁶⁷ Священная война. Великая Отечественная в памяти фронтовиков и труженников тыла. Курган, 2000. С. 302.

²⁶⁸ Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение»// Социальная реальность. 2006. №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-113.pdf>

Стереотип первый: Урал – это малонаселённый регион с дремучими лесами, где отсутствуют большие города. «Нам представлялось, будто жизнь на Урале едва теплится: далеко один от другого расположены города и рабочие посёлки, а вокруг сплошные дремучие леса, почти круглый год снег выше человеческого роста» – вспоминал бывший директор киевского завода «Большевик» В. П. Курганов²⁶⁹.

Для тех эвакуированных, которые прибыли с промышленными предприятиями и учреждениями и были размещены в уральских промышленных центрах, этот стереотип разрушился сравнительно быстро. Урал – старый промышленный регион, активно развивавшийся в годы индустриализации.

Стереотип второй: уральцы – народ дикий, безграмотный и некультурный. Такого рода высказывания были характерны для некоторой части прибывших в эвакуацию жителей столичных городов: Москвы и Ленинграда. Вот как описывает запомнившуюся ему уральскую деревню Михаил Герман, а в годы войны эвакуированный в Молотовскую область: «Годы войны мы прожили под Пермью (тогда – Молотов), в деревне Черная. Название деревне шло. Глубочайшая – лошади увязали – грязь весной и осенью. Тьма. Ни электричества, ни радио. Мрачные, усталые, все без исключения казавшиеся старыми женщины. Мужики все почти на войне. Ненависть к эвакуированным, которых без разбора называли «евреи». Едва ли антисемитизм, скорее биологическая ненависть к людям другого мира... Со временем ненависть к «эвакуированным» переродилась в снисходительное равнодушие – деться было друг от друга некуда»²⁷⁰.

В городах разрушение этого стереотипа происходило быстрее, поскольку прибывшая интеллигенция получила возможность работать в уральских высших учебных заведениях и школах, больницах и госпиталях, библиотеках и театрах. Уральская «глубинка» тоже приятно удивляла своим бережным отношением к знанию: «На Урале зато я привык много и интересно читать: у людей хранилось множество старинных книг – на руках и даже в библиотеках. Я находил множество книг репрессированных авторов – в этой провинции никто не слышал, что это фамилии репрессированных. Так что с этой стороны я кое-что выиграл в эвакуации – стал более знающим и развитым»²⁷¹.

Стереотип третий: Урал – это регион ссылок, поэтому люди здесь злые, суровые и антисоветски настроенные. Вот что вспоминает

---

²⁶⁹ Курганов В. П. Так родился Уралхиммаш. Свердловск, 1973. С. 22.

²⁷⁰ Янковская Г. Эвакуация // Родина. 2004. № 6. С. 22.

²⁷¹ Хейфец М. Я тогда не понимал всей тяжести ситуации // Эвакуация.

Воспоминания о детстве, опалённом огнём катастрофы. СССР. Иерусалим, 2009. С. 134.

Владимир Фридкин: «Эвакуировавшись, я увидел новый город Оренбург, тогда он назывался Чкалов. Улицы здесь были длинные-длинные. В них были свои дома с крылечками, где обитатели домов хмуρο шелкали семечками»²⁷². «Урал был регионом ссылок и высылки, и там многие, наверное, Гитлера ждали с нетерпением»²⁷³. Лея Кантор вместе с мамой была эвакуирована в деревню Маслянка в 20-ти километрах от Шадринска (Челябинской, позднее Курганской области). В своих воспоминаниях под названием «Я «эвакуировала» свою семью» она пишет: «Местное население, в основном русские (они называли себя чалдонами), не хотело принимать в свои дома эвакуированных. Но отказываться тоже не могло. Большинство из местных не любило советскую власть – рядом с деревней пролегал знаменитый сибирский тракт, по которому гнали каторжных»²⁷⁴.

В этих воспоминаниях есть доля правды в том смысле, что исторически сюда отправляли в спецссылку, особенно в период индустриализации и коллективизации. Если говорить о ментальности, то, несомненно, уральцы и сибиряки более молчаливы, менее склонны к мимике и жестикуляции, чем жители более южных регионов нашей страны. Но не это было главной причиной случаев неприязни между приехавшими и местными. Взаимную неприязнь, деля мир на «своих» и «чужих», усилили рост цен на колхозных рынках и жилищное уплотнение, вызванные прибытием тысяч эвакуированных.

В отношении других принимающих регионов стереотипы восприятия носили несколько иной характер. Значительная часть ехавших в эвакуацию людей стремились попасть в Среднюю Азию, в частности, в Ташкент. Достаточно характерен такой эпизод из воспоминаний художника Н. А. Соколова (одного из знаменитых Кукрыниксов): «Чем дальше мы отъезжали от Москвы, тем труднее нам было решить, куда направиться. В Свердловск? Новосибирск? Ташкент? Алма-Ату? Казань? Куйбышев? Подолгу и горячо мы доказывали друг другу, куда лучше ехать... Я был свидетелем того, как окружающие уговаривали Шостаковича: одни – ехать в Куйбышев, другие – в Ташкент, третьи – ещё куда-то. Дмитрий Дмитриевич! Ну зачем вам с ребятами ехать в Куйбышев? Туда едут все. С питанием там будет трудно, с жильём – ещё хуже. Поезжайте лучше в Ташкент. Там с продуктами лучше и вообще спокойней для детей. Ведь недаром говорят:

---

²⁷² Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDRip

²⁷³ Хейфе, М. Я тогда не понимал всей тяжести ситуации // Эвакуация.

Воспоминания о детстве, опалённом огнём катастрофы. СССР. Иерусалим, 2009. С. 133.

²⁷⁴ Кантор Л. Я «эвакуировала» свою семью // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опалённом огнём катастрофы. СССР. Иерусалим, 2009. С. 71.

«Ташкент – город хлебный!»²⁷⁵. Последняя фраза была отражением распространённого образа Ташкента в глазах того поколения. Этот город ассоциировался у людей с названием повести Алексея Неверова «Ташкент – город хлебный», написанной в 1922 г. Писатель повествовал о страшном голоде в стране после окончания гражданской войны и поездке мальчика в Ташкент, чтобы достать хлеб. Но в сознании многих людей сформировался стереотип толкования этого выражения: «это место, где сытно и тепло».

По прибытию в города и сёла среднеазиатских республик, эвакуированные увидели несколько другую картину. Проследим, как дальше происходила трансформация этого образа. Люди, ехавшие в эвакуацию, видели за окном вагона «утомлённую зноем, необозримую равнину, ни деревья, ни тени, ни пятнышка... Кругом всё жёлто-серого, верблюжьего цвета. Всё замерло, ни шороха, ни звука, кое-где виднеются струйки дыма – облака пыли движутся под напором ветра». И настроение, которое навевал такой непривычный пейзаж: «Кажется, что пустыня покрыла нас всех. Огромная тоска»²⁷⁶. Потому что привыкли с детства к русским берёзам, потому что слово земля всегда ассоциировалось с прилагательными «чёрная, рыхлая, мокрая». Непривычные ландшафты и климат вызывали у эвакуированных различные эмоции – от восторга до неприятия. Обратим внимание на эпитеты, которыми наделяет Алма-Ату жена документалиста Г. Широкова Татьяна в письме своему другу, драматургу Л. Малюгину: «причудливо раскинувшийся у подножия снежных гор», «милый», «прямой, чистый и озеленённый до противности» город²⁷⁷.

Татьяна Луговская, например, увидела Ташкент, как город «созданный для погибания»; он не показался ей ни красивым, ни доброжелательным: «город, где даже вода пахнет пылью и дезинфекцией, где летом закипает на солнце вода, а зимой грязь, которой нет подобной в мире (это, скорее, похоже на быстростынувший столлярный клей), город, где собрались дамы-фифы и собралось горе со всего Союза, где по улицам вместе с трамваями ходят верблюды и ослы, где вас почему-то называют «ага», где про ваши родные московские и ленинградские края говорят – Россия(!), где гроб – один из самых дефицитных товаров. Я боюсь этого города. Мне кажется. Что я застряну здесь на всю жизнь»²⁷⁸. Ташкент – «Стамбул для бедных» – такое меткое прозвище дал городу А. Н. Толстой.

---

²⁷⁵Соколов Н.А. наброски по памяти. М., 1984. С. 55.

²⁷⁶Большинцов М. Дневники (1939-1945гг.) // Вопросы кинодраматургии. Вып. 3. М., 1959. С. 378.

²⁷⁷Цит. по: Громова Н. Узк. Соч. С. 270.

²⁷⁸Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 44-45.

Прибывавшие в эвакуацию люди вызывали у местных жителей естественную реакцию любопытства и настороженности: непривычная одежда, особенный диалект. Первое впечатление от прибывших беженцев тоже вызывало у местных жителей негативное отношение, основанное на комплексе стереотипов.

Стереотип первый: эвакуироваться смогли только богатые. Этот стереотип подталкивал провинциалов непомерно поднимать цены на жилье, дрова, продукты. Спекуляция, фантастическая дороговизна, фактическое ограбление эвакуированных на местных барахолках – этот мотив проходит рефреном практически во всех дневниках и мемуарах. Антагонизм приезжих и местных жителей острее всего проявлялся в деревне (а на Урале к 1943 году в деревнях проживало уже 52,1% всех эвакуированных). Но и в городах постоянно происходили конфликты на бытовой почве²⁷⁹.

Иногда повод для таких настроений среди местных жителей давали сами эвакуированные. Так, часть эстонцев, прибывших в эвакуацию, смогла вывезти из угрожаемых оккупацией районов ценные вещи. Среди вещей были и такие, которые воспринимались сельским населением уральской «глубинки» как диковинные, даже «шпионские»: фотоаппараты, пишущие машинки, радиоприёмники, аптечки с большим ассортиментом медикаментов. Вот что писал секретарь Верхнеуральского райкома партии В. Трофимов: «Прибывшие граждане из Эстонии имеют в личном пользовании: пишущие машинки, радиоприемники, наркотики, фотоаппаратуру и т. д. Мне кажется, все эти и им подобные предметы должны быть изъяты, однако, органы НКВД медлят»²⁸⁰.

Стереотип второй: прибывшие в эвакуацию горожане – ничего не умеющие белоручки, высокомерные и заносчивые. Повод для такого первого впечатления давали в основном жёны начсостава Красной Армии, партийных работников, государственных чиновников. Они требовали для особых условий, отказывались работать. Что касается основной массы беженцев, то приходилось доказывать свою трудоспособность и равенство их с местными жителями. Вот, что вспоминает Владимир Лясников: «Спустя год мы стали (с местными жителями) почти что друзьями. За это время все должны были увидеть, что интеллигенция не такие уж и гнилые, что это тоже трудяги. И для этого потребовался год»²⁸¹.

Стереотип третий: прибывшие в эвакуацию мужчины не хотят идти на фронт воевать с фашистами. Вспоминает С. Литичевский:

---

²⁷⁹ Янковская Г. Эвакуация // Родина. 2004. № 6. С. 22.

²⁸⁰ ОГАЧО. Фонд Р-1142. Оп. 1. Д. 112. Л. 44; Д. 164. Л. 24–25, 59.

²⁸¹ Эвакуация [Видеозапись] Документальный. / реж. Самарий Зеликин. М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ, Открытая Россия, 2005. – DVDrip.

«Отношения с местными были плохие. Они не знали, что такое война, с приездом эвакуированных взлетели цены на рынке, началось уплотнение жилья, приехали высококвалифицированные рабочие – конкуренты местным. Недовольство местных женщин вызывало и то, что у них мужей забрали на фронт, а тут приехали здоровые мужики и имеют бронь»²⁸².

Стереотипы в массовом сознании населения вызывали социальную напряжённость, нередко приводившую к конфликтным ситуациям между эвакуированными и местными. Там, где каждая из двух групп видит свой аспект события и стремится к собственным объяснениям увиденного, они практически не могут доверять друг другу. Если система стереотипов соответствует их опыту в ключевых моментах, они уже не смотрят на нее как на интерпретацию – они смотрят на нее как на “реальность”.

Своих оппонентов мы превращаем в источник своих бед и неприятностей. Многочисленные воспоминания бывших беженцев позволяют говорить о частых случаях взаимной неприязни местного и эвакуированного населения. Водораздел «свои» – «чужие» проявлялся даже в повседневной лексике: «понаприехали», «выковыренные», «на што они нам, они же пахать не могут» и др. Для евреев в моральном плане национальная принадлежность нередко создавала дополнительные трудности (особенно если она сочеталась с прибытием из столичного города в сельскую провинцию). Распространялись многочисленные слухи об уклонении евреев-мужчин от военной мобилизации, в их национальной «вине» бесчеловечной политике фашистов на оккупированной территории и т.д.

На формирование стереотипов оказывали влияние множество как объективных, так и субъективных факторов: невысокая мобильность населения (до войны многие не выезжали за пределы своего посёлка), невысокий уровень общей культуры, низкий уровень жизни, при котором все силы уходило на выживание и др. Постепенно социальный опыт эвакуированных интегрировался в уже существующую картину мира, и происходило преодоление стереотипов.

Документальные источники и воспоминания очевидцев донесли до нас как примеры гостеприимства, бескорыстия, проявившихся в создании продовольственных и вещевых фондов для эвакуанселения, шефстве над детскими домами, тимуровском движении, проведении декадников и месячников помощи, так и случаи взаимной неприязни, проявлявшейся в форме оскорблений, бытового антисемитизма, рукоприкладства и др. Бывший в годы войны управляющим трестом «Магнитострой» В. Э. Дымшиц вспоминает: «В холодном уральском

---

²⁸² Интервью с Литичевским Матвеем Моисеевичем от 25.06.2008 г. //Личный архив Потемкиной М.Н.

городе люди согревали друг друга своим человеческим теплом. Скажу короче: здесь понятие «единство народа» не требовало комментариев и не нуждалось ни в какой пропаганде»²⁸³. Вот, например, какие стихи написал учащийся ремесленного училища № 17, эвакуированного из Москвы в Троицк Челябинской области.: «Слились в единый коллектив / И москвичи, и троичане. / Велик был дружеский порыв: / Откуда кто – не различали»²⁸⁴.

Выводы. Трудности в адаптации беженцев к новым условиям определялись их возрастом, национальностью, профессией, социальным статусом в обществе и др. факторами. Важным было всё: есть ли в тылу родственники или знакомые, в какое время года была совершена миграция, где поселились: в городе или в сельской местности, какое имущество успели взять с собой, бежали самостоятельно или были организовано эвакуированы с предприятием, каков состав семьи, воюет ли глава семьи на фронте и многое другое. Но, так или иначе, все беженцы становились частью стигматизированного населения, их социальный статус изменялся в сторону понижения.

Попав в незнакомую среду, эвакуированные продемонстрировали весь спектр адаптационных стратегий: интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию.

---

²⁸³ Дымшиц В. Э. Магнитка в солдатской шинели. М., 1995. С. 160.

²⁸⁴ Вклад троичан в Великую Победу (историко-краеведческий сборник). Троицк, 1995. С. 16.

Глава 3. ДОРОГА ДОМОЙ

Эвакуация, эвакуация,
Жаркое лето и вьюга зимой,
Сводок военных скупые репортажи,
Злые надежды вернуться домой.
(А. Городницкий²⁸⁵)

Все способы возвращения эвакуированных на прежние места жительства можно обозначить термином реэвакуация. Читая воспоминания и мемуары военных лет, нередко встречаешь эмоциональные описания эвакуации. А вот впечатлений о реэвакуации гораздо меньше. Скупа и документальная основа реэвакуационных настроений.

Ностальгия.

Эвакуированное население, как правило, рассматривало своё пребывание в тыловых районах как временное. Характерным для эвакуированных настроением было ощущение связи с родной землей, желание вернуться туда, где оставались близкие люди и дом. Все эти эмоции и чувства нашли отражение в документах и воспоминаниях эвакуированных. Ф. Мольц писал в редакцию газеты «Звезда»: «У каждого человека, эвакуированного из захваченных немцами районов, теснится в груди тоска по родине и неотвратимое желание вернуться туда...»²⁸⁶.

Особый эмоциональный ореол складывался вокруг ленинградцев. Сакральный образ города, связанный с его историческим прошлым, его негласным именованьем «второй столицей», его советским названием, заставляли жителей города испытывать особое чувство гордости и причастности к чему-то великому. Да и в годы войны Ленинграду досталась особо тяжёлая доля: не попав под оккупацию, город находился в кольце блокады долгих 872 дня. Вывезенные в глубокий тыл жители Ленинграда выделялись среди других эвакуированных: «Ленинград был родным городом многих ташкентцев, а за время войны к нему возникло отношение как к живому человеку. Ленинградцы несли в себе трагедию города, независимо от того, где они находились. Связь с любым человеком оттуда была предельно драматична, все сведения о Ленинграде отзывались горем и потерями. И если на фронте могли

---

²⁸⁵Городницкий А. Атланты. Моя кругосветная жизнь // <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/33665/ogl.shtml>

²⁸⁶Звезда. 1943. 10 марта.

воевать, сопротивляться врагу, то в Ленинграде – терпеть, погибать или чудом спастись»²⁸⁷.

Причин, обусловивших желание эвакуированных вернуться к месту прежнего довоенного проживания, было несколько. Приоритетность их расстановки зависела от индивидуальных особенностей человека и окружавших его условий. Во-первых, оставленное жильё и имущество. Материально-бытовые условия проживания абсолютного большинства эвакуированных были гораздо хуже, чем до эвакуации. Поэтому желание повысить свой жизненный уровень было вполне естественным. Люди надеялись, что их дом остался целым и невредимым, права на бывшую жилплощадь остались незыблемыми, а имущество – нетронутым.

Во-вторых, многие люди во время военного лихолетья потеряли связь с кем-то из родственников или друзей. Самым надёжным способом поиска они считали возвращение домой, ведь именно адрес довоенного места проживания был знаком всем близким.

В-третьих, тоска по малой родине не давала покоя многим эвакуированным, она помогала сохранять индивидуальность человека в монотонной череде военных будней. Совершенно очевидно, что это была тоска даже не по месту, а по прошлым отношениям и впечатлениям, «встроенным» в контекст места. Место прежнего проживания ассоциировалось с мирным временем, когда рядом родные и близкие, чистое небо, солнце, белые берёзы... Тоска по минутам счастья. Людям казалось, что если они вернутся в то место, вернётся и тот прежний мир.

В сознании коренных жителей тыловых регионов эвакуированные тоже воспринимались как москвичи, ленинградцы, сталинградцы и т. д. Р. Олевская вспоминает о тех военных годах: «...Голос Левитана был уже ликующим – снята блокада с Ленинграда! Мы бежали в 6-ю квартиру и кричали: «С вас снята блокада!». Потом освободили Киев – кубарем катимся на первый этаж, стучим в двери и кричим: «Ваш Киев освободили!» Взрослые плакали, целовали нас»²⁸⁸.

Ежедневно, с замиранием сердца люди слушали сводки Совинформбюро и следили по карте за продвижением линии фронта. Весть об освобождении родного населённого пункта вызывала бурю позитивных эмоций. Вот как описывает в своих воспоминаниях освобождение родного Киева академик Е. О. Патон, находящийся в эвакуации на далёком Урале: «Трудно передать, что в этот день творилось в институте и на заводе. Два года ждали мы этой великой

---

²⁸⁷Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 154.

²⁸⁸Магнитогорский рабочий. 1988. 22 июня.

минуты, два года читали в московских и украинских газетах о муках и страданиях родного города, два года верили в то, что для фашистов придет час расплаты... В последние дни перед взятием Киева во всех квартирах радио не выключалось, всюду шли споры о дате освобождения города»²⁸⁹.

По мере наступления Красной Армии и освобождения городов и сёл, эвакуированные стали выезжать на прежние места жительства. Уехать хотели даже те, у кого на родине не осталось в живых родственников, никто их не ждал, а жилище было уничтожено или разрушено. Самуил Минькин вспоминает: «Мы бегали провожать отъезжающих и завидовали им белой завистью. Появилась надежда скорого возвращения домой. Мама написала письмо в Мстиславль. Мстиславский горсовет, нам сообщили, что наш новый дом сожгли немцы при отступлении. Хотя нам некуда было ехать, нас тянуло на родину с невероятной силой»²⁹⁰.

С особой радостью воспринимали эвакуированные вести о победах на фронте, поскольку они, как правило, касались их родных городов и сел. Все это порождало т. н. «чемоданные настроения». В архивах отложился такой специфический вид документа, как перечни вопросов, заданных трудящимися на лекциях, собраниях, беседах. Анализируя такие перечни, можно определить доминирующие настроения среди определенных групп населения в различных регионах в разные временные периоды. Все вопросы, задаваемые в последние военные и первые послевоенные годы, можно тематически условно разбить на несколько групп. Это вопросы, касающиеся, во-первых, международной обстановки и внешней политики СССР; во-вторых, положения на фронтах и в Красной Армии; в-третьих, послевоенного устройства советского общества и социально-экономической политики государства; в-четвертых, конкретные вопросы о материально-бытовых условиях жизни людей. В перечнях, поступавших в уральские обкомы партии, начиная где-то с 1942 г., с завидным постоянством задавался вопрос: «Разрешат ли эвакуированным возвращаться к прежним местам жительства?». Настроения эвакуированных проявлялись и в таких вопросах: «Будут ли возмещены убытки частным лицам, пострадавшим от немецкой оккупации? Как идет восстановление Сталинграда? Каким порядком будут возвращены обратно эвакуированные? Какую помощь от государства получают люди освобожденных районов? Почему

---

²⁸⁹Патон Е.О. Воспоминания. Киев, 1955. С. 295–296.

²⁹⁰Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С. 39.

эвакуированным не дают пропуска в Ленинградскую область? Будет ли массовая вербовка по желанию в освобожденные районы Украины?»²⁹¹.

Интересны, на наш взгляд, стилистические обороты языка, употребляемые в вопросах, связанных с возможностью реэвакуации. Как правило, употреблялись просительные формы глаголов: «разрешат ли поехать, будут ли перебрасывать, отпустят ли» и т. п.²⁹². То есть, мы можем констатировать, что эвакуированные понимали, что власти будут стремиться контролировать перемещения людей.

Этапы и масштабы реэвакуации.

Реэвакуация началась уже в декабре 1941 г. после разгрома фашистских войск под Москвой. Она носила единичный характер и не поощрялась властями. Начавшееся контрнаступление Красной армии зимой 1941-1942 гг. породило у многих эвакуированных иллюзию скорейшего окончания войны и возможности возвращения домой. В протоколе партсобрании Увельской территориальной парторганизации, состоявшегося 19 января 1942 г., было зафиксировано: «Некоторые эвакуированные думают скоро уехать и не хотят сеять огороды весной...»²⁹³.

Но уже весной – летом 1942 г. реэвакуация была приостановлена в связи с рядом поражений Красной Армии и новой волной эвакуации. Возобновление реэвакуации связано с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» (21 августа 1943 г.)²⁹⁴. Коренное изменение положения на фронтах и начало освобождения территории нашей страны от фашистских оккупантов способствовало эскалации поиска способов уехать.

По данным Переселенческого Управления при СНК РСФСР за 1943 г. было реэвакуировано около 1 млн. человек, за 1944 г. – более 2 млн. человек, за 1945 г. – более 1 млн. 200 тыс. человек, за 1946 г. – 441 729 человек, за 1947 г. – 131 781 человек²⁹⁵. То есть, очевидно, что пик массовой реэвакуации населения пришелся на 1944-1945 гг.; основные перемещения происходили в летний период, зимой из-за холодов реэвакуация приостанавливалась. Можно предположить, что реальные цифры реэвакуационной миграции были гораздо выше, поскольку существовали стихийные перемещения эвакуированных.

---

²⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 316. Л. 16, 23, 40, 71, 92, 98.

²⁹² ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 249. Л. 8, 10, 116, 123.

²⁹³ ОГАЧО. ПФ. 229. Оп. 4. Д. 45. Л. 58.

²⁹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971. Т. 6. С. 427–465.

²⁹⁵ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Д. 10. Л. 17; Д. 19. Л. 81.

Психологически переломной датой в сознании эвакуированных стало 9 мая 1945 г. – день официального окончания Великой Отечественной войны. Местные органы власти фиксировали резкое усиление «чемоданных» настроений среди работников промышленных предприятий, чья реэвакуация была запрещена. В Москву из Молотовской области 23 мая 1945 г. поступила информация следующего содержания: «Наряду с большим подъемом работать еще лучше, окончание войны усилило настроение некоторой части эвакуированного населения уехать с Урала на прежнее место жительства»²⁹⁶.

Возвращение людей на прежнее местожительство продолжалась ещё несколько лет. По крайней мере, категория «эвакуированные» и статистические данные по их перемещениям продолжали фигурировать в официальных документах практически до 1948 г.

«Возвращаться можно, но не всем...».

Власти пытались контролировать реэвакуационные процессы. Оно и понятно, если бы несколько миллионов эвакуированных двинулись одновременно в западном направлении, то этой нагрузки не выдержал бы транспорт, дестабилизировалась бы экономическое и социальное положение в тылу. Освобождённые от фашистской оккупации области тоже не готовы были сразу принять такое количество людей.

Механизмы контроля над процессами реэвакуации были разнообразны. Многочисленные законодательные ограничения вводились на въезд либо отдельных категорий эвакуированных, либо в некоторые города или области. Следует иметь в виду, что плановой реэвакуации не подлежали люди, работавшие в оборонной промышленности, а также сотрудники НКГБ и НКВД СССР. Эти ограничения объяснялись необходимостью бесперебойного снабжения фронта военной продукцией, чего можно было достичь лишь безостановочной работой заводов, а также соображениями внутригосударственной безопасности. Исключение было сделано для инвалидов Отечественной войны. Они имели возможность реэвакуироваться в соответствии с Постановлением СНК Союза ССР от 5 октября 1945 г. за № 2533 «О предоставлении инвалидам Отечественной войны и членам их семей права ухода с предприятий и учреждений в случае переезда к месту постоянного жительства»²⁹⁷. Иногда в этот поток попадали люди, не числившиеся в категории эвакуантов. Так, после окончания войны расформировывались рабочие батальоны, и их бывшие бойцы возвращались домой в потоке организованной реэвакуации.

---

²⁹⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 469. Л. 83.

²⁹⁷ОГАЧО. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

Уже осенью 1943 г. руководство некоторых освобожденных областей (например, Смоленской, Орловской) установило свободный въезд на свои территории. В то же время при реэвакуации в некоторые города вводились ограничения: это касалось, в первую очередь, Москвы и Ленинграда, а также, в связи с большим разрушением жилого фонда, таких городов, как Киев и Харьков²⁹⁸. Понимая невозможность принять всех желающих въехать в столичные города, власть пыталась законодательными и насильственными мерами ограничить процедуру въезда. В соответствии с постановлениями ГКО от 10 января 1942 г., возвращение в Москву могло производиться только по решению ГКО; количество ввозимых рабочих должно предварительно согласовываться с Московским горкомом ВКП(б); въезд рабочим разрешен без семей; с семьями сохранялась занимаемая ими жилплощадь по месту эвакуации; въезд в город без специальных пропусков, выдаваемых республиканскими (краевыми, областными) органами милиции, был запрещен²⁹⁹.

Способом контроля служила и партийная дисциплина. Для того чтобы уехать, члены партии должны были получить разрешение обкома партии. На практике предписания о снятии с партийного учета выполнялись далеко не всегда. В 1945 г. происходила реэвакуация научно-исследовательского института №13 из Молотова в Ленинград. В конце июня из состава первичной партийной организации института в Молотове остались 8 человек, остальные 113 коммунистов уже выехали. А на партийном учете по месту эвакуации продолжал числиться 91 член ВКП(б). Учетные документы на коммунистов становились иногда объектом интриг между руководителями разных областей и ведомств в борьбе за высококвалифицированных специалистов. Рычагом давления была партийная дисциплина. В телеграммах из обкомов тыловых областей содержались требования о высылке учетных карточек эвакуированных коммунистов. В ответах из обкомов освобожденных областей звучали ультимативные отказы, мотивированные ожиданием возвращения «своих» членов ВКП(б). Переписка тянулась месяцами³⁰⁰.

Основанием для официальной реэвакуации служили постановления ГКО, распоряжения СНК СССР, вызов какого-либо наркомата (министерства), а также (иногда и не для всех) вызов родственниками. Местные власти (а занимались этим в основном исполкомы советов), получив соответствующие документы, составляли списки людей, подлежащих реэвакуации. При некотором разнообразии в

---

²⁹⁸ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7; Д. 6. Л. 8; ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 198. Л. 72.

²⁹⁹ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 381.

³⁰⁰ ПГАНИ. Ф. 1948. Оп. 6. Д. 42. Л. 9.

оформлении, в этих списках, как правило, указывались: фамилия, имя и отчество, отношение к главе семьи, год рождения, национальность, станция назначения, наличие имущества, домашних животных и птиц. Планировалось необходимое количество вагонов, денежных средств, шла всесторонняя подготовка. Правительство СССР давало необходимые распоряжения наркоматам (министерствам) торговли, здравоохранения, путей сообщения, финансов и т. д. Люди, подлежавшие реэвакуации, по увольнении с работы получали в городских или районных отделах милиции пропуска на выезд. На железнодорожном транспорте в военное время была введена система пропусков, просуществовавшая до лета 1946 г. Эта мера лимитировала масштабы миграционных потоков, поскольку перевозки другими видами транспорта с учётом огромных российских расстояний и плохого качества дорог были малоэффективны.

Таким образом, решив реэвакуироваться, с максимальным количеством запретов сталкивался человек, если он был: столичный житель, коммунист, высококвалифицированный специалист, работник предприятия оборонного значения. Насильственная задержка людей в силу производственной необходимости или по признаку их политической благонадежности приводила к тому, что они месяцами и годами не могли вернуться в родные места и воссоединиться с близкими.

Главный трудовой ресурс.

Для рабочих и служащих промышленных предприятий оборонного значения в военные и первые послевоенные годы реэвакуация была связана со значительными ограничениями, а зачастую просто невозможна. Это объяснялось необходимостью безостановочной работой заводов, расположенных в тыловых регионах СССР. Заводы в западных областях СССР редко восстанавливались за счёт реэвакуации. Люди также поступали за счёт набора и лишь незначительную часть – наиболее квалифицированные кадры – переводили с действующих заводов³⁰¹.

Не желая мириться с такой несправедливостью, некоторые рабочие пытались самочинно возвращаться в места прежнего жительства, как только несколько улучшилась обстановка на фронте. Такое поведение квалифицировалось как «дезертирство» и подлежало уголовному преследованию. Директора предприятий принимали таких высококвалифицированных специалистов на работу, также рискуя попасть под уголовное наказание. Так, на заводах Москвы (№24НКО и №28 Главкислорода при СНК СССР) без трудовых книжек приняли на работу несколько десятков слесарей и токарей, бежавших из эвакуации с заводов Нижнего Тагила Свердловской области. Чтобы скрыть эти факты, помощник директора по кадрам оформлял принятых на завод

---

³⁰¹Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М., 1988. С. 390.

дезертиров под видом мобилизации, взамен отдавал военкомату других рабочих более низкой квалификации в порядке разбронирования. В июле 1944 г. после прокурорской проверки на вышеуказанных заводах к суду были привлечены как сами дезертиры, так и начальник отдела кадров и начальники цехов³⁰².

Запретительными мерами пользовались не только центральные власти, но и руководители различных ведомств и административных территорий. Рычаги давления применялись, прежде всего, в борьбе за высококвалифицированных специалистов. На территориях, освобождённых от фашистской оккупации, их катастрофически не хватало, тыловые города и районы боялись таких специалистов потерять. Так, число врачей на территории, подвергшейся оккупации, в 1943–1944 гг. составляло 38% от довоенного количества. В отдельных областях эти цифры были недопустимо низкими: в Смоленской – 12%, в Орловской – 16%, в Ростовской – 23%³⁰³. Аналогичной была картина с обеспечением квалифицированными рабочими кадрами. Например, после освобождения контингент рабочих в Киеве составлял 5%, а в Харькове – 9% к довоенному 1940 году³⁰⁴. По подсчетам Н. Вознесенского, в районах Российской Федерации и Украины, освобожденных от врага, рабочих осталось лишь 17% от довоенного состава, а в Белоруссии – всего 6%³⁰⁵. Резэвакуация стала одним из путей решения этой проблемы.

Сборы в дорогу.

Основную тяжесть финансовых затрат на резэвакуацию несло государство. Причинами этого были и военная обстановка, и сформировавшийся в нашей стране еще в 1930-е годы тип политического режима, и то, что на руках у населения просто не было каких-либо значительных денежных средств. Л. С. Суркова вспоминает, как она оценивала свой материальный потенциал накануне отъезда из эвакуации: «Сарафан, сшитый в Кзыл-Орде, погиб в учхозе. Когда я попыталась в нем искупаться после молотьбы, низ отделился и уплыл. Белое платье разлезлось. Остались пальто, лыжный костюм и синее крепдешиновое платье. Накануне отъезда, выходя из кино, я зацепилась за гвоздь и разорвала платье наискось. Были еще стеганые сапоги с галошами, две пары длинных чулок в резинку, коробок спичек, две дыни, арбуз и тридцать рублей»³⁰⁶.

---

³⁰² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 890. Л. 25.

³⁰³ ГАРФ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 146. Л. 41.

³⁰⁴ Приходько Ю.А. Восстановление индустрии в 1942–1950 гг. М., 1973. С. 79.

³⁰⁵ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 56–57.

³⁰⁶ Суркова Л.С. Жизнь советского обывателя, описанная им самим. 31.05.2005 г. // Архив Центра и Фонда «Холокост».

Чтобы посадить людей аналогичного уровня достатка на поезд, начальники эвакопунктов использовали ресурсы, выделяемые на материальную помощь эвакуированным, или прибегали к другим способам. Так, к примеру, начальник Свердловского эвакопункта Зенькович в 1944 г. обратился в вышестоящие инстанции за разъяснением: «Некоторые транзитные эвакуированные оседают на эвакопункте, так как не имеют денег на покупку билетов, чтобы ехать дальше. Например, стоимость одного железнодорожного билета до Смоленска – 200 руб. По положению можно оказать материальную помощь не более 300 руб. на семью. Я составлял акты для безбилетного проезда, но сейчас начальник финансового отдела управления дороги мне в этом отказал»³⁰⁷.

О масштабах финансовых затрат на реэвакуацию людей свидетельствуют следующие цифры: только за 1946 г. на организацию реэвакуации и репатриации по РСФСР было израсходовано из республиканского бюджета 6200 тыс. руб., из местных бюджетов 7610 тыс. руб. – на выдачу единовременной денежной помощи эваконаселению и 9690 тыс. руб. на содержание переселенческих отделов, приемно-распределительных пунктов.

Собираясь в дорогу, люди заранее пытались копить какие-то продуктовые запасы и достать что-нибудь ценное.

Для ленинградцев такой ценностью оказалась картошка: «Единственным плюсом этого переезда в Ленинград было то, что в служебном вагоне мы смогли привезти несколько мешков пензенской картошки, которая очень пригодилась нам на первых порах»³⁰⁸.

Преподаватели и студенты Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства («МИМЭСХ»), реэвакуируясь из Кызыл-Орды (Казахстан), везли спирт и соль: «мы продали все, что можно было, купили спирт, он в Москве был в десять раз дороже», «дирекция и преподаватели, кроме оборудования, везли вагон с овцами, пустые ящики в вагонах с лабораторными приборами, с клеймом лаборатории. В пути их заполнили солью, забили и запломбировали. На этой соли нажились, помимо преподавателей, студенты, сопровождавшие вагон»³⁰⁹.

Соль собирали все, когда поезд долго стоял на берегу Аральского моря. Делать это было запрещено, но никто не обращал внимания на эти запреты. Милицейские наряды в поиске «спекулянтов» проверяли

---

³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 427. Л. 72.

³⁰⁸ Брискер А. Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни). Издание второе, уточненное и дополненное. Санкт-Петербург, 2009. С. 64.

³⁰⁹ Суркова Л.С. Жизнь советского обывателя, описанная им самим. 31.05.2005 г. // Архив Центра и Фонда «Холокост».

вагоны, обыскивали пассажиров, и тут главной задачей было надёжно спрятать драгоценный груз.

Вообще упоминание о том, что выезжая в освобождённые районы, люди старались везти с собой именно соль, встречается в воспоминаниях достаточно часто. «До нас доходили слухи, что в освобожденных районах нет соли. Алексей съездил в пески на соленые озера и привез нам пуд соли, которую мама разложила в три мешка. Новые мешки принесла Полина, которые она утащила в колхозе. Самые ценные советы давал нам Алексей, так как он был охотник, рыболов и надолго уходил в горы. Он принёс веревки, в углы мешков вложил камушки, и каждому из нас подогнал веревки, чтобы удобно было нести мешки за плечами»³¹⁰. Пуд соли – это 16 килограмм веса на женщину и ребёнка – её сына, и это не считая других вещей и продуктов (сухари, бутылки с топленным маслом, несколько килограммов кукурузной и пшеничной муки). Всё это копилось и собиралось задолго до планируемого отъезда.

Дорога домой предстояла долгая и опасная. Даже если удавалось купить, выменять или достать что-нибудь ценное, это надо было ещё доехать. В дороге с грузом случалось всякое: можно было потерять или оказаться обворованным. Но были и курьёзные случаи. Семья реэвакуантов на одной из пересадок попала под сильный дождь: «Когда мы проснулись утром, около наших мешков были огромные лужи. Как потом оказалось, это вытекла наша соль, и мешки стали легкими. От целого пуда, который мы тащили из Казахстана, осталось килограммов пять. Мы высыпали соль на газеты, чтобы просушить...»³¹¹.

Какими способами можно было попасть домой?

Все способы возвращения домой можно условно разделить на легальные и нелегальные.

1. Реэвакуироваться как специалисту через вызов наркомата (министерства), предприятия, правительственного или партийного органа. По мере освобождения территории СССР от фашистской оккупации все острее вставала необходимость восстановления разрушенных городов и сел. А для этого нужны были специалисты самых разных профессий. Их отзыв начался уже в 1942 г. Был принят целый ряд постановлений, регламентирующих этот процесс³¹².

В освобождённых регионах остро не хватало специалистов сельского хозяйства, врачей, учителей и представителей других

---

³¹⁰ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С.40.

³¹¹ Там же. С. 45.

³¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 60. Л. 16; ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 7. Д. 77. Л. 8.; Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сб. документов и материалов. М., 1977. С. 449.

профессий³¹³. Бывший с октября 1943 г. по октябрь 1946 г. первым секретарем Брестского обкома компартии Белоруссии М. Н. Тупицын вспоминал: «Из Москвы, Минска и других мест приезжали все новые группы инженеров, врачей, учителей, агрономов, работников торговли и общественного питания, квалифицированных рабочих – всех тех специалистов, в которых мы ощущали острую нужду. Особенно были рады приезду большой группы железнодорожников»³¹⁴.

2. Можно было вернуться с тем же рабочим коллективом, с которым уехал в эвакуацию. Вопрос о перемещении каждого промышленного предприятия или учреждения решался в индивидуальном порядке. Большая часть заводов вообще не подлежала реэвакуации, поэтому рабочие и инженерно-технические работники были вынуждены, часто вопреки их желанию, оставаться на Урале. Это вызывало волну недовольства, о чем подробнее будет сказано ниже. Другие предприятия реэвакуировались, оставляя на местах временного размещения часть оборудования и людей. Третьи вывозили свои коллективы в полном составе.

Руководители предприятий, естественно, стремились вывезти с собой как можно больше рабочих, причем не только из «родного» коллектива, но и принятых на работу в тылу. Характерен такой документ от 26 июля 1944 г.: «Городское бюро по учету и распределению рабочей силы при Молотовском горисполкоме предупреждает директора завода №470 о недопустимости вывоза рабочей силы, в связи с реэвакуацией вашего завода, из числа местного населения и данной Вам в порядке мобилизации»³¹⁵.

Интересна специфика реэвакуации промышленных предприятий оборонного значения. Бывший в годы войны заместителем наркома вооружений В. Н. Новиков в книге своих воспоминаний пишет, что заводы в западных областях СССР восстанавливались не за счет реэвакуации, а за счет дополнительных ресурсов³¹⁶.

3. Более сложным способом была персональная реэвакуация. Для её осуществления необходимо было написать личную просьбу в соответствующую инстанцию и получить разрешение. Распространялась такая форма реэвакуации на больных и престарелых эвакуированных, иногда на представителей столичной интеллигенции³¹⁷.

---

³¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 58. Л. 19; ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 10. Д. 200. Л. 2, 17–18; ЦД НИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 6826. Л. 1, 42–43; ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 7. Д. 223. Л. 47.

³¹⁴ Тупицын М.Н. Жизнь побеждает // Буг в огне. Минск, 1977. С. 442.

³¹⁵ ГАПО. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 72. Л. 29.

³¹⁶ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М., 1988. С. 390.

³¹⁷ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 8. Д. 234. Л. 1–354.

Архивы донесли до нас свидетельства о множестве человеческих судеб, изложенные в письмах в различные партийные и советские инстанции с просьбами о реэвакуации. Приведем несколько ярких примеров. В ноябре 1943 г. на имя Председателя комиссии по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах А. А. Андреева поступило заявление от Томасовой Таисии Павловны с просьбой о реэвакуации в Ленинград. Томасова Т. П., 1917 г. рождения, проживала в эвакуации в Свердловской области и работала инспектором по хозяйству эвакуантов в Зайковском районе. В просьбе было отказано с указанием следующей причины: «Условия, в которых продолжает оставаться Ленинград, не позволяют временно удовлетворить Вашу просьбу».

Отчаяние и надежда на лучшую жизнь в местах прежнего проживания звучат в следующем письме. Оно адресовано прямо И. В. Сталину. Бокач Платон Иванович пишет, что в 1940 г. переехал из Белоруссии в Карело-Финскую республику. С началом войны эвакуировался в Свердловскую область, колхоз «Путь вперед» Зайковского района. Сам в гражданскую войну был партизаном, сейчас два сына в РККА. Имеет семерых детей. Жена больна и не переносит уральского сурового климата. Просит разрешить выехать с семьей в освобожденные районы или забрать детей в детдома. В архивных документах зафиксировано, что П. И. Бокач с семьей в марте 1944 г. выехал в Курскую область³¹⁸.

Какие же аргументы в пользу отъезда назывались в заявлениях чаще всего? Укажем самые типичные из них: работа в эвакуации не по специальности, неблагоприятное влияние уральского или сибирского климата на состояние здоровья, нахождение в освобожденных районах тяжело больных родителей или членов семьи, не имеющих средств к существованию³¹⁹. На большинство просьб наложены отрицательные резолюции.

В 1945 г. началась демобилизация из действующей армии. Некоторые демобилизованные, вернувшись домой в освобожденные районы, делали через гор-, райисполкомы вызовы на свои семьи, находившиеся в эвакуации, приезжали и забирали их.

4. Специального рассмотрения требует вопрос о реэвакуации детских учреждений. Чаще всего она происходила двумя путями: либо реэвакуация детских домов в свою область или республику, либо возвращение детей из эвакуированных интернатов по вызовам родителей. Так, 5 апреля 1943 г. СНК СССР рассматривался вопрос о реэвакуации

---

³¹⁸ ГАСО. Ф. 88р. Оп. 1. Д. 5245. Л. 3, 5, 17–19.

³¹⁹ ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 509.

столичных детских учреждений. Было принято решение о возвращении в Москву средней художественной школы молодых дарований, находившейся в эвакуации в селе Воскресенском в Башкирской АССР. Родителям – жителям Москвы – было разрешено забрать своих детей в возрасте до 10 лет из эвакуированных в восточные районы страны детских домов и интернатов³²⁰. В случае гибели родителей, но существования родственников в освобожденных от оккупации районах детей из эвакуированных детских учреждений в индивидуальном порядке отвозили к ним.

Иногда реэвакуация форсировалась неблагоприятными обстоятельствами, в которых оказывались дети в местах временного проживания. Так, в июле 1942 г. 26 учеников средней школы №19 города Ростова-на-Дону прямо с полевых работ эвакуировали сначала в Сталинград, затем в Молотов, а из него в Свердловск. Осенью 1942 г. эти дети (а их возраст 13–15 лет) были трудоустроены на завод №607 Наркомата боеприпасов. Руководство завода не проявило заботу о подростках. Поскольку в феврале 1943 г. Ростов-на-Дону был окончательно освобожден от фашистов, появилась возможность отправить детей домой к родителям. Резолюция об их скорейшей реэвакуации была принята 7 августа 1943 г. заведующим отделом школ и вузов Свердловского ОК ВКП(б) Шишкиным³²¹.

Реэвакуация многих детских домов вообще была нецелесообразна, так как их контингент за годы войны почти полностью обновился (многие дети, попавшие в эвакуацию с детдомами, выросли и покинули их)³²². По письмам эвакуированных родителей о розыске детей из детских домов Башкирской АССР за 1946 г. был возвращен родителям 21 ребенок³²³. Подросшие воспитанники иногда возвращались в родные края в качестве мобилизованных, попадая, таким образом, в следующую категорию.

5. Поскольку в советское время широкое распространение получили плановые трудовые мобилизации, этот канал использовали эвакуированные, чтобы вернуться в западные районы страны. К примеру, по детским домам Молотовской области провели мобилизацию 150 человек для работы на текстильных предприятиях Ивановской области³²⁴. Среди эвакуированных детей-ленинградцев была проведена мобилизация в школы ФЗО и ремесленные училища Ленинграда. По указанию СНК

---

³²⁰ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 398. Л. 200, 202.

³²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 85. Л. 105.

³²² ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 167. Л. 64; ГАКО. Ф. Р-1541. Оп. 2. Д. 22. Л. 128–132; ГАСО. Ф. 2508р. Оп. 1. Д. 92. Л. 3–5.

³²³ ЦИАРБ. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

³²⁴ Христолюбова И.Г. Дом, который нельзя забыть. Пермь, 1988. С. 57–58, 133.

СССР в 1945 г. был проведен оргнабор среди эвакуированных ленинградцев для работы на текстильных предприятиях родного города³²⁵. В 1943 г. организовали набор людей на рыболовецкие предприятия Мурманской области. СНК СССР удовлетворил просьбу Наркомата рыбной промышленности и специальным распоряжением разрешил производить отбор рыбаков и переселенцев, эвакуированных ранее из Мурманской области³²⁶. В марте 1943 г. в порядке мобилизации в школы ФЗО и ремесленные училища Москвы из Молотовской области было отправлено 1300 человек, преимущественно набранных в эвакуированных детдомах и интернатах³²⁷.

Характеризуя этот поток, необходимо сразу сделать ряд оговорок: практически невозможно вычислить долю эвакуированных среди мобилизованных, а также сопоставить район прежнего проживания с местом новой дислокации. Рассмотрим механизм такого рода мобилизации более подробно на конкретном примере. Так, 4 января 1944 г. было принято постановление ГКО за № 6872с о мобилизации рабочей силы для работы на предприятиях Ленинграда. Сроки проведения мобилизации определялись до 15 января 1945 г. Люди поступали в распоряжение Наркомата вооружения. Особо было указано, что мобилизация должна проводиться «из числа эвакуированных ленинградцев». Перечислялись условия, которым должны были отвечать мобилизуемые: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 50 лет, преимущественно одиночки, несудимые, годные к физическому труду, жившие до эвакуации в Ленинграде и имевшие ленинградскую прописку. Облисполкомы и Совнаркомы тыловых регионов, получив данное указание, приступили к выявлению на своей территории эвакуированных ленинградцев. Так, в районах Башкирской АССР их на 29 декабря 1944 г. оказалось 15 066 человек. И далее по этим составленным спискам происходил отбор³²⁸.

Документальные данные можно подтвердить примерами из источников мемуарного характера. Так, ленинградец Ф. К. Ржаксинский вспоминает о возвращении из эвакуации брата Юры: «В ноябре 1943 г. объявили об открытии Ленинградского художественно-промышленного училища. Нужны были кадры для восстановления памятников архитектуры города <...> Представители училища выехали в школы, эвакуированные из Ленинграда, с целью отобрать детей, умеющих

---

³²⁵ ГАКО. Ф. Р-1541. Оп. 2. Д. 20. Л. 92; Д. 22. Л. 164; ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 165. Л. 122.

³²⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 363. Л. 81.

³²⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 367. Л. 40.

³²⁸ ЦИАРБ. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 4489. Л. 62–63.

рисовать. Кроме этого предъявлялись еще другие требования: дети должны быть не моложе 16 лет, иметь семиклассное образование и отличную комсомольскую характеристику. Таким образом, для отправки в Ленинград было отобрано 100 человек»³²⁹.

6. Реевакуация бывших эвакуированных в составе командированных в помощь освобожденным районам. Восстановительные работы развернулись уже в начале 1942 г. на землях Московской, Калининской, Тульской областей и по мере изгнания врага приобретали все больший размах. Помощь территориям, освобожденным от немецкой оккупации, была одним из направлений государственной политики. В областях и республиках советского тыла приступили к созданию фонда помощи освобожденным районам. На запад отправлялись поезда с оборудованием и подарками. Уезжали и люди, прежде всего – квалифицированные специалисты, в первую очередь – эвакуированные.

Механизм выглядел следующим образом. При СНК СССР был образован Комитет по восстановлению хозяйства районов, пострадавших от фашистской оккупации. В серии постановлений правительства давался план помощи конкретным областям и районам. И, далее, через наркоматы шли запросы на специалистов. Как правило, среди отобранных людей, значительную долю составляли эвакуированные. К примеру, за 1944–1945 гг. среди командированных из Челябинской области на Украину 1807 человек только 172 были коренными уральцами, остальные – бывшие эвакуированные³³⁰. За период с 1943 по 1 июня 1944 г. из Чкаловской области на Украину было отправлено 3318 украинских специалистов, находившихся в эвакуации³³¹.

7. Казалось бы, самым простым способом возвращения была плановая организованная реевакуация населения. Этот вид реевакуации осуществлялся преимущественно в 1944–1946 гг. В основном, она производилась во исполнение специальных распоряжений правительства. Необходимо было набраться терпения и дожидаться своей очереди, так как распоряжения выходили периодически, но они не охватывали всей территории освобожденных районов в географическом отражении. Так, за 1946 г. по РСФСР организовано через Переселенческие управления реевакуировались 140 955 человек, в том числе, по постановлениям и распоряжениям правительства – 90 239 человек³³².

---

³²⁹ Листки блокадного календаря. Л., 1988. С. 103.

³³⁰ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 8. Д. 244. Л. 1–87.

³³¹ Хисамутдинова Р.Р. Помощь сельских тружеников Южного Урала (Чкаловская область, БАССР) освобожденным районам Украины в 1943–1945 гг. // Украинцы в Оренбуржском крае. Оренбург, 1997. С. 92–93.

³³² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

После амнистии от 7 июля 1945 г. были приняты меры для организации железнодорожных перевозок людей, освобожденных из заключения³³³. То есть, реэвакуация амнистированных носила организованный характер. В эту же группу, на наш взгляд, можно включить освобожденных из колоний подростков. Так, в августе–сентябре 1945 г. была произведена проверка расположенной в Молотовской области Юговской воспитательной колонии №2 для несовершеннолетних. Освобожденные воспитанники были направлены к родителям в западные области в сопровождении эвакуаторов³³⁴.

8. Индивидуальная реэвакуация, начавшаяся летом 1946 г., после выхода постановления Совмина СССР от 13 апреля 1946 г. №840, в соответствие с которым с 1 июня отменялся установленный на военное время порядок перевозки пассажиров по железной дороге по пропускам органов милиции, за исключением пограничных зон³³⁵.

Любопытно, что и этот миграционный поток не остался вне контроля со стороны государства. Усилиями местных органов управления выявлялись граждане, желавшие уехать в индивидуальном порядке к прежнему месту жительства, составлялись списки, которые направлялись в области реэвакуации для получения вызовов. Людям оказывалась помощь деньгами, продуктами, промтоварами, помощь в приобретении билетов. В областных и республиканских переселенческих управлениях велась статистика по данному виду реэвакуации. Со второй половины 1946 г. доля этого потока реэвакуируемых постоянно возрастала: так, из Удмуртии в организованном порядке реэвакуировались 1306 человек, а в индивидуальном за этот же период времени – 3597 человек³³⁶.

В целом, по данным Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР, за 1946 г. самостоятельно вернулись 300 744 эвакуированных, за 1947 г. – 117 260³³⁷. Реально, на наш взгляд, эти цифры были гораздо выше.

Долгая дорога домой.

В связи с отправкой граждан к местам прежнего жительства происходило их скопление на железнодорожных станциях, нехватка продовольствия приводила к неполному отовариванию рейсовых карточек, а все вместе – к росту заболеваний. Пассажирские поезда отправлялись сильно перегруженными, люди ехали на крышах,

---

³³³ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 60. Л. 14.

³³⁴ ГАПО. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 633. Л. 108.

³³⁵ Там же. Д. 97. Л. 29.

³³⁶ ЦГАУР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 228. Л. 11.

³³⁷ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 10. Л. 17; Д. 19. Л. 81–82.

подножках, а также на товарных поездах. При проходе поездов под мостами и путеводами происходили случаи увечий и гибели пассажиров. Руководство Наркомата путей сообщения, обеспокоенное положением, сложившимся в связи с перевозками и обслуживанием пассажиров, 19 сентября 1945 г. издало приказ о временном ограничении отправки людей.

Вследствие большого скопления пассажиров на станциях и затруднений в приобретении билетов, имелись случаи спекуляции билетами и взяточничества. За пять месяцев 1946 г. военным трибуналом ЮУЖД за взятки были привлечены к судебной ответственности 9 проводников вагонов³³⁸. По законам того времени за взятку в 100 руб. человек мог быть осужден на 3–5 лет лагерей. Напомним, что железнодорожный и водный транспорт с 1943 по май 1948 гг. находились на военном положении.

В дороге людям приходилось беречь себя, своих детей и вещи от хулиганов и воров. Иногда это удавалось сделать самым неожиданным способом. Известный художник-мультипликатор, режиссёр, иллюстратор Евгений Мигунов, будучи студентом, возвращался со своим другом из эвакуации в Москву. Казалось, что самое трудное – это достать билеты на поезд. Но, когда эта задача была решена и Женя с Толиком попали в вагон, стало понятно, что самым большим счастьем будет доехать до Москвы живыми. Вагон был полон подростков, похожих на бандитов с ножами. Повсюду мат, вонь, храп. Оказалось, что это едет на восстановление столицы молодой рабочий класс: ученики ремесленного училища (большая часть – беспризорники.). Ехать предстояло 8 суток. Способ обеспечения спокойствия в дороге подарила сама судьба: «Когда один из ребят вздохнул от скуки: «Жаль, стирок нету! Заметали бы!», я предложил свои услуги по изготовлению карточной колоды. Я достал карандаш «негро», акварельку, кисть. Весь вагон окружил меня. Тут я и проявил себя. Быстро и красиво навалил «буби», «червы», «пики» и «трефы». Одновременно обдумывал «картинки». Когда рисовал «картинки» – ребята просто выли от восторга. В другое время, в другом месте мне «дали бы срок» за растление малолетних. Но тут было аккуратно. Боже мой, какие были «дамы»! И что они держали в руках! Это ж надо! Фантазия мультипликатора сработала. Не зря мне хотели дать диплом с отличием <...>Дальше мы ни о чём не заботились. Нам приносили дыни, арбузы, водку, масло, соль. Исполняли все наши просьбы»³³⁹.

---

³³⁸ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 10. Д. 289. Л. 75.

³³⁹ Мигунов Е. О, об и про... Алма-Ата. Студенческие годы (1941-1943гг.) // Киноведческие записки. 2003. № 62. С. 294-297.

На территории, освобожденной от оккупации, пассажиры часто были вынуждены находиться под открытым небом. По данным на октябрь 1945 г., из 77 вокзалов 58 было разрушено, 52 из них не восстановлено³⁴⁰.

Одной из главных причин лимитирования объемов пассажирского движения была нехватка вагонов. За годы войны парк пассажирских вагонов сократился на 40%. Эксплуатационный парк пассажирских вагонов по данным на октябрь 1945 г. составлял – 31 929 единиц, из них – в пассажирских поездах использовалось – 13 766, т. е. 43%. Остальные вагоны распределились следующим образом: 7% – занято под жилье и служебные помещения, 17,7% – в спецформированиях НКПС, 18,3% пассажирских вагонов не использовалось, так как подлежало ремонту, 13,1% находилось в санитарных поездах на дорогах. Имеющиеся на дорогах около 2 тыс. трофейных пассажирских вагонов никак не использовались³⁴¹.

Имеющиеся вагоны были плохо обеспечены постельными принадлежностями. Так, в течение всего военного времени ЮУЖД централизованно никакого мягкого оборудования не получала. В результате, на 1 июня 1946 г. обеспеченность им по нормам МПС составила 13%³⁴².

Особенно тревожная ситуация с пассажирскими перевозками на железнодорожном транспорте сложилась после выхода постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. за №840 об отмене с 1 июня 1946 г. установленных на военное время пропусков при перевозке пассажиров на железной дороге. Летом 1946 г. поток пассажиров возрос по сравнению с 1945 годом почти в два раза и превысил уровень 1941 г.

Что касается медико-санитарного обслуживания пассажиров и обеспечения их продовольствием, то по личным воспоминаниям и документам той эпохи можно проследить положительные изменения по сравнению с эвакуационными перевозками 1941 г. Самуил Митькин, вспоминая бесконечные вокзалы и пересадки из поезда в поезд по дороге из эвакуации, упоминает о продуктах, полученных на продуктовые талоны. Это, то чёрные сухари, то американская тушёнка, то макароны, а иногда полное горячее питание в столовой: «Нам как семье фронтовика выдали талоны на завтрак и обед в железнодорожной столовой. Наш поезд отправлялся в Мичуринск после обеда. Этот день мы панствовали – плотно позавтракали и пообедали мясными блюдами, на десерт даже был компот»³⁴³.

---

³⁴⁰РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 604. Л. 93–97.

³⁴¹ Там же.

³⁴² ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 10. Д. 289. Л. 70.

³⁴³ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С.40-53.

Проследим путь из эвакуации на родину одной простой семьи. Итак, место отправления – село Будёновка Михайловского района Джамбульской области. Это восточный Казахстан, недалеко от границы с Монголией и Китаем. До родного города Мстиславля Могилёвской области Белорусской ССР – около 5000 километров. Поскольку мама Самуила Минькина работала в колхозе, то для отъезда не нужны были специальные разрешения, ехали они в небольшой белорусский городок, поэтому для въезда туда тоже не нужны были специальные пропуска. Выехали Самуил с мамой и сестрёнкой в марте 1944 г. «Около сельсовета мы взобрались на грузовик. Провожать нас пришло много народа». На железнодорожной станции в Джамбуле, чтобы попасть на вокзал, необходимо было пройти санпропускник (помещение, предназначенное для дезинфекции одежды, обуви и тела). «Санпропускник был обыкновенной баней, только там, в раздевалке, было специальное отделение, куда в окошко нужно было отдать всю связанную одежду, кроме обуви, а после, как помоешься, в этой же раздевалке получить из другого окошка свою одежду уже обеззараженной – поджаренной, и на выходе взять справку».

Люди много дней стояли в очередях за билетами, эшелоны в основном с военными и военной техникой пронеслись мимо <...>Через станцию Джамбул один раз в сутки проходили скорые поезда Алма-Ата – Москва и Фрунзе – Москва, но попасть на них не было никакой возможности, поскольку действовала негласная социальная иерархия. «Они (т. е. поезда) останавливались, но, ни один человек не сходил и не садился. Солидные люди ехали в спальных вагонах, и мне было завидно, что у нас нет такой возможности ехать, как они». На поиски способа сесть в какой-нибудь эшелон, идущий в западном направлении, ушло почти две недели. Был выбран самый простой и вполне легальный способ: будучи женой фронтовика, мама Самуила Минькина требовала билет на поезд, делая акцент внимание именно на это обстоятельство. «Каждый день мама стала ходить к коменданту, она так ему надоела, что он, наконец, предложил ей вариант достать билеты на поезд Алма-Ата – Ташкент с пересадкой на станции Арысь. Он сказал, что Арысь – крупнейший железнодорожный узел в Средней Азии и там формируются составы. Нам было все равно, лишь бы быстрее уехать...». На билетах не были обозначены ни места, ни время отправления поезда. «Нам сказали, что люди ждут неделями, и неизвестно, когда будет сформирован состав, на проходящие же поезда билеты не продают, и проводники не открывают вагонов. Обязательно надо было пройти санпропускник, обратиться к коменданту, зарегистрироваться, получить хлебные и продуктовые карточки...».

Люди приспособивались к ситуации неопределённого ожидания. Спали на вокзале вповалку на цементном полу, все жались друг к другу

и, если кто-то открывал дверь, пассажиры начинали ругаться. Плохо было спать около двери или в проходах. Днем пассажиры перебирались в привокзальный садик, сидели семьями, готовили еду.

Наконец, где-то около четырех часов дня по радио объявили, что на шестой путь пришел сформированный пассажирский поезд для эвакуированных. Люди схватили вещи и бросились к поезду. Вдоль всего состава штурмовали вагоны. Поезд был сформирован из пригородных вагонов, проводников не было, с вещами, расталкивая друг друга, люди взбирались на ступени. Толкаясь и пролезая через двери и окна вагонов, самые шустрые пролезали внутрь, захватывая места. Утрамбовав поезд до отказа, все стали ждать отправления, но эшелон простоял ещё сутки. Такое отсутствие расписания было типичным для железнодорожных перевозок военной поры. Поезд шёл примерно неделю, то долго простаивая на разъездах, то проносясь без остановок мимо крупных станций. Приехали в Воронеж. Чтобы попасть на Смоленское направление, необходимо было на пригородных поездах с пересадками попасть на станцию Мичуринск. Это заняло ещё двое суток. В Мичуринске снова начались походы к коменданту, просьбы и мольбы... «Комендант поднял голову и долго смотрел на нас. Я понимал, что мама чувствует себя неловко... Вид у нас был не очень привлекательный: мы были грязными, оборванными, голодными и не выспавшимися после того, как валялись на вокзалах на голом цементном полу. У меня, как говорила мама, торчали только глаза и уши». Комендант выписал «литер» (документ на право бесплатного или льготного проезда на транспорте), дал талоны на обед на два дня и посадил семью Минькиных на ближайший поезд. На поезде в относительном комфорте (если это слово вообще можно применить к вагонам военной поры) доехали до Смоленска. Осталось ещё чуть более 100 километров. Но найти транспорт оказалось нелёгким делом и заняло ещё 10 суток. Пригородным поездом добрались до станции Починок, стали искать машину, которая ежедневно возила почту в Монастырщину. Но тут сестра Маня заболела сыпным тифом, и её увезли в больницу. Пришлось задержаться на месяц до Маниного выздоровления. И вот, наконец, в конце мая на почтовой машине семья Минькиных добралась до Монастырщины (в 40 километрах от родного Мстиславля). Поскольку их дом сгорел, они остались жить у родственницы. Первый день на родине автор воспоминаний описывает так: «К нам подошла женщина, мне она была незнакома. Она стала всматриваться в лицо мамы и произнесла: «Ци ты жива?»³⁴⁴.

Судьба семьи Минькиных во многом типична для многих тысяч эвакуантов. Чтобы попасть домой, люди преодолевали огромные

---

³⁴⁴ Там же. С.40-53.

расстояния, затрачивали на эту дорогу недели, а то и месяцы, испытывали голод, холод, неудобства в пути. Основным транспортом передвижения оставались железные дороги, государство не всегда, но всё же обеспечивало реэвакуантов питанием, медицинской помощью и проездными документами. Многое зависело от человечности и честности комендантов, начальников эшелонов, эвакуопунктов, местных переселенческих управлений. Решающую роль играл фактор межличностной коммуникации: способность объяснить, убедить, разжалобить; широко использовался канал подачи жалоб. Главным аргументом была принадлежность к категории «семья военнослужащего».

Конечно, следует учитывать, что реэвакуация членов семей номенклатурных партийных и государственных работников производилась в более комфортных условиях. Относительно организованно происходило возвращение на малую родину сотрудников, перемещавшихся с предприятиями или учреждениями.

Легальные и нелегальные стратегии реэвакуации.

Реэвакуация имела свои региональные особенности. Так, в Москве первые реэвакуируемые были зафиксированы уже в декабре 1941 г. Вот строчки из личного дневника московского врача Дрейцера: «29 декабря 1941 г. – Начинают возвращаться одинокие эвакуированные с востока. 14 января 1942 г. – Возвращаются москвичи в Москву. Но это единицы, а пишут письма тысячи с просьбами их вызвать. Несладко им живется в эвакуации»³⁴⁵.

За три года с 1942 по 1944 г. население Москвы увеличилось на 1095 тыс. человек, главным образом, за счет реэвакуации, поскольку тогда была естественная убыль населения. Пик реэвакуации в столицу пришелся на 1943 год. Причем, в 1942 г. в город возвращались, в основном, рабочие и служащие, в 1943 г. – работающие члены семей, в 1944 г. значительную долю среди прибывших составляли женщины, дети до 15 лет и пожилые люди старше 50 лет³⁴⁶.

Особым был и порядок въезда в столицу. Постановлением ГКО от 30 мая 1944 г. регламентировался порядок выдачи Московским Советом разрешений на въезд москвичам, индивидуально эвакуировавшимся и регулярно продолжавшим платить квартирную плату. Желавшим реэвакуироваться необходимо было до 1 сентября 1944 г. подать в райсоветы Москвы заявление и справку о квартплате. Жители Москвы, эвакуировавшиеся вместе с предприятием, оставались со своим

---

³⁴⁵ «Сейчас не время болеть. Военный быт глазами рядового врача» // Источник. 1995. № 2. С. 60–61.

³⁴⁶ Гаврилова И.Н. Демографическая история Москвы. М., 1997. С. 189.

предприятием по месту эвакуации. Граждане, получившие разрешение на въезд в Москву и не приехавшие в течение двух месяцев, теряли право на свою московскую жилплощадь³⁴⁷.

Определенные отличия имела также реэвакуация в г. Ленинград. Как только въезд в город был разрешен, поток прибывающих стал быстро нарастать. Если на 1 января 1944 г. в Ленинграде насчитывалось около 560 тыс. жителей, то к июлю население возросло до 725 тыс., а к началу сентября 1944 г. оно уже составило 920 тыс. человек³⁴⁸. В соответствии со специальным распоряжением СНК СССР за №927-р от 26 апреля 1945 г. в Ленинград возвращались детские дома³⁴⁹. За 1945 г. только из Челябинской области был реэвакуирован 21 ленинградский детдом в количестве 1700 воспитанников и 500 человек обслуживающего персонала³⁵⁰.

Массовая организованная реэвакуация ленинградцев проводилась в соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР от 30 июня 1946 г. Так, за период с 1 июля по 31 декабря 1946 г. из Удмуртии выехали в организованном порядке 330 человек, и в индивидуальном – 214, всего 544 человека. Дальнейшая реэвакуация в Ленинградскую область (в связи с созданным временным продовольственным затруднением) почти прекратилась. Более того, часть людей, отправленных в организованном порядке, вернулись обратно³⁵¹.

Местные власти освобожденных территорий прилагали все усилия для возвращения как можно большего числа трудоспособных, а особенно – квалифицированных коренных жителей. В свою очередь, партийные и хозяйственные руководители тыловых областей и республик были заинтересованы в сохранении эвакуированной рабочей силы, особенно специалистов. А люди в такой ситуации попадали «между двух огней». К примеру, работник редакции республиканской газеты «Красная Башкирия», эвакуированный латыш А. Курбе, в 1944 г. получил вызов, по которому должен был немедленно выехать в Ригу. Его не отпускали с работы. Через два месяца он написал письмо в Секретариат ЦК ВКП(б) со следующей просьбой: «Я рискую оказаться дезертиром, игнорирующим вызов ЦК. Надеюсь, что вы поможете мне выполнить

---

³⁴⁷ ГАПО. Ф. 564. Оп. 9. Д. 26. Л. 69–70.

³⁴⁸ Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5. С. 912.

³⁴⁹ ГАПО. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 82. Л. 72.

³⁵⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 3. Д. 4. Л. 130.

³⁵¹ Родионов Н.А. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии. Ижевск, 1991. С. 196–197.

вызов ЦК партии Латвии». Только с такими сложностями А. Курбе сумел реэвакуироваться³⁵².

Иногда несогласованность действий партийных и государственных органов между тыловыми и освобожденными территориями оборачивалась и более серьезными проблемами для эвакуированных людей. В этом плане показателен следующий факт. Шепарнева Евгения Степановна была эвакуирована из Днепропетровска со швейной фабрикой в южноуральский город Орск, где и работала. Получив в 1944 г. вызов ЦК КП(б) Украины, она уехала, несмотря на отказ директора предприятия отпустить ее. Орский горком ВКП(б) исключил ее из партии, суд приговорил заочно к 4 месяцам лишения свободы. Дело было пересмотрено, а наказание отменено только после вмешательства ее мужа – майора Филимонова³⁵³. Следует отметить, что жалобы, поступавшие из действующей армии, были серьезным аргументом, игнорировать который местные тыловые власти, как правило, не могли.

Интересная информация о реэвакуационных процессах содержится в переписке между гражданами и различными государственными структурами. Анализ архивных документов с такого рода перепиской позволяет нам высказать некоторые соображения. Адресатами писем были самые разнообразные вышестоящие инстанции: рай-, гор-, облисполкомы; партийные комитеты разных уровней; правительство СССР; комиссия по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах; различные наркоматы (министерства); «лично товарищ Сталин». Как правило, в письме излагались некоторые биографические данные, а затем формулировалась просьба. Письменные просьбы о реэвакуации начали поступать от эвакуированных уже с конца 1941 г. Вот, например, строчки из коллективного письма от жен начсостава Красной Армии, эвакуированных из Донбасса в Свердловскую область, датированного 13 февраля 1942 г.: «Наш родной Донбасс уже освобождает наша доблестная Красная Армия< ...> Мы смело будем ехать на восстановление своих любимых предприятий»³⁵⁴. За каждым таким письмом стояли человеческие судьбы.

В 1944-1945 гг. возросла доля заявлений от жителей Москвы и Ленинграда с просьбами о разрешении на реэвакуацию, особенно если вызвать их было некому, так как въезд в эти города был ограничен. Зачастую люди стремились попасть в поток организованной реэвакуации, так как фонды на питание в пути, например, выделялись только на таких мигрантов.

---

³⁵² ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 509. Л. 50.

³⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 473. Л. 182–184.

³⁵⁴ ГАСО. Ф. 540р. Оп. 1. Д. 108. Л. 15–16.

Характер писем с просьбами в различные вышестоящие инстанции несколько изменился после 1 июня 1946 г., когда были отменены пропуска на железной дороге. Недостаточное количество билетов на поезда, отсутствие денежных средств, обуви и одежды заставляли людей просить помочь обеспечить проезд. Появился целый ряд обращений за разрешением на въезд в области и республики Уральского региона из освобожденных районов. Очевидно, те, кто по какой-то причине не могли или не хотели реэвакуироваться, вызывали на Урал свои семьи. Так, А. И. Милютин, в заявлении от 22 марта 1946 г. просил разрешить въезд в Свердловскую область матери, сестре и брату из Кировской области³⁵⁵.

Помимо писем с просьбами и хождений по инстанциям реэвакуанты придумывали и осуществляли разнообразные, придуманные ими, сценарии возвращения домой.

Начальник Молотовского эвакуопункта Грошев сообщал в вышестоящие инстанции в феврале 1942 г.: «С каждым днем растет число лиц, имеющих на руках служебные вызовы от различных организаций и возвращающихся на прежнюю работу. С приближением весны появились «гастролеры» – люди, которые пытаются попасть в освобожденные районы»³⁵⁶. Количество случаев самовольного отъезда эвакуированных увеличилось в 1943 г. К примеру, за 5 дней февраля через Челябинский эвакуопункт без пропусков и вызовов проследовали в западном направлении 133 человека³⁵⁷. СНК РСФСР дал строгое указание облисполкомам впредь размещать всех самовольно проезжавших в пределах областей, а в случае мотивированных отказов возвращать на места выездов.

Самовольная реэвакуация была официально запрещена властями, но люди использовали всевозможные способы, включая обман: заявляли о потере документов, покупали билеты от одной ближайшей железнодорожной станции до другой и пр. Например, осенью 1942 г. нелегально в Москву из эвакуации вернулась юная Майя Плисецкая. В эвакуации она не имела возможности тренироваться и катастрофически теряла форму. Когда она узнала, что в столице остались часть труппы Большого театра и часть училища, решила ехать. По знакомству купила билет, хотя стоил он дорого, да и без пропуска на въезд в Москву билеты не продавали. Плисецкая вспоминает о выходе на перрон в Москве: «пристроившись к хромому старцу и поднеся его саквояж, чему он сердечно обрадовался, подыгрыв мне со всей искренностью, я

---

³⁵⁵ ГАСО. Ф. 2508р. Оп. 1. Д. 105. Л. 27, 33, 40 и др.

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 33. Л. 93.

³⁵⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 363. Л. 66.

проскользнула через военный патруль у дверей вокзала. Роль подростка при старом инвалиде мне удалась на славу. Я – в Москве»³⁵⁸.

Наталья Громова использовала личное знакомство с влиятельным человеком, чтобы проехать в Москву без спецпропуска: «Мне помог Иван Тимофеевич Спиринов <...> он готовил в Марах штурманов и часто летал из Москвы через Ташкент на «дугласе». Он взял меня в самолёт. Когда приземлились на аэродроме, я пересела в машину, легла на заднее сиденье. Спиринов сам повёл машину к проходной, в мундире генерал-майора, орденах, с Золотой Звездой Героя. На вопрос часового о том, что в машине, ответил, что личные вещи. Проехал без досмотра»³⁵⁹.

Таким образом, попытки попасть в группу оргнабора, «письма с жалобами во власть» и использование личных связей были главными поведенческими стратегиями реэвакуации.

«Мы здесь поработали честно, хотим уехать домой...».

Борьба с «чемоданными» настроениями.

Насильственная задержка людей в силу производственной необходимости или по признаку их политической благонадёжности приводила к тому, что они месяцами и годами не могли вернуться в родные места и воссоединиться с близкими. Всё это вызывало «чемоданные» настроения, дезертирство рабочих и служащих оборонных предприятий и даже волнения на ряде уральских заводов. Коренное изменение положения на фронтах и начало освобождения территории нашей страны от фашистских оккупантов способствовало эскалации «чемоданных» настроений среди эвакуантов. Известие о Победе в Великой Отечественной войне, наряду с настроением ликования, усилило желание эвакуированных уехать на прежнее местожительство. Так, 23 мая 1945 г. В Москву из Молотовской области поступила информация следующего содержания: «Наряду с большим подъемом работать еще лучше, окончание войны усилило настроение некоторой части эвакуантов уехать с Урала на прежнее местожительство»³⁶⁰. На приеме в Ленинском райкоме партии г. Челябинска 25 мая 1945 г. побывали 350 человек, настаивавших на решении вопроса о реэвакуации. Начальник переселенческого управления Башкирской АССР Гайсин отмечал в отчете за 1945 г.: «Проверки показали, что большинство эвакуированных перестали работать и ждут выезда»³⁶¹.

---

³⁵⁸ Плисецкая М. Я, Майя Плисецкая. М., 1994. С. 77.

³⁵⁹ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 260.

³⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 469. Л. 83.

³⁶¹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 428. Л. 72.

Запрет реэвакуации рабочих и служащих предприятий оборонного значения был обусловлен необходимостью поддержания стабильной работы промышленных предприятий в восточных регионах. Для иллюстрации приведем сведения о составе рабочей силы Кировского завода – одного из крупных промышленных предприятий Урала (данные на лето 1945 г.): из 40 тыс. рабочих – 6 тыс. ленинградцев, 4,5 тыс. харьковчан, 2 тыс. сталинградцев, 11 тыс. мобилизованных из армии, 4 тыс. выпускников ремесленных училищ³⁶². Несомненно, в случае отъезда эвакуированных завод просто бы встал.

«Чемоданные» настроения и дезертирство рабочих и служащих оборонных предприятий также провоцировали ошибки руководства страны в конверсионной политике. Уже с осени 1944 г. предприятия оборонной промышленности часть произведенной продукции перестали направлять на фронт и стали складировать в арсеналах. Стратегия конверсии начала разрабатываться с некоторым опозданием. Основные решения были приняты на конференции работников заводов оборонной промышленности, состоявшейся 23-24 января 1946 г.

Занятые собственной реорганизацией министерства фактически бросили предприятия на произвол судьбы, не решали вопросы финансирования конверсии. В результате перевод оборонных предприятий на производство патефонов, электрочайников, кроватей и тому подобной продукции, хроническая невыплата зарплат, постоянные изменения плановых заданий и их номенклатуры способствовали, в конечном счете, снижению уровня жизни людей. Так, 70% работников Златоустовского завода №66 составляли эвакуированные, мобилизованные и репатриированные. Из-за специфического состава рабочей силы завод в годы войны получал дополнительные бескарточные фонды продовольствия, в цехах было организовано второе горячее питание. Но 1946 г. был неурожайным, а в четвертом квартале правительство сняло дополнительные продовольственные фонды. К январю 1947 г. 10% заводчан были больны дистрофией, еще 20% находились в преддистрофическом состоянии³⁶³.

В этих условиях реэвакуация увлекла за собой наиболее квалифицированных руководителей и специалистов. Текучесть кадров приобрела неуправляемый характер.

Настроения ожидания охватили Кировский завод, размещенный после эвакуации в Челябинске. Протестные практики традиционно выражались в написании жалоб и коллективных петиций, адресованных высшим руководителям партии и правительства. Рабочие Кировского

---

³⁶² Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 43.

³⁶³ Новоселов В.Н. Военно-промышленный комплекс Южного Урала в 1945–1965 гг. // Промышленность Урала в XIX–XX веках. М., 2002. С. 277.

завода 12 мая 1945 г. написали коллективное (150 подписей) письмо Сталину по вопросу отправки их домой в Ленинград и отослали его в Москву³⁶⁴.

Во второй половине 1945 г. резко возрос поток писем-обращений в Приемную Президиума Верховного Совета СССР. Примерно четвертая часть этих обращений касалась так называемых трудовых вопросов, среди которых на первом месте находились проблемы рабочих, эвакуированных со своими заводами³⁶⁵. В текстах писем упор делался на желание оставаться законопослушными и дисциплинированными. Эвакуированные горняки-донбассовцы, работавшие на Урале в Кизеловском угольном бассейне писали: «Когда нам предложили эвакуироваться и поехать на работу в восточные районы, мы безо всякого возражения выехали на работу и работали здесь честно и добросовестно. А семьи остались там. Пишут, что им тяжело, помощи от государства нет, так как они не семьи фронтовиков. Мы не хотим самовольно уходить с производства, так как это преступление. Когда нас, горняков-донбассовцев отпустят на работу обратно в Донбасс?»³⁶⁶.

Считая свои требования справедливыми, люди в качестве доводов приводили, прежде всего, свое желание воссоединиться с родными и близкими, оставшимися в западных областях СССР. Тем более, что их семьи не получали помощи и льгот от государства, так как не являлись семьями военнослужащих. Одним из аргументов было и то, что на местах прежнего местожительства остались квартиры, имущество, а в эвакуации, как правило, люди жили в общежитиях, на частных квартирах, в неблагоустроенных бараках и т. д. Письмо поступило в приемную председателя Верховного Совета СССР М. И. Калинина 20 сентября 1945 г. Копия была отправлена первому секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусарову с требованием – рассмотреть. И вот какой ответ был прислан в Москву: «с шахтерами проведена разъяснительная беседа». На запрос в Наркомуголь ответили, что рекомендуют забрать на Урал семьи.

Условия жизни эвакуанаселения на протяжении всей войны оставались очень тяжелыми, но в военное время с ними мирились, как с неизбежностью. Переход к мирному времени вызвал острое желание иметь приемлемые бытовые условия. А ситуация была тяжелой. Так, в информации в Москву из Башкирии от 1 августа 1945 г. сообщалось: «За годы войны резко возросло население городов, а жилищно-коммунальное строительство не велось с 1940 г. Жилищный фонд изношен на 34%»³⁶⁷. Кроме того, с окончанием войны обострились отношения местных

---

³⁶⁴ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 44, 53, 21–24.

³⁶⁵ Зубкова Е. Указ.соч. С. 41.

³⁶⁶ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 168. Л. 16.

³⁶⁷ ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 3. Л. 218.

квартирных хозяев и квартирующих эвакуированных. Последние говорили, что: «если бы были материально-бытовые условия, мы бы остались»³⁶⁸.

Назвав основные причины недовольства эвакуированных, чья деятельность была связана с промышленными предприятиями оборонного значения, остановимся теперь на анализе форм проявления и масштабах этого явления.

Подробное рассмотрение этого вопроса тем более важно, что в зарубежной историографии имеет хождение следующая версия происшедшего: «Волна масштабных забастовок, до сих пор властям незнакомых, всколыхнула металлургическую промышленность Урала. Народ, с одной стороны, удручен своим бедственным положением, с другой, надеется, что «что-нибудь изменится» – так или примерно так писали в своих многочисленных отчетах в Москву инструкторы ЦК, проводившие в октябре 1945 г. инспекцию городов и регионов СССР. Судя по этим отчетам, страна была повергнута в хаос»³⁶⁹. Комментируя это высказывание французских историков, можно с уверенностью сказать, что информация, отложившаяся в уральских архивах, ни в коей мере не дает оснований классифицировать обстановку в регионе как неконтролируемую анархию. Что же реально происходило?

Недовольство действительно существовало и проявлялось в разнообразных формах, охватывая даже относительно благополучные предприятия. Примером может служить анонимное письмо от 21 мая 1945 г., адресованное в партком Кировского завода. В тексте письма были следующие строчки: «Жить в таких собачьих условиях, которые вы нам создали, дальше невозможно. Мы раздеты, разуты, квартирные условия ни к черту. Начальство четыре года воровало и набило себе карманы... Вы, как партийные люди, тоже смирились с начальниками. Мы спрашиваем: скоро ли в Ленинград?»³⁷⁰.

Проследивая динамику реэвакуационных настроений, можно отметить влияние на нее законодательных актов партии и правительства, а также событий, происходящих в политической жизни страны. Так, усиление недовольства наблюдалось после выхода 7 июля 1945 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с Победой над гитлеровской Германией», в соответствии с которым амнистии подлежали осужденные к лишению свободы на срок не более трех лет и осужденные за самовольный уход с предприятий военной промышленности и других предприятий, на которых распространено действие Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 декабря

---

³⁶⁸ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 61, 66.

³⁶⁹ Черная книга коммунизма / Куртуа С., Верг Н., Панне Ж. М., 1999. С. 228.

³⁷⁰ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 7.

1941 г.³⁷¹ Амнистированные заключенные могли беспрепятственно возвращаться на прежние места жительства. Причем, была проведена организованная их отправка в рамках реэвакуации. Недовольство эвакуированных по этому поводу выразил коммунист-ленинградец, мастер кузнечного цеха Кировского завода Флейшман: «Чем мы хуже заключенных? Лучше бы я дезертировал с производства, сейчас бы меня амнистировали, и я бы поехал домой»³⁷². Кстати сказать, амнистия вызвала противоречивые настроения и среди самих заключенных. Так, она не коснулась осужденных по 58-й статье. Бытовало мнение, что по этому Указу освободили воров и дезертиров. Заключенная Кондакова, осужденная по Закону от 7 августа 1932 г., сказала: «Мы работали больше всех, а нам нет амнистии»³⁷³.

А вот в августе 1945 г. наблюдался спад «чемоданных» настроений, связанный с начавшимися военными действиями между СССР и Японией. Улучшилась трудовая дисциплина на промышленных предприятиях, встречались даже случаи отказа от реэвакуации людей, получивших на нее разрешение.

Проявления недовольства чаще носили словесную форму, но иногда люди переходили от слов к действиям. Некоторые эвакуированные рабочие сознательно нарушали трудовую дисциплину, рассчитывая, что за это их уволят с заводов и таким способом они получают возможность уехать домой.

Были случаи невозвращения работников из командировок. По архивным документам прослеживается рост дезертирства и случаев самовольных уходов рабочих и служащих с предприятий и учреждений после мая 1945 г. Например, в июле 1945 г. группа рабочих из 15 человек дезертировала с производства и выехала в Орловскую область³⁷⁴. Прокурор Челябинской области Мазуров на совещании в обкоме ВКП(б) в январе 1947 г. отмечал, что целый ряд дезертиров – это люди, которые 4-5 лет не были на родине, которые рвутся к своим родственникам, но им не дают отпуска³⁷⁵. Рост дезертирства наблюдался после выхода Постановления Совета Министров СССР от 7 марта 1947 г. о прекращении применения Указа от 26 декабря 1941 г.

Здесь, на наш взгляд, необходимо сделать уточняющее отступление. Хотя связь между дезертирством и желанием реэвакуироваться есть, она не носит непосредственного прямого характера. Во-первых, дезертирство существовало не только в военные

---

³⁷¹ Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946. С. 108–109.

³⁷² ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 80–82.

³⁷³ ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 45. Л. 489.

³⁷⁴ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 84.

³⁷⁵ Там же. Оп. 11. Д. 252. Л. 116.

годы; во-вторых, реэвакуационные настроения были далеко не единственной причиной дезертирства. По нашему мнению, верной будет следующая трактовка: невозможность уехать к своим домам и семьям приводила иногда рабочих эвакуированных предприятий оборонного значения к самовольному уходу с места работы. Примеров дезертирства в архивных источниках того времени зафиксировано много, но выделить среди них эвакуированных, которые бежали с целью реэвакуации, в цифровом выражении не представляется возможным.

Настроения недовольства на заводах Урала и Сибири были настолько сильными, что власти не могли не отреагировать на них. Так, Секретариат ЦК ВКП(б) 4 августа 1945 г., рассмотрев этот вопрос, потребовал от местных руководителей принять срочные меры по удовлетворению требований трудящихся, за исключением реэвакуации. Эвакуированным рабочим вместо реэвакуации часто предлагали забрать на Урал свои семьи, оставшиеся в западных районах страны. Например, мастер коксовых печей Магнитогорского металлургического комбината Бобровников привез в 1945 г. жену и двоих детей. Но в этом случае возникала другая проблема: семье негде было жить³⁷⁶.

Заслуживают внимания меры, принимавшиеся местными партийными и государственными органами для воздействия на эваконаселение. Во-первых, партийными и комсомольскими органами велась политико-разъяснительная воспитательная работа. Так, в августе 1945 г. на Кировском заводе прошли закрытые партийные собрания с повесткой дня: «О задачах партийных организаций цехов и отделов по обеспечению производственной программы II полугодия 1945 г.»³⁷⁷. Лозунг заботы о рабочих кадрах содержался в документах самого высокого уровня. Среди первоочередных в законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. была поставлена задача: «укрепить в промышленности и на транспорте постоянные кадры рабочих на основе улучшения организации труда и обеспечения на предприятиях лучших жилищных и материальных условий»³⁷⁸.

Во-вторых, широко применялись наказания. За дезорганизующие людей высказывания коммунистов исключали из партии, а дела по случаям дезертирства передавались в суд. Например, за 7 месяцев (с июля 1946 г. по январь 1947 г.) Кировским заводом было предано суду за дезертирство и прогулы 4046 человек. В феврале 1947 г. с целью устрашения на заводе было проведено 3 показательных судебных

---

³⁷⁶ ОГАЧО. ПФ. 234. Оп. 19. Д. 78. Л. 125.

³⁷⁷ Там же. Оп. 9. Д. 124. Л. 59.

³⁷⁸ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Свердловск, 1946. С. 9.

процесса о дезертирах³⁷⁹. Активно действовали в этом направлении органы прокуратуры и милиции. В Молотовской области за укрывательство дезертиров только в июле – августе 1944 г. были преданы суду 8 руководителей предприятий и председателей колхозов³⁸⁰.

В-третьих, изыскивались возможности для улучшения материально-бытовых условий эвакуированных рабочих, проводились инспекционные проверки заводов по охране труда и принимались меры по их результатам. В Постановлении Совмина СССР от 25 августа 1946 г. «О мероприятиях по улучшению материально-бытовых условий рабочих, ИТР и служащих предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»³⁸¹ была предложена система мер, но при отсутствии дополнительной материальной и финансовой поддержки реализация их проходила очень медленно. На наш взгляд, здесь действовал еще один тормозящий фактор – психологический. В чрезвычайной обстановке военного времени руководителям предприятий зачастую приходилось в качестве рабочей силы иметь дело с заключенными, мобилизованными, военнопленными. Привычка не заботиться об условиях труда и быта подчиненных становилась стилем руководства.

Постепенно социальная напряжённость на уральских заводах пошла на спад, хотя отдельные случаи проявления «чемоданных» настроений наблюдались и в 1947 г. Например, забойщики Копейской шахты №205 Бондарчук, Турков, Севцов высказывали желание скорейшей реэвакуации: «Мы здесь поработали честно, хотим уехать домой в Донбасс»³⁸².

Радужные ожидания и печальная реальность.

Находясь длительное время вдали от линии фронта и получая информацию только из советских подцензурных источников (сводки Совинформбюро), люди не представляли масштабов разрушений на тех территориях, которые попали под оккупацию и через которые проходила линия фронта.

Письма от оставшихся в живых родственников и знакомых проверялись военной цензурой. Газеты, радио и кинематограф преподносили читателю и зрителю совсем другую картину событий. В 1946 г. на Свердловской киностудии режиссером А. Медведкиным был поставлен фильм «На освобожденной земле», рассказывающий о возрождении колхозной жизни на освобожденной земле. Вот строки из рецензии на него: «По широкой, заросшей бурьяном степи, за шатким

---

³⁷⁹ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 11. Д. 252. Л. 32, 34.

³⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 316. Л. 114.

³⁸¹ Промышленность и рабочий класс СССР. 1946–1950: Документы и материалы. М., 1989. С. 352.

³⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 189. Л. 1–2.

скрипучим фургоном идет пестрая толпа беженцев<...> Это, вслед за частями наступающей Красной Армии, возвращаются в родные места советские крестьяне... Пепелище. Начали возрождать. Нет машин – есть руки. А потом колхозники узнают, что государство решило оказать большую помощь. И с новой силой разгорается огонь вдохновенного созидания»³⁸³. Пропагандистская направленность киноленты очевидна. Известная актриса Лидия Смирнова в своих воспоминаниях пишет о послевоенных годах: «В кинематографе, как и в партийной печати, в это время главенствовали две темы: война и восстановление народного хозяйства». Рассказывая о съемках второй серии киноленты «Большая жизнь», она так описывает свою героиню: «Я играю Женю Буслаеву, возлюбленную Алейникова. Она типичный вожак, бригадир девушек. Я перекладываю кирпичи, восстанавливаю разрушенные дома и шахты, пою песню».

Показывая процесс возрождения районов, освобожденных от фашистской оккупации, советские средства массовой информации романтизировали и приукрашивали действительность. Смирнова отмечает: «Мы были в Донбассе, когда война разрушила шахты (это почему-то нельзя было показывать на экране) – ни деревца, ни кустика, только бесконечные терриконы»³⁸⁴.

На страницах периодической печати стала постоянной рубрика «По родной стране», в которой помещались материалы, повествующие о восстановлении разоренных фашистами районов. Из освобожденных от немецкой оккупации областей и республик приезжали на Урал уполномоченные, проводили с эвакуированными агитационные беседы, привозили и распространяли газеты (печатные органы ЦК КП Белоруссии, Молдавии, Украины и т. д.). У людей, находившихся в эвакуации, это, на наш взгляд, порождало иллюзии о том, что по возвращении «домой» их ждут лучшие условия жизни.

Поэтому по возвращении на места прежнего местожительства в западных регионах СССР, многие вспоминают о пережитом потрясении. Например, С. Минькин так описывает свои впечатления от вида железнодорожной станции Воронеж весной 1944 г.: «Утро было солнечное. Я вышел из здания вокзала, и меня охватил ужас: вокруг стояли многоэтажные коробки с черными глазницами окон, нигде в округе не было видно ни одного целого дома. От одноэтажных деревянных построек остались только печи с обвалившимися трубами. Уходившие вдаль улицы были все в развалинах. Это был первый

---

³⁸³ Уральский рабочий. 1946. 4 июля.

³⁸⁴ Смирнова Л. Моя любовь. М., 1997. С. 142, 148.

пострадавший от войны город, который я увидел...»³⁸⁵. Похожее впечатление производил и Смоленск: «Вокзал был разрушен. Вокруг виднелись разрушенные многоэтажные дома, весь город стоял в развалинах, только виднелись золотые купола монастыря над Днепром. Переходные мосты через железную дорогу были взорваны, искореженные фермы висели над рельсами. Кое-где дымились вагоны, и догорали разрушенные дома. Нам сказали, что прошлой ночью была бомбежка. Эта картина произвела на нас угнетающее впечатление, мы поняли, что попали в пред.фронттовую зону»³⁸⁶.

Торопясь вернуться домой, реэвакуанты иногда прибывали в только что освобождённые населённые пункты. Случалось, что линия фронта отодвинулась всего на несколько десятков километров. Люди вновь слышали звуки артиллерийской канонады и должны были спастись от бомбёжек.

Особенно тяжело было возвращаться домой лицам еврейской национальности. Ведь большинство евреев возвращались фактически на кладбища и не находили в живых никого из родственников. Кроме того, послевоенные годы на Украине и в Белоруссии характеризовались всплеском антисемитизма³⁸⁷. О царивших среди евреев настроениях вспоминают очевидцы-реэвакуанты: «Одни люди приезжали, другие – уезжали. В основном это были евреи, которые остались в живых и возвращались из эвакуации в свои городки и местечки. Там мы постоянно слышали рассказы о трагедии, постигшей еврейский народ, узнали, как немцами и полициями проводились массовые расстрелы на оккупированной территории, как русская жена спасла своего мужа-еврея и своих детей. Или наоборот, как жена пошла и сдала своего мужа, чтобы спасти детей, а потом немцы расстреляли и мужа и детей её, и она сошла с ума. Рассказывая свое горе, люди освобождали свою душу, чтобы найти в себе силы жить дальше. Некоторые радовались, что остались живыми, были уверены в победе и говорили, что теперь они знают, как нужно жить. Другие были убиты горем, опустили от пережитых потрясений и были безразличны ко всему»³⁸⁸.

Но, даже возвращаясь в столичные города, эвакуированные видели следы разрушений от бомбёжек, опустевшие улицы. Писатель Вс. Иванов, вернувшись в Москву в конце 1942 г., так описывал свои

---

³⁸⁵ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С. 45.

³⁸⁶ Там же. С. 45.

³⁸⁷ Проценко Т.В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие): дис... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 71.

³⁸⁸ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С.50-51.

впечатления от увиденного: «Москва? Она странная, прибранная и такая осторожная, словно из стекла»³⁸⁹.

Как встречали вернувшихся из эвакуации людей на «малой родине»? Многие реэвакуанты отмечают крайне недоброжелательное отношение местных жителей, переживших здесь блокаду или оккупацию.

Так, в Ленинграде, оставшиеся в живых блокадники были настроены «против возвращающихся эвакуированных (вне зависимости от причин эвакуации), и огульно, во всех случаях, поддерживали переживших блокаду, вне зависимости от их морального статуса...»³⁹⁰.

Сотрудник аппарата Молотовского облисполкома Б. Н. Назаровский в частном письме, написанном во второй половине 60-х годов, так отзывался о работе эвакуированных писателей: «Вам стоит иметь в виду, что писатели, оставшиеся во время блокады в Ленинграде, несколько недоброжелательно относились к тем, кто был в эвакуации и вернулся в Ленинград уже после войны. Надо заметить, что не все писатели, жившие у нас, были достаточно активны и работали целенаправленно»³⁹¹.

А. Хохрякова, проработавшая в течение всей блокады Ленинграда в комитете комсомола Кировского завода, вспоминает: «В мае 1944 г. на завод стали возвращаться с Большой земли рабочие<...> Случалось, что отдельные рабочие относились к приехавшим неприязненно, называли их дезертирами, спасавшими свою шкуру в тылу, в то время как оставшиеся на заводе переживали огромные трудности. Пришлось разъяснять. Ведь люди уезжали не на курорт, им тоже пришлось несладко»³⁹².

Аналогичные настроения отмечались и в других освобождённых регионах.

Материальные и моральные проблемы.

Главной материальной проблемой по прибытии домой оказывалась жилищная. Если жильё оказывалось занятым, то дальнейший ход событий зависел от многих обстоятельств: иногда в результате переговоров приходили к какому-то компромиссному решению (договорились полюбовно), иногда судились, пытаясь восстановить свои

---

³⁸⁹ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 134.

³⁹⁰ Брискер А. Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни). Издание второе, уточненное и дополненное. Санкт-Петербург, 2009. С. 69.

³⁹¹ Цит. по: Колбас В.С. Письмо Б. Г. Назаровского журналистам // Великая Отечественная война: уроки и проблемы: науч.-практ. конф., посвященная 50-летию Победы. Пермь, 1995. С. 120.

³⁹² Листки блокадного календаря. Л., 1988. С. 149.

права на жилплощадь законным порядком, иногда применяли грубую физическую силу для выселения незаконных жильцов.

Иногда жильё удавалось вернуть с помощью физической силы и авторитета «фронтовика». Такую историю рассказал в интервью Кравец. Закончив краткосрочное военное обучение, он перед отправкой на фронт заехал в Москву проведать родных и обнаружил, что в его квартире живет семья, пострадавшая от бомбежки. «Договорились с ЖЭКом, что по моему либо матери приезду квартира будет освобождена. Составили опись вещей». Летом 1945 года мама Кравец реэвакуировалась вместе с заводом из Свердловска в Москву. Однако занимавшая квартиру семья отказалась ее освобождать, и маме пришлось поселиться в дровяном сарае, где она прожила два месяца. Женщина в отчаянии написала сыну на фронт письмо, в котором обрисовала сложившееся положение дел. Командир полка, разобравшись в ситуации, предоставил Кравец отпуск и выделил двух матросов в помощь, снабдив всех соответствующими документами. Приехав в Москву, нашел начальника ЖЭКа, показал подписанную опись имущества, находящейся в квартире. Однако соседка пустить категорически отказалась. «Тогда дал команду сопровождавшим меня матросам взломать дверь. Началось принудительное выселение, мои ребята внесли вещи в дом, врезали новый замок и ключи отдали матери. Позже пришла милиция разбираться, что происходит, но ознакомившись с документами и увидев балтийцев, вмешиваться не решились. На следующей день я и мои матросы уехали в часть, а мама осталась в своей квартире. А еще позже суд признал законность проживания мамы в квартире и таким образом одобрил наше насильственное вселение...»³⁹³. Перед нами история с благополучным концом. Хотя остаётся неясным, осталось ли в целостности и сохранности имущество героев рассказа, но всё же и время уже было мирное, и командир оказался понимающим, и авторитет фронтовиков матросов-балтийцев даже для милиции оказался непрекаемым, и закон, в конечном счёте, встал на сторону хозяев квартиры.

Далеко не всегда реэвакуантам удавалось вернуть своё жильё. Анатолий Брисер вспоминает: «при реэвакуации мы предполагали вернуть по суду нашу комнату на Невском пр., но этого не случилось – суд мы не выиграли, и нам даже не были возвращены или компенсированы расхищенные вещи, оставленные в квартире при эвакуации»³⁹⁴. Причины проигранного суда автор видит в следующем:

---

³⁹³Кравец // Архив Центра и Фонда «Холокост».

³⁹⁴Брискер А. Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни). Издание второе, уточненное и дополненное. Санкт-Петербург, 2009. С. 69.

жильё захватил управдом, т.е. наделённый долей власти представитель бюрократической машины; он изготовил «липовые документы» на оспариваемую жилплощадь; общественное мнение ленинградцев было настроено негативно по отношению к вернувшимся из эвакуации.

Практически невозможно было вернуть права на жилплощадь, если в ней поселялся высокопоставленный представитель номенклатуры. Так и случилось с Асей Борисовной Ханиной, вернувшейся из эвакуации в родной Киев: «после войны этот дом забрало ЦК партии, и в нашей квартире поселился, в нашей <много> коммунальной квартире, где жило штук 5 или 6 семей, поселился один ответственный <нрзб.> ЦК партии<...> И нас никого не вселили обратно. В общем, скитались, кто как мог»³⁹⁵.

Чтобы придать потере прав на жильё реэвакуантами видимость законности, власти ссылались на постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток» (16 февраля 1942 г.). Изъятые жильё поступало в распоряжение местных советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано оставшимся в городе родственникам, знакомым; или поступало в продажу в комиссионные магазины; или доставлено хозяевам по месту нового жительства. Постановление не распространялось на частный жилой сектор³⁹⁶. В нём, в частности, содержался пункт о необходимости регулярного внесения квартплаты, как условия сохранения права на жилплощадь. Это касалось, прежде всего, столичных городов Москвы и Ленинграда. Большинство эвакуированных не знали об этом документе, не имели средств для покрытия таких расходов, не имели физической возможности произвести такую оплату, проживая в маленьких деревеньках, находящихся за тысячи километров от прежнего местожительства.

Поиски оставленного имущества в большинстве случаев не увенчивались успехом. Квартиры обворовывались мародёрами, соседями или управдомом. Иногда, оставшиеся в доме соседи, сжигали книги и мебель уехавших вместо дров, чтобы не замёрзнуть и выжить самим. Часто имущество пропадало под бомбёжками или уничтожалось оккупантами.

Но были и счастливые случайности. Жительница Сталинграда Лопаева Светлана Михайловна в августе 1942 г. переправилась на пароходе через Волгу, потом пешком, оказалась в Казахстане. Перед

---

³⁹⁵Интервью с Ханиной Асей Борисовной // Личный архив Ребровой И.В. [Ф. 13-Х.Д. № МО02].

³⁹⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

уходом зарыла в огороде 2 сундука с вещами. Когда вернулась, сундуки откопала в целостности и сохранности³⁹⁷.

Разрушенное или занятое другими жильцами жильё усугубило и без того тяжёлое положение возвращавшихся из эвакуации в освобождённые от оккупации области. Так, осенью 1944 г. в Новгородской области в связи с реэвакуацией сложилась тяжелая ситуация с продовольственным обеспечением и жильем. На вокзалах Новгорода и Старой Руссы скопилось большое количество людей с детьми. Они были вынуждены разместиться в разрушенных домах, некоторые семьи находились в таком положении до двух месяцев. Нередки были случаи заболеваний и смертности³⁹⁸. В конечном счете, конкретно эта проблема была решена, но аналогичные сложности имели место и в других западных регионах.

У каждого своя судьба...

Подавляющее большинство беженцев вернулись на свою малую родину, кто-то раньше, кто-то позже. Некоторые остались и обрели новую малую родину. Прежде всего, не смогли уехать обратно многосемейные, инвалиды, престарелые или просто не имевшие обуви, одежды и денежных средств для переезда. Среди оставшихся были те жители Москвы и Ленинграда, реэвакуация которых была запрещена по причине отсутствия жилплощади.

Некоторые эвакуированные заняли выжидательную позицию: «будет хороший урожай на родине, наладится нормальная жизнь, мы, может, поедим на родину, а пока будем работать здесь»³⁹⁹.

Люди оставались на постоянное жительство в местах эвакуации по разным причинам: у родственников, проживавших на Урале; на заводах, не подлежавших реэвакуации; в случае гибели всех родственников, оставшихся на оккупированной территории; создав на Урале семью и др. По-разному сложилась их судьба. Людмила Григорьевна Дворсон перед войной закончила в Киеве 8 классов школы. Летом 1941 г. эвакуировалась на Северный Кавказ, а в 1942 г., в связи с изменением положения на фронтах, – на Урал в г. Березники. Здесь так и осталась.

---

³⁹⁷ Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города /Под.ред. М.А. Рыбловой; Южный научный центр Российской академии наук. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 19-20.

³⁹⁸ Похилюк А.В. Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов северо-запада СССР в период Великой Отечественной войны: дис... д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 289–291.

³⁹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 199. Л. 6.

Начинала работать старшим инспектором по кадрам в промышленной колонии №7 НКВД. В марте 1945 г. переехала в Молотов, чтобы продолжить учебу, в 1950 г. окончила историко-филологический факультет Молотовского госуниверситета и более 50 лет проработала директором Областного краеведческого музея. Людмила Григорьевна – заслуженный работник культуры РСФСР, почетный гражданин Перми⁴⁰⁰. За скупыми строчками этой биографии скрывается удивительная история принятия и освоения нового незнакомого пространства, преобразование его в свой жизненный мир. Родившись на далёкой от Урала украинской земле, оказавшись заброшенной войною в суровый северный край, Людмила Григорьевна всю свою жизнь посвятила краеведческой работе.

Несмотря на пережитые невзгоды, гибель близких, потерю жилья и имущества, возвращение в родные города и сёла воспринималось эвакуированными как начало новой лучшей жизни: «Я ходил по родному городу, и мне было всё таким родным и знакомым, даже воздух здесь был особенным. Немцы сожгли нашу улицу и всю северо-западную часть города "ферштат", и почти все кирпичные дома в центре. Сожгли мою деревянную двухэтажную школу; но бульвар, кинотеатр и педагогический техникум сохранились. Я ощущал, как близок, дорог мне мой родной город»⁴⁰¹. Как будто с человека сняли этот обидный ярлык – «выковыренные», и снова восстановилась связь времён между прошлым и будущим: «поднялась наверх, вошла в свою квартиру и поняла, что никогда не уеду отсюда, что это мой дом. Я вся погружена в прошлое, просматриваю архивы, письма, книги, альбомы, просто сижу и смотрю вокруг»⁴⁰².

В целом, в период 1944–1947 гг. в стране происходили значительные по масштабам миграции населения, одним из миграционных потоков стала реэвакуация населения из восточных регионов в европейскую часть СССР. Абсолютное большинство эвакуированных вернулись обратно. Власть пыталась придать этим процессам организованный характер, вводя ограничения на выезд целых категорий эвакуантов: работникам промышленных предприятий оборонного значения, столичным жителям, высококвалифицированным специалистам в некоторых сферах деятельности.

---

⁴⁰⁰ Дворсон Л.Г. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 145–148.

⁴⁰¹ Минькин С. Война (1941-1945гг.). Историческая повесть // Архив Центра и Фонда «Холокост». С. 57.

⁴⁰² Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 241.

При изучении исторических источников, отражающих процесс реэвакуации, приходишь к парадоксальным выводам: с одной стороны, архивные документы представляют реэвакуацию как в целом организованный и контролируемый процесс, с другой стороны, воспоминания очевидцев повествуют о массовых стихийных перемещениях людей в западном направлении в конце войны.

Как будто существовало два параллельных мира: мир порядка – со строгой дисциплиной и централизованной иерархией подчинения и мир со своими негласными правилами поведения, где каждый вырабатывал свои стратегии выживания, неся ответственности за себя и своих близких. Сравнительный анализ разноплановых источников наводит на мысль о том, что наряду с организованной реэвакуацией существовало неучтённое стихийное перемещение эвакуированных в освобождённые от оккупации районы и столичные города. Узлами соприкосновения двух миров были, прежде всего, железнодорожные станции и эвакуопункты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войне – вынужденное перемещение людей из зоны, угрожаемой оккупацией противником, в регионы советского тыла с целью безопасности. Термин «беженец» означает стихийное бегство с целью спасения собственной жизни. В трактовке международно-правовых документов «беженец» имеет достаточно широкое толкование, подразумевающее вынужденную миграцию в другое государство. По отношению к людям, бежавшим из своего дома, но оставшимся в границах своей страны, применяется определение – внутренние перемещенные лица.

В эвакуационном процессе сочетались элементы организованности и стихийности. Эвакуация не была подготовлена, но необходимость её уже в первые дни войны стала очевидной и диктовалась следующими причинами: скорость продвижения противника по территории СССР была высока, оккупационная политика на захваченных территориях была направлена на массовое физическое уничтожение населения. В принятых руководством страны документах, регламентирующих порядок эвакуации, совершенно чётко прослеживались главные задачи организации перемещения людей: спасение человеческих жизней и обеспечение рабочей силой оборонных предприятий страны. Организованно вывозились коллективы промышленных предприятий, частично учреждений, семьи номенклатурных работников, семьи высшего командного состава Красной Армии, столичная научная и творческая интеллигенция, дети с детскими домами и детскими учреждениями. Преференции были созданы для работников промышленных предприятий (прежде всего оборонного значения) и для работников номенклатурных должностей и их семей, что было оформлено секретными постановлениями ЦК партии и Президиума Верховного Совета СССР. Никаких указаний касательно национального признака в документах об эвакуации не содержалось.

Остальные категории населения прифронтовой зоны оказались предоставлены сами себе, вынуждены были самостоятельно принимать решения об отъезде и организовывать его. На некоторых территориях власти не информировали граждан об опасности, на других официально запрещали самостоятельную эвакуацию под угрозой уголовного преследования.

Дискуссионным и трудноразрешимым является вопрос о численности выехавших в эвакуацию людей, о том, какая их часть прибыла на новое место жительства. Рассмотрев этот вопрос в своих предыдущих публикациях, здесь ограничимся только общей цифрой: по нашим подсчётам, в эвакуацию выехало организованно и стихийно более 12 млн. человек. Поскольку часть из них погибла в пути (от бомбёжек,

голода, холода, болезней), часть (мужчины призывного возраста) была мобилизована на фронт в течение нескольких дней после прибытия, представители спецконтингента не учитывались в списках эвакуированных, часть не вставала на официальный учёт – конечная цифра людей, получивших официальный статус «эвакуированных» гораздо ниже.

Хронологически эвакуация проходила в два этапа: первый этап – лето – осень 1941 года, второй – лето 1942 г. Эвакуационный процесс на каждой территории западной части СССР имел свои особенности, причём тяжёлый опыт лета – осени 1941 г. практически не был учтён советским руководством в 1942 г.

В условиях безвластия и паники в прифронтовых зонах переставали действовать советские законы, возникала «альтернативная реальность» со своими правилами, сочетавшими бескорыстие и жестокость одновременно. Человек попадал в этот параллельный мир и интуитивно понимал, как надо поступать в том или ином случае.

По-разному воспринимался отъезд в эвакуацию как самими отъезжающими, так и теми, кто оставался. Одни считали это предательством и трусостью, другие – спасением и нежеланием оказаться под вражеской оккупацией.

В условиях войны менялась система ценностей людей: качество жизни уходило на второй план, первостепенным стало спасение жизни как таковой.

Основным видом транспорта, принявшим на себя всю тяжесть эвакуоперевозок, стал железнодорожный транспорт. «Жизнь в теплушке» стала не только тяжёлым испытанием для десятков тысяч людей, но и бесценной «школой выживания».

Оказавшись в местах нового местожительства, эвакуированные сталкивались с необходимостью привыкания к новым жизненным обстоятельствам и освоения незнакомого пространства. Процесс адаптации вынужденных переселенцев имеет две стороны: условия, формируемые местной средой, – с одной стороны, влияние эвакуированных на отношения с принимающей стороной – с другой. Степень успешности адаптации зависела от особенностей принимающего региона и его населения, социальных, национальных, статусных, профессиональных, половозрастных и личностных характеристик прибывших людей.

Характерной чертой сложившейся в 1920-1930-е гг. в СССР административно-командной системы было искусственное поддержание социальной иерархии, когда принадлежность к одним группам населения давала определенные льготы и привилегии, а к другим – ущемляла в правах. Прибывшие в советский тыл эвакуированные также

принадлежали к различным социальным слоям населения. Эвакуированные номенклатурные работники (чиновники и их семьи), семьи партийных работников, государственных чиновников, военного генералитета, как правило, «вливались» в свой социальный круг. Научная и творческая интеллигенция дифференцировалась на столичную и провинциальную. Титулованные академики и профессора, режиссёры и актёры, писатели, художники и композиторы по прибытии в небольшие провинциальные города Средней Азии, Урала и Сибири становились местной элитой, пользуясь различными льготами и привилегиями. Остальная часть эвакуированной интеллигенции, преимущественно расселённая в сельской местности, воспринималась местными жителями как «чужаки», что нередко приводило к конфликтным ситуациям. Работники эвакуированных предприятий вливались в местные трудовые коллективы, но этот процесс не везде и не всегда происходил спокойно и безболезненно. Зачастую, эвакуированные рабочие промышленных предприятий Москвы и Ленинграда считали себя «белой костью», а местных рабочих презрительно называли «лапотниками».

Как правило, с течением времени конфликты сглаживались, социальные и межнациональные противоречия отходили «на второй план» перед одной общей задачей: «Всё для фронта! Всё для победы!».

Эвакуированные, так же как остальное население тыла, использовали различные поведенческие стратегии для выживания: патерналистские, девиантные, стратегии активного самосохранения. Сохранение жизни и личности обеспечивалось коллективизмом и взаимопомощью. Готовность сопереживать и помогать способствовала преодолению психологического шока и повышала самооценку. Тем более, что и местных жителей, и эвакуированных объединяла общая национальная идея: «Всё для фронта, всё для победы!». Но, так или иначе, все беженцы становились частью стигматизированного населения, их социальный статус изменялся в сторону понижения. Затяжное пребывание эвакуированных в восточных районах страны усугубляло материально-бытовые трудности местного населения и приводило к различным проявлениям взаимного недовольства, проявлявшегося иногда в агрессивных формах.

Освобождение западной части страны от оккупации и последовавшая победа советского народа в Великой Отечественной войне позволили начать реэвакуационный процесс. Абсолютное большинство вынужденных мигрантов воспринимали своё пребывание в эвакуации как временное и, получив возможность выезда, старались воспользоваться ею. Власть на законодательном и организационном уровнях регулировала реэвакуационный процесс. С одной стороны, стимулировалось перемещение с востока на запад ряда категорий

эвакуированных граждан, с другой – вводились ограничения на выезд в освобождённые регионы для работников промышленных предприятий оборонного значения, столичных жителей, высококвалифицированных специалистов в некоторых сферах деятельности. Запреты носили как социальный, так и географический характер. Некоторые эвакуированные, не получившие официального разрешения на выезд, пытались защитить свои права с помощью как пассивных (жалобы), так и активных протестных практик (дезертирство с промышленных предприятий, невозвращение из командировок, невыходы на работу).

Вернувшись в родные города и сёла, реэвакуанты сталкивались с множеством проблем материально-бытового и морально-психологического характера. Жилище, как правило, оказывалось занятым другими жильцами или разрушенным, а оставленное имущество – уничтоженным или разграбленным. Кроме того, население, пережившее оккупацию или блокаду, нередко встречало реэвакуантов с большой неприязнью.

Люди, пережившие эвакуацию в годы Великой Отечественной войны, на всю оставшуюся жизнь пронесли в своём сердце память об этой величайшей катастрофе. Перенесённые эвакуированными страдания и усилия по их преодолению достойны памяти и почитания потомков. Многогранный исторический опыт массового перемещения людей и их вживания в социум на новых местах жительства в условиях ведения государством тотальной мировой войны является и сегодня актуальной темой для исследователей.

Список сокращений

ГАРФ – Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации»

РГАСПИ – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории»

РГАЭ – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики»

РГАЛИ – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства»

ГАСО – Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Свердловской области»

ЦДОСО – Государственное бюджетное учреждение «Центр документации общественных организаций Свердловской области»

ГАОСО – Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив административных органов Свердловской области»

ОГАЧО – Государственное учреждение «Объединённый государственный архив Челябинской области»

ЦИАРБ – Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан «Центральный исторический архив Республики Башкортостан»

ЦАООРБ – Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан «Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан»

ГАПК – Государственное казенное бюджетное учреждение «Государственный архив Пермского края»

ПГАНИ – Государственное казенное бюджетное учреждение «Пермский государственный архив новейшей истории»

ГАКО – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области»

ГАОПДКО – Государственное казенное учреждение «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области»

ЦДНННО – Государственное бюджетное учреждение «Центр документации и новейшей истории Оренбургской области»

ГАОО – Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Оренбургской области»

ЦГА УР – Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики»

ЦДНИ УР – Государственное казенное учреждение «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики»

ЦГАКФФДСПб – Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга.

ПРИЛОЖЕНИЕ «А»

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 5 июля 1941г. №1821-814сс

«О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы».

Сов. секретно

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Разрешить семьям руководящих партийных, советских работников и семьям начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД при эвакуации, по указанию военного командования из прифронтовой полосы, избирать по собственному желанию место своего жительства, за исключением гг. Москвы и Ленинграда.

2. Обязать местное военное командование, местные органы советской власти и железнодорожные органы предоставлять эвакуируемым семьям, указанным в п. 1, необходимые транспортные средства (автотранспорт, железнодорожные билеты, вагоны), обеспечивать их питанием, медсанобслуживанием и в необходимых случаях одеждой.

3. Обязать Совнаркомы республик и обл(край)исполкомы обеспечить расселение и первоочередное устройство на работу прибывающих на жительство эвакуируемых семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и войск НКВД и оказывать им на первое время необходимую денежную и материальную помощь.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. ЧАДАЕВ
ГАРФ. Ф.259сч. Оп.40. Д.3022. Л.40. Подлинник. Машинопись.

Протокол № 34. **Постановление политбюро ЦК ВКП(б)**
"О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских
работников и семей начальствующего состава Красной Армии,
флота и войск НКВД из прифронтовой полосы"
05.07.1941

187 — О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, флота и войск НКВД из прифронтовой полосы

Утвердить постановление СНК СССР «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы» (постановление прилагается).

К п. 187 (оп) пр. ПБ № 34

В тексте имеется машинописная помета о рассылке: «Выписки посланы: т.т. Швернику, Жукову, Кузнецову, Берия, Кагановичу, Чадаеву, Крупину».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Ч. 2. Л. 42, 218.. Подлинник.
Машинопись.//

[Электронный ресурс]: <http://www.alexanderyakovlev.org/>

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР
от 5 июля 1941г. №1821-815сс

«Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий».

Сов. секретно

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Эвакуация рабочих и служащих эвакуированных предприятий и их семей производится по указанию Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

2. Осуществление эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий и их семей и обеспечение их в пути питанием и прочим возложить на народные комиссариаты и директоров предприятий.

3. Обязать местное военное командование и наркомат путей сообщения направлять рабочих и служащих эвакуированных предприятий, по возможности, одновременно с эвакуацией оборудования.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. ЧАДАЕВ
ГАРФ. Ф.259сч. Оп.40. Д.3022. Л.36. Подлинник. Машинопись.

**Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР
от 5 июля 1941г. №1821-818сс**

«О порядке эвакуации населения в военное время».

Сов. секретно

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Эвакуация *в прифронтовой зоне* производится по указанию местного военного командования, а в других районах только с разрешения Совета по эвакуации. Контингент и очерёдность эвакуации определяется Советами Народных Комиссаров республик, областными и краевыми исполкомами в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 27 июня 1941г.

2. Возложить осуществление эвакуации населения на местные органы советской власти.

3. Количество вагонов и маршруты определяет наркомат путей сообщения по заявкам местных органов советской власти. *Составление повагонных списков возлагается на начальника эшелона. На пути следования эшелонов с эвакуированными организовать эвакуопункты. На эвакуопункты возложить выполнение следующих функций: приём эвакуированных, формирование эшелонов, учёт эвакуонаселения.*

4. *Организовать* при Совета Народных Комиссаров республик, областных и краевых исполкомах отделы по *эвакуации населения.*

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. ЧАДАЕВ

ГАРФ. Ф.259сч. Оп.40. Д.3022. Л.34. Подлинник. Машинопись.

Примечание автора: *В деле есть три варианта этого документа – Л.29-34. Курсивом выделены неразборчиво пропечатанные части текста.*

ПРИЛОЖЕНИЕ «В»

Административные единицы в составе РСФСР с указанием численности населения (на 1 мая 1940г.) и количества зарегистрированных эвакуированных.

Области, края, АССР, АО	Дата образования	Население, тыс. чел. (17.01.1939)	Эвакуанселение, тыс. чел. (10.02.1942)	Эвакуанселение, тыс. чел. (01.01.1943)
Алтайский край	28.09.1937	2520,0		
Архангельская обл.	23.09.1937	1199,2		
Башкирская АССР	23.03.1919	3144,7	278,1	247,4
Бурят-Монгольская АССР (Улан-Удэ)	30.05.1923	542,2		
Вологодская обл.	23.09.1937	1662,3	-	-
Воронежская обл.	13.06.1934	3551,0	-	94,5
Горьковская обл.	05.12.1936	3876,3		
Дагестанская АССР	20.01.1921	930,5		12,5
Ивановская обл.	11.03.1936	2650,4		89,8
Иркутская обл.	5.12.1936	1286,7		27,1
Кабардино-Балкарская АССР	01.09.1921	359,2	16,5	
Калининская обл.	29.01.1935	3211,4	-	-
Калмыцкая АССР	4.11.1920	220,7	6,5	
Кировская обл.	07.12.1934	2226,1	232,7	
Коми АССР	22.08.1921	319,0	8,6	8,9
Краснодарский край	13.09.1937	3172,9	226,7	
Красноярский край	07.12.1934	1940,0		
Крымская АССР	18.10.1921	1126,8	-	-
Куйбышевская обл.	14.05.1928	2767,6	200,6	243,3
Курская обл.	13.06.1934	3196,8	25,0	
Ленинградская обл.	01.08.1927	6435,1	-	-
Марийская АССР	04.11.1920	579,5		28,8
Молотовская обл.	03.10.1938	2082,2	246,7	223,4
Мордовская АССР	10.01.1930	1188,6		68,8
Московская обл.	14.01.1929	8918,4	-	
Мурманская обл.	28.05.1938	291,2	-	-
АССР Немцев Поволжья	19.10.1918	605,5	28.08. 1941 г. была ликвидирована (ее территорию разделили между Сталинградской и Саратовской областями).	

Области, края, АССР, АО	Дата образования	Население, тыс. чел. (17.01.1939)	Эвакуация, тыс. чел. (10.02.1942)	Эвакуация, тыс. чел. (01.01.1943)
Новосибирская обл.	28.09.1937	4022,7		296,6
Омская обл.	7.12.1934	2366,6	214,2	272,6
Орджоникидзевский (с 1943 г. – Ставропольский) край	17.10.1924	1949,4	-	-
Орловская обл.	27.09.1937	3482,4	-	99
Пензенская обл.	04.02.1939	1708,7		
Приморский край	20.10.1938	907,2		
Ростовская обл.	13.09.1937	2894,0	183,0 (осень 1941 г.)	
Рязанская обл.	26.09.1937	2265,9	231,7	
Саратовская обл.	10.01.1934	1798,8	323,0	299,5
Свердловская обл.	17.01.1934	2512,2	378,6	334,4
Северо-Осетинская АССР	07.07.1924	328,9	16,9	
Смоленская обл.	27.09.1937	2690,8	-	
Сталинградская обл.	10.01.1934	2289,0	221,3	43,4 (на 1.06.1943)
Тамбовская обл.	27.09.1937	1882,1	-	-
Татарская АССР	27.05.1920	2919,4	272,7	
Тульская обл.	26.09.1937	2049,9	-	92,3
Удмуртская АССР	04.11.1920	1220,0	30,9	74,0
Хабаровский край	20.10.1938	1430,9		
Челябинская обл.	17.01.1934	2802,9	427,7	361,1
Чечено-Ингушская АССР	30.11.1922	697,4	2,5	
Читинская обл.	5.03.1934	1159,5		
Чкаловская обл.	07.12.1934	1677,0	220,1	240,7
Чувашская АССР	24.06.1920	1077,6		70,0
Якутская АССР	27.04.1922	400,5		
Ярославская обл.	11.03.1936	2271,3		266,7
Всего по РСФСР			5441,4	5290,4

Составлено автором по: Административно-территориальное деление РСФСР. // Российская империя. История государства Российского.

<http://www.rusempire.ru/sss/administrativno-territorialnoe-delenie-rsfsr.html>;

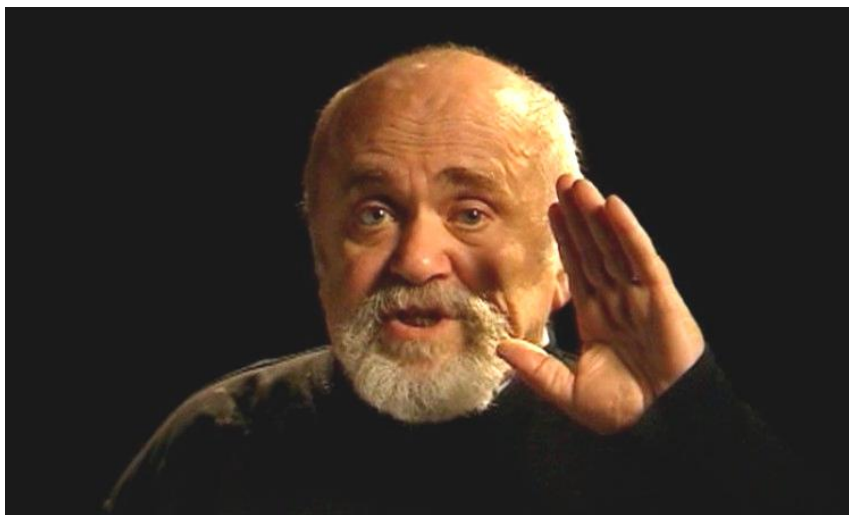
[ГАРФ. Ф. 259сч. Оп.40с. Д.4215. Л.2-3, 13, 36, 97, 108-109.](#)

«Население уходит из Кировского района после начала артобстрелов 18 сентября 1941 года». Автор снимка: Федосеев В.Г. ЦГАКФФДСПб.
// Окрестности Петербурга: Путеводители. Карты. История. Фотогалерея.
Режим доступа: <http://www.aroundspb.ru/>

«Заставка фильма». – Эвакуация [Видеозапись] Документальный /
реж. Самарий Зеликин. – М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ,
Открытая Россия, 2005.

«Самарий Маркович Зеликин». – Эвакуация [Видеозапись]
Документальный / реж. Самарий Зеликин. – М.: Фонд АРТ-ПРОЕКТ,
Открытая Россия, 2005.

«Редкий снимок. 1935 год. Отец, мать, сестра Мария, я Самуил» //
Самуил Минькин. Архив и Фонд «Холокост».

Беженцы. [Электронный ресурс]. // Музей г. Кыштым.

Режим доступа: museum.kyshtym.org

Так проходила эвакуация из Чажешно. Реконструкция по документальным фотографиям времен войны [Электронный ресурс] //

Режим доступа: <http://maltus1.narod.ru/war4.htm>

Население уходит в эвакуацию с отступающими советскими войсками по Украине. [Электронный ресурс]//

Библиотека изображений РИА Новости.

Режим доступа: <http://visualrian.ru/ru/site/lightbox/7787/?startfrom=36>

Эвакуация населения Севастополя. 1942 г. [Электронный ресурс].//
Режим доступа: <http://pliew.ru/a/photo2.html>

Эвакуация испанских детей из детдома. [Электронный ресурс].
// «ЖЖ» Джулия Корнелли.
Режим доступа: <http://juliyacoronelli.livejournal.com/1022728.html>

Блокада Ленинграда. Эвакуация. Фотоальбом. Режим доступа:
<http://evacuation.spbarchives.ru/gallery>

Архивным комитетом Санкт-Петербурга был инициирован проект по созданию единой информационной базы данных на жителей Ленинграда, эвакуированных из города в годы блокады Ленинграда, на основе документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и части ведомственных архивов Санкт-Петербурга.

Эвакуация детей из Ленинграда в первые дни Великой Отечественной войны. 29 июня 1941г. Автор съёмки: В.С. Тарасевич. ЦГАКФФДСПб.

Эвакуация Кировского района. 18 сентября 1941г.
Автор съёмки: В.Г. Федосеев. ЦГАКФФДСПб.

Посадка на скоростной самолёт гражданской авиации, ежедневно перевозящий пассажиров из Ленинграда. 10 октября 1941 г. Автор съёмки: В.Г. Федосеев. ЦГАКФФДСПб.

Эвакуация детей 38-го детского дома Куйбышевского района, посадка детей в автобусы. Июнь 1942 г. Автор съёмки: Н. Ржевский. ЦГАКФФДСПб.

Посадка на пароход эвакуированных ленинградцев. 1942 г. Автор съёмки: В.Г. Федосеев. ЦГАКФФДСПб.

Посадка пассажиров на эвакопоезд. 1942 г.
Автор съёмки неизвестен. ЦГАКФФДСПб.

Эвакуированные жители Ленинграда в ожидании транспорта на станции
Кобона. 12 апреля 1942 г. Автор съёмки: Р.А. Мазелев. ЦГАКФФДСПб.

Научное издание

Марина Николаевна ПОТЕМКИНА

**«ВЫКОВЫРЕННЫЕ»:
ЛИЧНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭВАКУАЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Монография

Издается полностью в авторской редакции

Подписано в печать 11.03.2016. Рег. № 109-16. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Плоская печать. Усл.печ.л. 9,50. Тираж 100 экз. Заказ 86.

Издательский центр ФГБОУ ВПО «МГТУ»
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38
Полиграфический участок ФГБОУ ВПО «МГТУ»